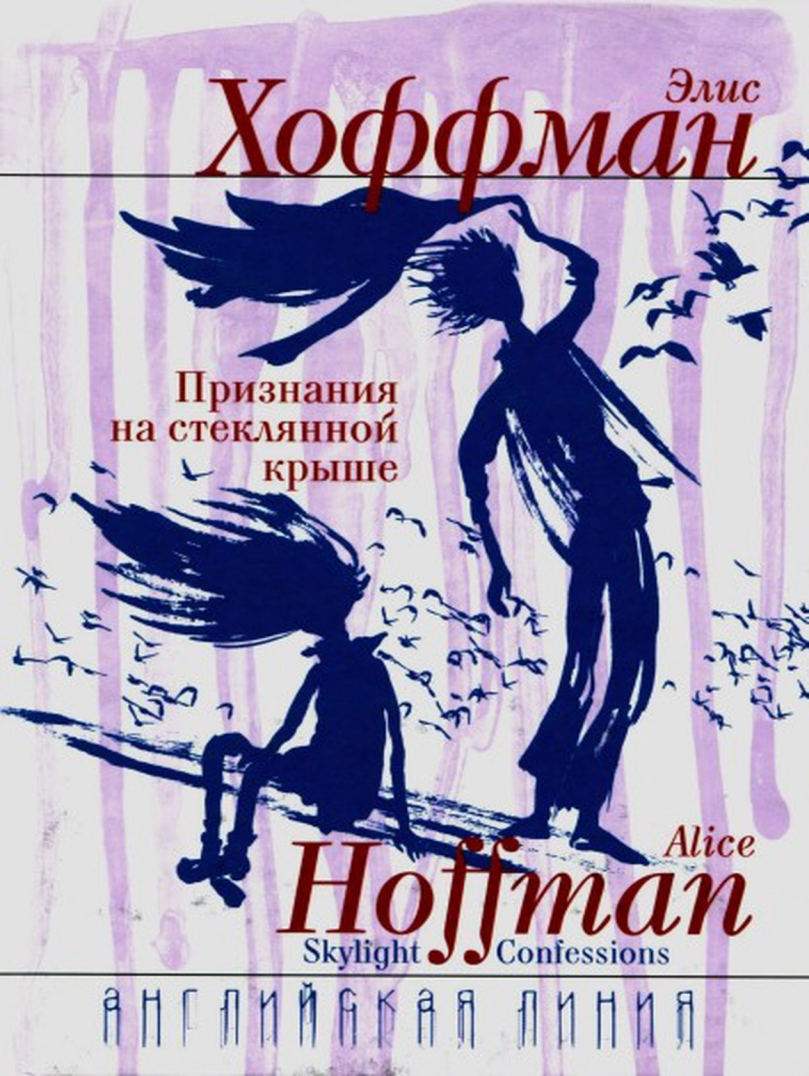
Элис

Хоффман



Признания на стеклянной крыше

Alice

Hoffman

Skylight Confessions

АНГЛИЙСКАЯ ЛИНИЯ

Признания на стеклянной крыше
Элис Хоффман

Аннотация
Элис Хоффман. Признания на стеклянной крыше
Часть первая. Жена-виденье
Часть вторая. Звездный дом
Часть третья. Алая карта

Аннотация

Элис Хоффман (р. 1952) — американская писательница, автор пятнадцати романов, двух сборников рассказов и шести книг для детей, большинство из которых признавались прессой лучшими книгами года. Ее произведения переведены на двадцать языков и выдержали более ста изданий в разных странах мира. По ее романам и сценариям снято 6 фильмов. «Признания на стеклянной крыше» — это пронзительная и горькая история таланта, обреченного на саморазрушение губительным воздействием непонимания и тупой обыденности, которым противостоят, подчас тщетно, усилия любви. Живые и точные картины современной действительности отмечены, как нередко бывает у Элис Хоффман, присутствием мистики. Начинаясь, как стилизованная, очень поэтическая Love Story, сюжет постепенно входит в русло вполне земного, даже натуралистического реализма и, живописуя физические и душевные страдания персонажей, когда уже кажется, что все обречены и выхода нет, вдруг вновь возносит

нас в полуфантастический мир видений и галлюцинаций.

Элис Хоффман
Признания на стеклянной крыше

Часть первая
Жена-виденье

Она была его первой женой, но в день, когда он впервые ее увидел, была просто семнадцатилетней девчушкой по имени Арлин Сингер, вышедшей постоять на переднем крыльце под вечер, который словно бы завис во времени. У Арлин только что умер отец, и всего несколько часов назад закончились поминки. Человек десять соседей собрались исполнить тягостный обряд за тяжелым, красного дерева обеденным столом, которым вот уже сколько лет никто не пользовался. Сейчас стол ломился: жестяные формочки макаронной запеканки с сыром, торт, покрытый ядовито-красной глазурью, большущее блюдо фруктов — на добрый месяц еды, если б у Арли не отшибло аппетит.

Отец Арлин служил капитаном на пароме и был, особенно в последние годы, центром ее вселенной: в тисках болезни капитан разгорелся ярким пламенем, звездой, сияющей в ночи. Обычно немногословный, начал рассказывать истории. О скалах, вырастающих из темноты,

о таинственных рифах, будто затем лишь и созданных, чтобы пускать ко дну паромы; о людях, которых он знал и которые утонули, сгинули безвозвратно. Красным мелком рисовал звездные карты, которые выведут тебя к дому, если ты потерял дорогу. Говорил о племени, обитающем по ту сторону пролива, в далеком Коннектикуте — что якобы перед лицом беды у них отрастают крылья. Так-то они не отличаются от нормальных людей, но когда, скажем, тонет корабль или бушует пожар — тут обнаруживают свое отличие. Только тогда прибегают к средству, дарующему спасенье.

На ночном столике у капитана лежала пригоршня камушков, проглоченных им, если верить его словам, в дни молодости: корабль, на котором он плыл, пошел ко дну, и он единственный остался жив. Стоял на палубе и внезапно, в мгновение ока, очутился в вышине, взмыл в небо. Оттуда рухнул стремительно в полосу коннектикутского прибоя, где и наглотался всласть прибрежной гальки.

Когда пришел врач — сообщить больному, что надежды на выздоровление нет, — мужчины выпили вдвоем, и вместо кубиков льда капитан положил в стаканы виски по камушку.

Это вам на счастье, сказал он врачу. *А я хочу одного — пусть будет счастлива моя дочь. Мне другого счастья не надо.*

Арлин горько плакала у постели отца и умоляла не покидать ее, но это был не тот случай, когда у нас есть право выбора. Напоследок, покуда капитана еще слушался голос, он дал ей один совет: будущее, сказал он, неведомо и непредсказуемо, а потому Арлин должна быть готова практически ко всему. Когда отец лежал при смерти, Арлин была раздавлена горем; теперь оно сменилось ощущением невесомости, какое бывает, когда человек теряет опору под ногами. Малейшее дуновенье могло бы унести ее прочь, в ночное небо, по просторам вселенной.

Держась за перила крыльца, Арлин наклонилась над азалиями. Кустами пунцовых и розовых цветов, усеянных бутонами. Несмотря на нынешнее свое положение, Арлин была оптимисткой. Ей, по молодости лет, стакан виделся не полупустым или наполовину полным — он представлялся ей красивым предметом, который можно наполнить чем угодно. Шепотом — точно сказанное вслух непременно сбудется — она заключила договор с судьбой.

Первый же, кто пройдет сейчас по улице — мой

суженый, и я стану хранить ему верность, пока он будет верен мне.

И, затаив дыхание, дважды повернулась на каблуках, как бы скрепляя договор. На ней были любимые туфли — те, что отец купил ей в Коннектикуте — кожаные лодочки, такие легонькие, что ходишь в них словно босиком. Рыжие волосы по пояс. Семьдесят четыре веснушки — она их считала — и прямой долгий носик, не сказать, чтобы слишком большой — напротив, по уверениям ее отца, не лишенный элегантности. Она следила, как меркнут небеса. В вышине протянулась полоска пепла, щепотка сажи из дымохода. Возможно, там был ее отец, наблюдал за нею сверху. Возможно, он стучался в крышку гроба, умоляя выпустить его наружу. Или, может, был все еще с нею, здесь, в ее сердце, и потому у нее всякий раз стесняло дыхание при мысли, как ей жить без него. Одиночество поселилось в душе у Арли, оставив, впрочем, место и надежде. С прошлым было покончено. Теперь по ясности, по прозрачности она уподобилась стеклу. Была мгновением во времени. Промозглый вечер, две звездочки на небе, полоска сажи, кучка болтливых, едва знакомых ей соседей в столовой. Она внушила себе, что на улицу, где она прожила всю

жизнь, явится ее будущее — если только хватит терпения дождаться. Если верить в судьбу.

В гостиной между тем судачили об Арлин — так, словно и ее, заодно с отцом, уже нет в живых. Ее было, в общем-то, и хорошенькой не назвать: так себе, невзрачненькая, конопатая. Аттестат об окончании средней школы и, сколько можно судить, никаких особых дарований. Одно лето проработала в кафе-мороженом, а в старших классах открыла на дому салон по уходу за собаками: мыла в кухонной раковине шампунем бассетов и пуделей. Обыкновенная девушка, одна-одинешенька в доме, у которого первая же приличная буря свободно может снести кровлю. Ее жалели, но жалость, как всем известно, — чувство скоропреходящее.

С пролива донесся глухой гудок парома, идущего от Бриджпорта; похоже было, что к ночи падет туман — об этом переговаривались женщины, принимая со стола посуду и смахивая крошки, убирая торт и формочки с запеканкой, перед тем как выйти на крыльцо проститься с Арлин. Туман наползал густой, солоноватый; в таких туманах тонут фонарные столбы и дорожные знаки, а люди легко сбиваются с пути. Сырой, безветренный вечер. Соседи не сомневались, что, проводив их,

Арлин вернется к себе, в пустой дом. Пройдет прихожую, в которой по-прежнему висят на вешалке плащи и куртки ее отца. Поднимется по лестнице, которую последние полгода не в силах был одолеть капитан. Бочком проберется мимо его комнаты, погруженной в молчание. Никто здесь не будет больше кашлять ночи напролет. Никто не позовет подать воды.

Но Арлин не уходила. Она продрогла до мозга костей и все-таки продолжала стоять на крыльце. Отец советовал ей готовиться к встрече с будущим, и Арлин, окрыленная надеждой, была готова. Когда же еще было явиться к ней ее судьбе, как не в самый горький час? То есть теперь, в этот сырой и пасмурный вечер? И — пусть не сразу, а по истечении трех часов, — вера Арли была вознаграждена. Туман к этому времени сменился мелким дождем, и на улице пахло сырой рыбой. Неподалеку остановилась машина; в ней сидел молодой человек, который, направляясь в гости, заехал куда-то не туда. Когда он вышел спросить дорогу, Арлин заметила, что он выше ростом, чем ее отец. Ей нравились высокие мужчины. Волосы, зачесанные назад. Красивые светлые глаза холодноватого серого оттенка.

— Здравствуйте! — крикнул он, подходя к ее

дому.

Голос был не такой, как она ожидала — бесцветный и с гнусавинкой. Не важно. Сейчас могло произойти все на свете.

Вглядываясь в него, Арлин отступила назад. Испугалась, наверное, подумал молодой человек: какой-то посторонний на видавшем виды «саабе», доставшемся ему от отца, останавливается и заговаривает с ней — тут невольно оробеешь. Мало ли кто это может оказаться, в конце концов! Убийца, беглый арестант, маньяк, готовый вырвать у тебя сердце из груди…

— Я заблудился, — пояснил молодой человек.

В другое время он продолжал бы свой путь; останавливаться и спрашивать дорогу было не в его правилах. Но он опаздывал, а он принадлежал к числу тех, кто привык являться точно в срок. Нарушая привычку к пунктуальности, он начинал нервничать и делать глупости. Так, например, дважды проехал вокруг одного и того же квартала. А выезжая из дому, забыл проверить, полон ли бак, и теперь боялся, что не успеет найти бензоколонку до того, как у него кончится горючее.

Звали молодого человека Джон Муди, он был студентом, заканчивал Йельский университет,

где изучал архитектуру. Дом Арли он отнес на глазок к коттеджам в стиле итальянского модерна, какие, начиная предположительно с 1860-х годов, встречаются сплошь да рядом в городках на северном побережье Лонг-Айленда. Запущенный, разумеется: кровля — точно засиженная мухами липучка, так как на дранке давным-давно облупилась краска, но при всем том не лишенный своеобразной затрапезной прелести, как не лишена ее и эта девочка, несмотря на кошмар, в который она облачилась, и на веснушки, рассыпанные по ее бледной коже.

Арлин была в пальто, хотя на дворе стоял апрель.

— Да вы озябли, — сказал Джон Муди.

Арлин приняла эти слова скорее как проявление заботы, а не пустую констатацию факта. На самом деле озноб бил ее в холодном свете будущего — свете, исходящем от этого высокого молодого человека, который не представлял себе, где он находится.

На Арлин накатывала слабость. Она с трудом держалась на ногах. Всю жизнь она жила в уютном коконе, жила ожиданием вот этого, зависшего округлым шаром вечера. *Вот оно — то, с чего все начинается. Тем, что сейчас произойдет,*

определится ход моей жизни.

Джон Муди поднялся по ступенькам крыльца. Ну да, шаткие. Давно пора бы починить. Он на миг остановился, переводя дыхание, потом заговорил:

— Я еду на вечеринку в незнакомый дом. К сестре Натаниеля, соседа по общежитию. Сам толком не пойму, как я здесь оказался.

Сердце у него билось толчками, мешая дышать. В начале года его отец пережил инфаркт. Неужели и с ним происходит то же самое? Недаром он никогда не любил говорить с чужими людьми — он вообще был не большой любитель разговоров. Джон Муди был сторонник спокойствия и порядка. Архитектура предполагала наличие правил, на которые можно положиться. Он был приверженцем чистой линии и четкой формы, без выкрутасов и нагромождений. Терпеть не мог всякого рода муть.

Арлин пробежала глазами указания, которыми Джона снабдил на дорогу сосед по комнате. Все было неправильно.

— Если вам в Смиттаун, то, не доезжая до порта, сворачиваете у перекрестка на запад. Проедете четыре городка, и следующий — ваш.

— Так далеко? — Весь семестр Джон Муди ра-

ботал в университете как проклятый, стараясь отличиться, и сейчас как-то разом обессилел. — Я и не заметил, до чего устал.

Арлин это понимала.

— Иной раз не чувствуешь усталости, пока не закроешь глаза.

Спешить особо было, кажется, некуда. Время зависло, оно остановило свой ход. Они зашли в дом, и Джон Муди прилег на кушетку. Вытянул длинные ноги с большими ступнями. Он легко засыпал — не помнил, когда в последний раз видел сон.

— Я всего на минутку, — сказал он. — Только чуточку приду в себя.

Арлин, как была в пальто, все еще дрожа, сидела на стуле с жесткой спинкой. Смотрела, как засыпает Джон Муди. И знала: от того, что случится в ближайшие минуты, зависит, назначено ли им быть вместе. У Джона трепетали веки, поднималась и опускалась грудь. Он спал красиво — спокойно, тихо, не двигаясь. Казалось, ему здесь самое место. Комнату загромождали стулья, составленные в круг соседями перед уходом. Когда отцу Арлин становилось совсем худо и ему приходилось давать снотворное, чтобы унять страшные боли, он стонал и метался во сне, сры-

вая с себя простыни. Арлин иной раз отлучалась от него на короткое время — подышать свежим воздухом, побыть одной. Доходила до пристани и стояла, глядя в темноту. Слышала плеск воды, но не видела ее — она вообще ничего не видела. Ей было нужно одно и тогда, и сейчас: мужчина, который может заснуть. И вот он наконец был здесь.

Арли оставила Джона Муди и пошла на кухню. Она три дня ничего не ела и поняла, что умирает с голоду. Подошла к холодильнику и принялась вытаскивать оттуда все подряд — банки фасоли, штрудель домашней выпечки, ветчину, бататовый пирог, последний кусок торта с красной глазурью. Потом села за стол и наверстала упущенное за три дня. Покончив с едой, стала к раковине и перемыла в мыльной воде посуду.

Арлин была так сыта, что заподозрить у нее голодное помрачение рассудка было невозможно. Она действовала вполне осознанно. Это не оставляло сомнений. Она знала, что делает. Она сняла пальто, сняла черное платье, комбинацию и прочее белье и даже мягкие кожаные туфельки, купленные ее отцом. Выключила свет. Дыхание неслышной бабочкой порхало в клетке ее ребер. Вдох, выдох. Ожидание. *Если он войдет в эту*

дверь, начнется моя жизнь. И точно: когда Джон Муди вошел на кухню, зависшее было время рванулось и понеслось вперед. Он шел к ней, пораженный своим везеньем и этим похожим на сон вечером, когда йельский студент пустился со скуки в путь-дорогу и по непостижимой прихоти судьбы очутился здесь, на этой кухне. Арлин представлялась ему виденьем, порождением его фантазии, сотканным из лунного света и молочной белизны. Как удивились бы соседи, считавшие ее дурнушкой, не стоящей внимания, если б узнали, что Джон Муди видел сейчас только ее прекрасную наготу и длинные рыжие волосы! Ему бы и в голову не пришло, что кто-то может назвать ее никудышной и невзрачной.

Что до Арлин, ей и того, что случилось, уже хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Того, как сомкнулись вокруг нее его руки, как с подставки, где сушилась посуда, попадали на пол, разлетаясь вдребезги, тарелки и чашки, отличный белый фарфор — а им было все равно. Ее еще никто не целовал, не до того ей было, занятой ночными горшками, уколами морфия, житейскими подробностями наступающей смерти.

— Это безумие, — говорил Джон Муди, не собираясь, впрочем, останавливаться. Да он и не

мог бы.

Будет ли он попрекать ее этим, когда пройдут годы, — тем, что сбила его с пути? Говорить, что ввела его в обман своей особенной красотой, которую до того никто не замечал? Арлин знала только, что, когда она повела его в спальню, он не стал противиться. Спаленка была девичья, с кружевными дорожками на комодах и лампами матового стекла; она уже показалась ей чужой. Время мчалось вперед так стремительно, неистово, что дух захватывало. Она готовилась совершить прыжок из одного мира в другой: от того, что *было и прошло,* к тому, что *еще может быть.*

Арлин сделала шаг вперед во времени и пространстве — обвила руками шею Джона Муди. Она чувствовала его поцелуи на своих плечах, на груди, на впадине между ключицами. Он заблудился, и она нашла его. Он просил указать ему дорогу, и она сказала, куда ему идти. *Спасибо,* шептал он, — так, будто она вручила ему бесценный подарок. Пожалуй, и впрямь вручила — себя, свое будущее, свою судьбу.

Он пробыл у нее три дня, и все это время провел в постели; он обезумел от нее, потерял голову, не хотел ни есть, ни пить — хотел только ее.

Вкус ее напоминал ему груши. Как удивителен был ему этот сладковатый свежий привкус, а самое удивительное — что Джон его замечал! Обыкновенно он не дарил людей особым вниманием, но сейчас было иначе. Руки у Арли были маленькие, красивые; зубы — мелкие и тоже безупречной формы, а вот ноги — большие, как и у него. Признак подвижной, деятельной натуры — такой, что справляется с задачей и не имеет привычки жаловаться. В ней как будто сочетались любовь к порядку и отсутствие сложностей — все то, что было ему по душе. До первого утра он не знал даже, как ее зовут, до второго — что у нее умер отец. На третье утро Джон Муди внезапно очнулся от сна, первого на его памяти сновидения за долгие годы — пожалуй, первого с детских лет. Он видел себя в доме, в котором вырос: знаменитом здании, возведенном неподалеку от города Нью-Хейвена его отцом-архитектором и прозванным в народе Стеклянным Башмаком за то, что состоял из сотен окон, сплетенных воедино тонкими прутьями воронёной стали. Во сне Джон Муди шел по коридору, неся корзину груш. Снаружи неистовствовала метель, и стекла в доме заволокло мутной пеленой. Сперва стало трудно разглядеть, куда он идет, потом — невозможно.

Джон заблудился, хотя план дома был прост и знаком ему со дня рождения. Его отец был ярый приверженец минимализма, чем и славился, восхваляемый за свое пристрастие к прямым линиям, водруженным друг на друга, — словно тому, что зовется домом, достаточно лишь пространства и стекла. Джон Муди опустил взгляд, не понимая, отчего стала так тяжела его корзина. Все было необычно — как колотилось его сердце, как овладевало им смятение. А самое странное, что груши в корзине превратились в плоские черные камни. Он и опомниться не успел, как эти камни сами собой поднялись и, точно пули, пущенные из орудия, пронеслись по воздуху, разбивая одно за другим окна в Стеклянном Башмаке. Все раскололось на куски и в дом ввалилось небо. Тучи и птицы, ветер и снег.

Очнулся Джон Муди в объятиях Арлин — в комнате, которой не узнал. Он лежал, укрытый белой простыней, и сердце у него сжалось от страха. Нужно было выбираться отсюда. Его занесло не туда, это было ему теперь совершенно ясно. Не то время, не та девушка — все не то. Рядом с ним рассыпались по подушке рыжие волосы Арлин. Сейчас, при трезвом утреннем свете, они приобрели цвет человеческого сердца, кровавый цвет.

Он выглядел неестественным — определенно не тот цвет, какой мог прельстить Джона Муди, предпочитавшего приглушенные тона.

Арлин приподнялась на локте.

— Ты что? — спросила она сонным голосом.

— Ничего. Спи.

Джон Муди успел уже натянуть штаны и пытался нашарить свои ботинки. Ему в эти самые минуты полагалось бы сидеть на занятиях. Он проходил курс разговорного итальянского, рассчитывая летом — уже со степенью бакалавра архитектуры, но до восхождения к степени магистра — совершить поездку во Флоренцию. Стоять в знаменитых залах, видеть творения великих мастеров, а черными тихими ночами спать без всяких сновидений в тесном номере маленькой гостиницы.

Арлин хотела было притянуть его к себе, но не достала — он нагнулся, вытаскивая из-под кровати свою обувь.

— Поспи еще, — сказал ей Джон. Все эти веснушки, которых он не замечал в темноте. Эти худые цепкие руки…

— А ты что, больше не ляжешь? — пробормотала Арли, не в силах стряхнуть с себя сон. Любовь оглушала, дурманила, погружала в забытье.

— Я посижу покараулю тебя, — сказал Джон.

Это было приятно слышать — Арли, должно быть, улыбнулась в ответ. Джон подождал, покуда она уснет, и встал. Торопливо сбежал по лестнице, которую даже вниз не в силах был одолеть отец Арлин; прошел по пустому коридору. Пыли полно по всем углам, к спинкам стульев все еще привязаны черные траурные ленты, с потолка осыпается штукатурка. Как-то он до сих пор ничего этого не замечал, а приглядеться — все рушится, разваливается на части.

Ступив за порог, Джон с непривычки захлебнулся свежим воздухом. Благословенный воздух, благословенное избавление… За домом раскинулся лужок, заросший золотыми шарами, травой по колено, бурьяном. При свете дня в коттедже никакой особой прелести не наблюдалось — кошмарное строение, если честно. Кто-то додумался снабдить его некстати слуховым окном и неказистым боковым входом. Окрашено в скучный корабельный серый цвет. Язык не повернется назвать нечто подобное архитектурой.

Джон молил бога, чтобы завелась его машина. И как только она завелась, развернулся и покатил назад, к паромной переправе, считая и пересчитывая про себя до ста, как часто посту-

пают те, кому, буквально на волоске от беды, посчастливилось благополучно выкрутиться. *Раз — уноси меня отсюда. Два — давай же, не подведи. Три — клянусь, никогда больше не позволю себе оступиться.* И так далее, покуда, цел и невредим, не оказался на борту парома, за много миль, на безопасном и надежном расстоянии от будущего, несущего с собой любовь и погибель.

Когда Арлин проснулась, ее окружала тишина. Что он уехал насовсем, дошло до нее не сразу. Она оглядела пустые комнаты, потом посидела на крыльце, думая, что он, возможно, поехал либо в кафе, купить им что-нибудь на завтрак, либо в цветочную лавку — выбрать дюжину роз. Его все не было ни видно, ни слышно. В полдень она сходила на пристань, где кассирше, Шарлотте Пелл, не составило труда вспомнить мужчину, которого описала ей Арлин. Успел к отходу парома на Бриджпорт в девять тридцать. Так торопился, что даже не стал дожидаться сдачи.

Арлин понадобилось две недели, чтобы обдумать и взвесить положение вещей. Другая дала бы волю слезам, но Арлин уже наплакалась на всю жизнь за то время, пока болел ее отец. Она считала, что за поступки следует отвечать, а у всего, что происходит, есть свое основание.

Арлин — как и догадывался, судя по размеру ее ноги, Джон Муди — была человеком действия и действовала согласно плану. Она узнала, где он живет, позвонив, якобы от службы доставки, в отдел общежитий Йельского университета и сказав, что должна доставить такому-то корзину фруктов. Не погрешив, строго говоря, против правды: она и впрямь собиралась привезти с собой груши. Джон говорил, что у нее вкус груши, и ей представлялось, что отныне одно упоминание об этом фрукте полно особого смысла для них обоих.

Арлин была по природе не лгуньей, она была фантазеркой. Воображала, что у каждой истории должно быть соответствующее завершение, уместная, сообразная последняя страница. Обратный путь от билетной кассы на пристани завершением не был. Нет еще.

Две недели потребовалось, чтобы уладить все дела. Она очистила чердак и подвал, избавилась от домашнего скарба, устроив гаражную распродажу, и выставила на продажу сам дом, чтоб расплатиться по неоплаченным счетам за лечение отца. В итоге не осталось почти ничего: тысяча долларов денег да считанные пожитки, которые уместились в одном чемодане. Соседи

устроили ей на прощанье отвальную в кафе напротив паромного причала. Те самые соседи — еще недавно убежденные, что такой, как Арлин, в будущем ничего не светит, — рады были выпить за то, что она вступает в новую жизнь. В конце концов, чем она хуже других, а попытать счастья имеет право каждый, даже Арли. За угощеньем, макаронной запеканкой с сыром и сандвичами с яичным салатом, соседи дружно желали ей удачи. Куда именно она уезжает, никто не спрашивал. Так уж водится, когда речь идет о будущем. Нередко шагнет в него человек — и исчезнет, и другим остается лишь надеяться, что ему повезет.

До Бриджпорта Арлин добралась на пароме, оттуда на поезде — до Нью-Хейвена. В начале путешествия она была уверена в себе, на подступах к университету — охвачена мучительным сомнением. Выйдя из такси, зашла в кусты рододендрона, где ее дважды вырвало, и поспешно сунула в рот мятную лепешку, чтобы освежить свое дыхание для поцелуя. Пути назад в любом случае не было, так что волнуйся не волнуйся — все едино.

Джон Муди готовился к экзаменам. Он догадывался, что Арлин может пуститься по его следу,

и не однажды испытывал приступами дрожь в коленках, задолго до того как Натаниель, сосед по комнате, пришел сказать, что по его душу пожаловала какая-то рыженькая. Джон, с тех пор как вернулся из Лонг-Айленда, постоянно видел сны. Что было уже само по себе недобрым знаком. Отделаться от тягостных сновидений не удавалось, и он принялся урезать себя в сне. Извелся вконец — так, чего доброго, и оценки запороть было недолго. Каждый сон заполняли катастрофы, неверные повороты, серьезные ошибки. И вот одна из них явилась, стучится к нему в дверь.

— Скажи ей, что меня нет, — ответил он Натаниелю.

— Сам скажи. Она ждет в холле.

Джон захлопнул учебники, спустился вниз и — так и есть: она самая, в точности такая, как была, те же веснушки; волнуется, в руках корзинка с фруктами.

— Джон, — сказала она.

Он взял ее за локоть и отвел в сторону. Они остановились в коридоре, возле ящиков для почты.

— Послушай, у меня экзамены. Ты, вообще, представляешь, какого стоит труда к ним подготовиться?

— Но я ведь здесь. Приехала на пароме.

Умишком точно не блещет, подумал Джон. И к тому же притащилась с чемоданом. Он подхватил чемоданчик и знаком позвал Арлин за собой. Вывел наружу, на задворки общежития, где их никто не увидит. Тот факт, что она не сердилась на него, рождал в нем чувство, что, в сущности, это он сам вправе предъявлять претензии. С известной точки зрения, это у него есть причины считать себя потерпевшей стороной. Что она возомнила о себе, черт возьми, чтобы нагрянуть к нему подобным образом? Угробить для него час занятий?

— У меня на все такое нет времени, — сказал Джон, словно обращаясь к кошке, которая забрела к нему во двор. — Езжай домой, Арлин. Тебе здесь нечего делать.

— Нам нужно быть вместе.

Арлин подняла к нему лицо. Она глядела на него так серьезно! Ей едва только стукнуло семнадцать. Все в ней дышало надеждой, светилось ею.

— Да неужели? Откуда ты взяла?

В тени рододендронов было почти не видно, какая конопатая у нее кожа. Она была совсем девчонка, в конце концов, да и потом кому не лестно, когда за ним гоняются сломя голову? Она

же форменную погоню учинила за ним! И это ее потерянное личико… И в то же время — решимость, какой он, кажется, еще не встречал.

— Только до завтра, — сказал он. — Потом ты едешь домой.

Арлин взяла чемодан и вслед за Джоном пошла обратно. Она не сказала, что продала отцовский дом вместе со всем домашним скарбом. Не упомянула, что имущество ее целиком уместилось в этот единственный чемоданчик. Ну хорошо, пусть мысль об их совместном будущем, похоже, пока не привела Джона в восторг, как это ей рисовалось. Так он вообще не из тех, кто любит торопить события…

У себя в комнате он все-таки позволил ей сесть в мягкое кресло и наблюдать, как он занимается. Она понимала, что ему нужен покой, она даже вышла купить ему кое-что на ужин: сандвич с ростбифом и горячий крепкий кофе. А когда он закрыл книжки, уже ждала его в постели — такая ласковая, похожая на мечту. И он поддался, уступил — в единственный и последний раз. Прощальный привет, что называется. На этот раз страсть полыхала еще сильней, он горел, словно в лихорадке, он вел себя как влюбленный. Но стоило ему уснуть, как вновь явились прежние

кошмары — обрушенные дома, выбитые окна, улицы, ведущие в никуда, женщины, которые вцепятся и никак не отпускают. Ничего хорошего подобное не сулило. Джон встал с постели и быстро оделся, хоть было еще темно и оставались часы до начала занятий. Вероятность надеть носки от разных пар его не волновала. От корзинки на его письменном столе разило перезрелыми фруктами, гнилью. Он оставил на столе записку — *Пошел сдавать экзамен. Счастливо тебе доехать домой.*

Правду сказать, когда он немного времени спустя действительно пошел сдавать итальянский, то отвечал безобразно. Не мог вспомнить, как будет *вода,* или *книга,* или *тарелка.* Возобновилось сердцебиение — вернулось то предынфарктное чувство, какое он испытал при встрече с Арлин в прошлый раз. Возможно, свидетельство паники. В любом случае, надо было бежать. Он опасался, что она будет ждать его там, в его постели, и его снова неким наваждением потянет к ней. Поэтому он вообще не стал возвращаться в общежитие. Пошел из аудитории прямо к своей машине. Выезжая из города, завернул в закусочную выпить пива; у него дрожали руки. Ладно, он совершил ошибку — но не более того! Что же ему теперь,

век за нее расплачиваться? Он сел опять в свой «сааб» и двинул к родительскому дому в пригороде Мэдисона, с остервенением считая по дороге. *Раз — никто меня не отыщет. Два — я свободный человек. Три — я ничего ей не должен. Четыре — все это рассеется, как сон.*

Это Натаниель, сосед по комнате, дал знать Арлин, что на выходные дни Джон часто уезжает домой. Наткнулся он на Арлин там же, в холле, с тем же чемоданчиком и в слезах — ближе к концу дня, когда она поняла, что Джон исчез. Она объяснила, что продала отцовский дом и деваться ей некуда. Натаниель всегда недолюбливал Джона Муди, считал его самовлюбленным избалованным поганцем, и подвезти Арлин к родовому гнезду соседа было, соответственно, чистым удовольствием. Мало того, он ехал, что называется, огородами, чем прилично выиграл во времени, так что высадил Арлин у дорожки к дому на полчаса раньше, чем туда, уже изрядно под парами, прибыл Джон Муди.

Арлин стояла на кухне, болтая с его матерью и шинкуя морковку для салата. Джон углядел ее издали, шагая через газон. Все было в точности как он видел во сне. Стеклянный дом. Женщина, которая никак не отпускает. Им овладело

чувство, будто все, происходящее сейчас, уже произошло однажды в каком-то темном и призрачном нездешнем мире, над которым он не имеет ни малейшей власти. На кухне было три десятка окон, и от Арлин в каждом из них не видно ничего, кроме рыжих волос. Ему вспомнились груши, и сразу же в нем пробудился зверский аппетит. Целый день маковой росинки не было во рту. Не считая этого чертова пива. Он устал. Он слишком много работал и думал, и почти не спал. Возможно, есть такая штука, как судьба. Возможно, все это естественный порядок вещей, правильная будущность — постылая маета в обмен на преданность и надежность. Он обогнул угол дома и, как когда-то в детстве, пошел на кухню с заднего хода, цокая каблуками по кафельному полу, выкрикивая зычно:

— Эй, кто там дома? Есть хочу, умираю!

Они жили на Двадцать третьей улице, в большой однокомнатной квартире со спальным альковом, на пятом этаже. Детская кроватка стояла в углу гостиной-столовой; тесную выемку алькова целиком занимала двуспальная кровать. Полная темнота не наступала здесь никогда — быть может, к лучшему. Арлин была на ногах в любое время суток, вскакивала покормить

малыша, походить с ним по комнате, оберегая сон Джона, который учился уже в аспирантуре Колумбийского университета, и поневоле замечала такое, чего иному, пожалуй, не приведется. Потаенное, манящее к себе лунатиков — такое, что по ночам не дает сомкнуть глаза, даже когда тебе выпадет редкая минута покоя. В два часа ночи на Двадцать третьей улице сгущалась синева, которую населяли тени. Один раз, кормя ребенка, Арлин увидела страшную драку между парой сожителей. На сосущего младенца напала икота, как будто у Арлин от чужих горестей прогоркло молоко. Мужчина и женщина в подъезде напротив мутузили друг друга кулаками. Брызги крови на тротуаре напоминали капли пролитого масла. Когда же, завывая сиреной, подкатила полицейская машина, парочка вдруг сомкнулась воедино и обратила заряд своей враждебности на полицейских, твердя, что никто тут не причинял друг другу ни малейшего зла, готовые горой стоять за того, кого только что осыпали проклятьями и грязной бранью.

Сынок у Арлин родился темноволосый и сероглазый — в Джона. Сэм. Не дитя, а само совершенство. Точеный носик и ни единой веснушки. Спокойный характер: мальчик редко плакал.

Жить в тесноте — при том, что Джону приходилось так много заниматься, — было не просто, но они справлялись. *Тихо, деточка,* шептала сыну Арлин, и он как будто понимал ее. Поднимал на нее большие серые глаза и замолкал, ее сокровище.

Родители Джона, Уильям и Диана, были небеспристрастны и держались суховато, но Диана питала слабость к внуку, что и заставило Муди-старших в конечном счете примириться с существованием Арлин. Не о такой невестке они мечтали — ни тебе университетского диплома, ни заметных талантов — но все-таки славная да и сына любит, и как-никак подарила им Сэма. Диана водила Арлин по магазинам и накупала для Сэма такие горы вещей, что большую часть он перерос, не успев хотя бы примерить; Арлин приходилось убирать их на верхнюю полку стенного шкафа прямо в упаковке.

Как идеально ни вел бы себя мальчик, у Джона не хватало на него терпения. Диана уверяла Арлин, что с мужчинами в их семье всегда так было, если речь шла о детях. Вот наберется Сэм силенок кидать бейсбольный мяч, подрастет, чтобы в нем видели не просто малыша, а сына, — и все переменится. Нетрудно было убедить Арлин в том, чему

ей и самой хотелось верить, к тому же и твердый голос свекрови внушал уверенность, что Джон в самом деле переменится к ребенку. Однако, по мере того как Сэм подрастал, Джона, казалось, все больше раздражало его присутствие. Когда, например, на восьмом месяце от роду мальчик слег с ветрянкой, Джон вообще переехал жить в гостиницу. Сил не хватало слушать это хныканье — и потом, остаться было бы небезопасно для него самого, поскольку он ветрянкой никогда не болел. Отсутствовал он две недели, раз в день звоня по телефону, — такой далекий, словно был не в тридцати кварталах от них, в том же городе, а где-нибудь за миллион километров.

Тогда-то — когда, одна в затемненной квартире, Арлин купала издерганного ребенка в кухонной раковине с овсяным отваром и ромашкой, чтобы унять зуд его пылающей, воспаленной кожи, — к ней и закралась впервые недобрая догадка. Что, если она ошиблась? Если в тот вечер, когда похоронила отца, разумнее было бы подождать, пока по улице пройдет следующий? Она корила себя за эти предательские мысли, однако, позволив себе единожды вообразить такое — другого мужчину, другую жизнь, — уже не могла остановиться. В парке, на улице, смотрела на мужчин и думала,

Может быть, тот, единственный, — вот этот? Может, я страшно обманулась?

К тому времени как Сэму сравнялось два года, она уже не сомневалась. Ее судьба осталась где-то там, снаружи, — она же по оплошности забрела в не свое замужество, не ей предназначенную жизнь. Джон, закончив аспирантуру, работал теперь в отцовской фирме, сетуя, что при своих способностях вынужден оставаться мелкой сошкой, младшим компаньоном, обязанным выполнять чью-то черную работу и напрочь лишенным свободы подлинного творчества. Он проводил много времени в отъезде, мотаясь на работу в Коннектикут и часто оставаясь ночевать у старого приятеля в Нью-Хейвене.

Арлин учила Сэма азбуке. Он схватывал все новое на лету. Глядел, как ее губы произносят название буквы, но повторял, лишь когда у самого получалось точно так же. Старался держаться поближе к матери, отказываясь играть с другими детьми, когда она водила его гулять. Когда домой приезжал Джон, из Сэма нельзя было вытянуть ни слова — уговорить, чтобы похвастался, как знает алфавит, какую выучил песенку или хотя бы отозвался, когда отец его зовет. Джон уже стал подумывать, не показать ли его врачу. С мальчиком

было определенно не все в порядке. Возможно, что-то не так со слухом или со зрением. Но Арлин знала, что он ошибается. Беда была в другом. Она и Сэм оказались не там и не с тем — она теперь знала это, но как такое выговорить вслух? Из догадки, что дела обстоят неладно, вырастал главный факт ее жизни. Ей следовало подождать. Не сниматься с прежнего места, покуда не придет более твердая уверенность в будущем. Не быть такой дурочкой, такой легковесной, зеленой — такой безоглядной, черт возьми!

Примерно раз в месяц Арлин возила Сэма на Лонг-Айленд. Из еды Сэм признавал лишь бутерброды с арахисовым маслом и конфитюром, так что Арлин всегда готовила и брала с собой несколько штук. Сэм любил ездить на поезде: болтал без умолку, увлеченно подражал железнодорожным звукам. Вот записать бы его, думала Арлин, и предъявить пленку Джону. *Ты видишь? С мальчиком все в порядке. Дело только в тебе!* Мешало странное опасение, как бы Джон, изменив свое мнение о сыне — увидев, что ошибался, считая его неполноценным, — не постарался переманить его к себе, отрезать ее от жизни Сэма. Короче, пленка так и осталась незаписанной. Арлин никогда не побуждала Джона посвящать

Сэму больше времени. Держала свой единственный кусочек радости при себе.

Доехав до нужной станции, они выходили и шли под горку, пока впереди не показывался порт с паромной переправой. В ветреный день на воде играли барашки и в деревянные сваи била волна. В ясный денек все вокруг словно бы стекленело — и синее небо, и густая лазурь залива, и туманные очертания далекого Коннектикута. В бывшем доме Арлин жила теперь другая семья. Они с Сэмом часто останавливались на углу поглядеть, как играют дети из этой новой семьи. Мальчик и девочка. Гоняют на улице мяч, залезают на клен, рвут с азалии распускающиеся бутоны и втыкают себе в волосы пунцовые и розовые цветки.

Иной раз детей звала обедать их мать. Выйдя на крыльцо, замечала, что за ними наблюдает рыжая женщина с маленьким ребенком. Тогда новая хозяйка спешила загнать своих ребят домой, а сама, отведя край занавески, старалась удостовериться, нет ли тут какого злого умысла. Не побродяжка ли это из тех, что крадут детей, — да мало ли кто еще… Но нет, неизвестные просто стояли себе на углу — и только; даже в холодную, ветреную погоду. Рыжая — в затрапезном ношеном пальто из толстой серой шерсти. Малыш

— спокойный: ни капризов, ни воплей, не то что некоторые. Темноволосый серьезный мальчуган с любящей мамой. Случалось, что они проводили здесь целый час; женщина указывала сыну на деревья катальпы, на воробьев, на уличные фонари, на крыльцо дома, и мальчик повторял за нею слова. Они заливались смехом, как если бы всякая малость в этом обшарпанном захолустье была для них чудом. Любой обыкновенный предмет, на какой нормальный человек даже внимания не обратит — разве что только женщина, которая знает, что совершила ужасную ошибку и возвращается сюда вновь и вновь в надежде, что стоит ей пройтись по той же улице, и судьба унесет ее назад, в то время, когда ей было семнадцать и будущее лежало впереди нехоженой тропой, представлением в общих чертах, моментом — чем-то, что еще не обернулось крушением.

Май приходил в Коннектикут благоуханный, изобильный, зеленый, как сон наяву. Иволга и пересмешник, жасмин в саду, пение птиц. В стеклянном доме зелень была повсюду. Никаких ковров под ногами — голые ясеневые полы; никаких занавесок — лишь сирень, рододендроны да узловатый бархат живой изгороди, нескончаемые ряды самшита. В Стеклянный Башмак

они переехали, когда отец Джона перенес второй инфаркт и Муди-старшие перебрались во Флориду. После смерти Уильяма Муди Диана все равно осталась там же — ей, с ее артритом, лучше жилось в теплом климате.

Самое занятное, что хоть с тех пор прошли почти два года, Арлин все еще скучала по свекрови. По кому-то, кто неравнодушен к ее ребенку. Кто понимает, с какой легкостью человек, живя в стеклянном доме, может маниакально реагировать бог весть на что — на то, к примеру, что кто-нибудь бросит камешек, что птичка спутает с воздухом прозрачное окно, а в раздвижную дверь забежит олень, что выпадет град или налетит ураган. Стекло, в конце концов, постоянно требует ухода. То капли дождя, то брызги клейкой живицы, то палый лист, цветочная пыльца… Джон договорился, чтобы раз в неделю к ним приезжали мыть окна. У Арлин это никогда не получалось как следует — во всяком случае, по мнению Джона. После нее оставались пятна, а кой-куда ей было просто не дотянуться, даже с самой высокой стремянки, приволоченной из гаража.

Мойщик окон приезжал на фургончике с надписью: «Братья Сноу». Арлин часто наблюдала за

ним; приезжал всегда один и тот же — небольшого роста, коренастый, основательный. Сам собою закрадывался вопрос: а что случилось с другим братом Сноу? Умер ли, сбежал куда-нибудь?

Свои рыжие волосы Арлин сворачивала на старомодный манер в пучок и закалывала черепаховыми гребенками. Похожую прическу, как ей представлялось, носила ее мать, которая умерла, когда Арлин только училась ходить. Сама Арлин в двадцать четыре года чувствовала себя старушкой. Утром, собрав Сэма в детский сад, провожала его по проулку до автобусной остановки, возвращалась домой и обыкновенно, не раздеваясь, забиралась снова в постель. Подчас не трудясь даже скинуть туфли — старенькие, купленные еще ее отцом кожаные лодочки, которые сейчас практически развалились. Она дважды меняла им подметку, но теперь разлезалась уже сама кожа. Каждый раз, надевая их, Арлин вспоминала, что за все то время, пока отец служил капитаном на пароме — а значит почти за двадцать лет, — не было случая, чтобы он остался ночевать в Коннектикуте. *Это не ближний свет,* говорил он о тех краях, где теперь жила она. *Тамошние, у которых есть крылья, держат их в сложенном виде под пиджаком или платьем, но в нужный*

момент, как только потребуется взлететь, расправят крылья — и прости-прощай! Никогда не потонут вместе с кораблем: в самый последний миг успеют оторваться. Другие уходят под воду, а эти — раз, и взлетели, взмыли к облакам.

Арлин ловила себя на том, что, куда бы ни пошла, везде высматривает таких людей — на верхушке деревьев, на рыночной площади, на телефонных столбах. Странное чувство легкости овладевало ею, чувство отъединения от дорог, от травы — всего того, что находится на земле. Себе самой она выбрала бы вороновы крылья, сильные, с иссиня-черным отливом. Был случай, когда она влезла на крышу гаража и стояла там, подставив себя ветру, мечтая, чтобы истории, рассказанные отцом, обернулись правдой. Зажмурилась, преодолевая тягу к прыжку. Ей стоило усилия напомнить себе, что в два часа из школьного автобуса выйдет ее ребенок, и, что бы там ни творилось у нее в душе, она обязана быть на месте, с букетиком сирени, сорванной на пути вдоль проулка.

Сэм продолжал удивлять ее своим отличием от других. Так, например, сегодня, когда она встретила его на остановке, он объявил:

— Ненавижу я детский сад!

— Не выдумывай, пожалуйста.

Уж не перестаралась ли она — в чем постоянно укорял ее Джон, — внушая ребенку, что он какой-то особенный?

— Всех заставляют строиться в затылок, когда мы выходим на переменку, а я — не все.

— Ну, каждый по-своему не таков, как другие, — сказала она.

— Но ведь других-то эти правила не задевают!

— Нам всем приходится делать не то, что мы хотим…

Такую ли науку желала она преподать своему сыну?

Взявшись за руки, они пошли к дому.

— Папа меня не любит.

Они дошли до поворота, где самой густой завесой вымахала сирень. Отсюда виднелась крыша Стеклянного Башмака. Виднелась, если ты знал, что она там есть, — иначе глаз, не задерживаясь, прошел бы насквозь и устремился прямо к облакам.

Здесь можно бы спрятаться, хотелось Арлин сказать, когда они двинулись вдоль живого ограждения. *Затаиться и никуда не выходить. Покуда не отрастим себе крылья. Покуда не сможем улететь.*

— Так не бывает, чтобы папа не любил своего сыночка, — сказала она.

Сэм поднял на нее глаза. Ему было всего пять лет, и он ей верил, но сейчас на лице его отобразилось сомнение.

— Правда?

Арлин кивнула головой. Во всяком случае, на это хотелось надеяться. Шагая по дорожке к дому, она подумала, как накопилась в ней усталость. Все то время, пока хворал ее отец, она не высыпалась по ночам, а после, когда родился Сэм и приходилось смотреть за ним, ей было тоже не до сна. Изнеможение так и не дало ей передышки.

Каждый раз, едва услышав, как закашлялся или застонал отец, она вскакивала, не дожидаясь, когда он позовет. Она знала, что отец любит ее — он говорил ей это каждым своим взглядом, когда она подавала ему стакан воды или поднос с его обедом или садилась почитать ему вслух журнал. Уверенность в отцовской любви не покидала ее никогда; у Сэма с его отцом обстояло иначе.

Возможно, сегодня ночью она увидит отца во сне, и он скажет, как ей быть. Признаться Джону, чего она действительно хочет, или продолжать в том же духе: жить каждому своей жизнью под общей стеклянной крышей, изображая из себя

не тех, кто они есть, делая вид, будто у всех сыночков папы так заняты делами, что им некогда любить.

Так шли они с Сэмом, пока дорожка не уперлась в Стеклянный Башмак. Внезапно Арлин поняла, до чего ей опостылело это здание. Эта коробка, клетка, капкан, из которого не вырвешься на волю. *В таком доме жить не просто,* предупреждала Арлин ее свекровь, когда они только переехали сюда. *Он словно притягивает к себе птиц.* И точно: на окантованной сталью крыше отчаянно галдела стайка дроздов. Уж эти-то наверняка разведут там пачкотню! Джону достаточно будет лишь взглянуть наверх из гостиной, и он увидит помет и перья и придет в ярость. Снова в доме что-то не слава богу, начиная с самой Арлин… Видно, не миновать ей выволакивать из гаража стремянку, лезть на крышу и мыть стекло… И тут Арлин увидела нечто поразительное. Крылатого человека. Из тех коннектикутских жителей, о которых рассказывал ей отец. Значит, они все-таки существуют, эти создания! Арлин почувствовала, как что-то в ней встрепенулось, оживая. Мужчина на крыше стоял как аист, на одной ноге. Один из братьев Сноу — не тот, привычный, а другой; взмахивал пиджаком,

сорванным с плеч, распугивая дроздов. Высокого роста, светловолосый, молодой.

— Пшли отсюда! — кричал он.

Солнце узорчатыми фестонами падало на его лицо.

— А ну, кыш на небо, там ваше место!

Арлин, стоя на траве, захлопала в ладоши.

Мойщик окон оглянулся и чуть было не поскользнулся на стекле, увидев, что ему улыбается снизу рыжая женщина. Был бы тогда случай проверить, умеет ли он и вправду летать или, подобно любому другому, просто шлепнется вниз и разобьется.

Джон Муди уходил из дому в шесть утра, а возвращался не раньше полвосьмого или восьми вечера, частенько не успевая к обеду, не успевая увидеть сына, которого укладывали в восемь. Это не значит, что Сэм непременно засыпал к этому времени; сплошь да рядом, после того как ему подоткнут одеяльце, он лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к шороху колес по гравию, возвещающему, что приехал отец. К концу рабочей недели Джон подходил, как правило, в скверном расположении духа, и у Арлин сложилось обыкновение звать по пятницам к аперитиву и обеду Синтию Галлахер, их новую

соседку и закадычную с недавних пор подругу Арлин. У Синтии имелись собственные проблемы с мужем Джеком, которого она, за количество употребляемого им спиртного, предпочитала называть «Джек Дэниэлз»[1]. У Арлин никогда раньше не было закадычной подруги, и чувство дружеской близости кружило ей голову. Нашелся кто-то, с кем можно было оставаться самой собой.

— Да гори оно все синим пламенем! — любила говорить ей Синтия, когда им попадалось в магазине что-нибудь не в меру дорогое и ей хотелось склонить Арлин к мотовству. У Синтии была тонкая кость и броская внешность, она красиво одевалась, не гнушалась ввернуть соленое словцо и знала толк в выпивке. — Кому и побаловать нас, если не нам самим?

Синтия умела внести оживление в любую обстановку. Свои прямые каштановые волосы носила стриженными до плеч и выглядела молодо, хотя была на несколько лет старше Арлин. Дело в том, возможно, что Синтия была свободна. У нее не было детей, и непохоже, чтобы Джек Дэниэлз, как она признавалась по секрету, способен был

---

[1] Примечания: 1
Марка виски.

произвести на свет потомство, хоть и божился, что прошел медицинское обследование, а спермы у него, по выражению Синтии, — хоть залейся.

Синтия была разбитная и бойкая — с такой не соскучишься. Ей ничего не стоило в два счета, играючи, развеять дурное настроение Джона Муди.

— Хватайте стакан вина — и шагом марш к нам в компанию! — кричала она ему, когда он в пятницу приезжал домой с работы. И он слушался. Подсаживался к ним на заднем дворике и развлекал их уморительными рассказами о болванах-заказчиках, которых превыше всего волнует количество стенных шкафов в ущерб целостности проекта. Поглядывая сквозь весенние сумерки на Джона — без пиджака, с закатанными рукавами, — Арлин вспоминала, с какими чувствами увидела его впервые, когда он потерялся, а она задалась целью во что бы то ни стало его найти.

Как-то раз Джон пошел на кухню взять сыра и крекеров и долить в стаканы вина.

— И маслины захватите! — бросила вдогонку ему Синтия. — Обожаю твоего мужа! — прибавила она, обращаясь к Арлин.

Арлин невольно моргнула. В воздухе легкой порошей сеялась цветочная пыльца. Арлин взгля-

нула на Синтию, на ее пухлые губы, на длинные ресницы.

— Не в этом смысле! — поспешила оговориться Синтия, увидев, какое у нее лицо. — Выкинь из головы гадкие мысли! Я же тебе подруга, киска!

Подруги — разные, как день и ночь. Они не сходились во мнениях о политике и людях, о модах и ведении хозяйства. И прежде всего — во мнении о Сэме.

— Его надо показать врачу, — твердила Синтия, потому лишь, что он любил бывать один, что ему больше нравилось складывать кубики, чем якшаться со сверстниками, что он замолкал в присутствии посторонних и сохранял сосредоточенное выражение лица, которое Синтия принимала за нездоровую, внушающую опасения рассеянность. — Что-то тут неблагополучно. Как друг говорю тебе, иначе и рта бы не открыла.

Кончилось тем, что Арли отвела-таки сына к психологу, и выяснилось, что по коэффициенту умственного развития Сэм мало чем уступает гению. Вышла, правда, загвоздка с одним из тестов — на серию с картинками Сэм отвечать отказался, просто лег головой на стол психолога и зажужжал, изображая из себя шмеля. Ну и что? Мальчик с творческими способностями, с вооб-

ражением — да перерос он эти дурацкие тесты! И потом — имеет ребенок право устать, в конце концов?

— Ох, нахлебаешься ты с ним, — предупреждала ее Синтия. — Он твердолобый, как не знаю что. Живет в своем особом мирке. А ведь чем дальше, тем больше. С таким подростком вообще не будет сладу. Помяни мое слово, я отличаю худо от добра.

Для дружбы с Синтией это явилось началом конца. Признаться в своем охлаждении хотя бы даже себе Арли решилась далеко не сразу. И все же трещина уже пролегла. Арлин не могла ценить кого-то, кто не ценит Сэма. Притом теперь, когда с глаз у нее спали шоры, она не могла не заметить, что Синтия откровенно заигрывает с ее мужем. Увидела вдруг, какие взгляды бросает на их соседку Джон во время пятничных совместных возлияний. Люди думали, что раз Арлин такая молоденькая, конопатая, тихая, то значит — дурочка. И зря так думали. Она понимала, что происходит. Она вообще понимала многое.

Впервые ей стало ясно, к чему все идет, когда они затеяли за столом игру. *Назови загаданное.* Начинать вызвался Джон, и Синтия правильно назвала задуманный им предмет. Джон загадал

опрокинутый горшок красной герани. Следующей была Синтия. Она смотрела в упор на галстук Джона — шелковый, светло-серый, в цвет его глаз. Кое-что серебристое, подсказывала она. Такое, что глаз не оторвать… Голос у Синтии был чуть хмельной и непростительно фамильярный. И усмешка, какой не место было на ее лице: понимающая усмешка женщины, которую хочет Джон Муди.

Арлин отвела от них взгляд. Даже если пока еще ничего особенного не случилось, то, стало быть, случится. Она подняла голову и увидела, что у окна своей комнаты стоит Сэм. Он помахал ей — изо всех сил, так, словно кроме них двоих нет больше никого на свете. Она — по воздуху, через стекло — послала ему поцелуй.

Возможно, то был день, когда Арлин простилась со своим замужеством — или, быть может, это совершилось в послеполуденный час, когда она случайно встретилась в магазине с Джорджем Сноу. Он покупал яблоки и пакет сахара. Ее тележка ломилась от продуктов.

— Так вот вы чем питаетесь? — заговорила с ним Арлин. Джордж стоял перед нею в очереди к кассе. — Неужели о вас и позаботиться некому?

Джордж Сноу рассмеялся и ответил, что если б

она через два часа заглянула в дом 708 по Пенниройял-лейн, то увидела бы, что заботиться о нем нет надобности.

— Я замужем, — сказала Арлин.

— А я не собирался звать вас замуж, — сказал Джордж. — Я всего-навсего хотел угостить вас пирогом.

И она приехала. Минут двадцать сидела возле дома 708 — достаточно, чтоб утвердиться во мнении, что заходить туда не следует. Потом в сопровождении шотландской овчарки по кличке Рики из дверей показался Джордж. Подошел поговорить с ней через полуоткрытое окно машины. Арлин до самой глубины души прониклась ощущением, что готовится совершить ошибку.

— Вам что, пирог внушает опасения? — сказал Джордж Сноу. Арлин засмеялась. — Мы заменителей не употребляем, так что на этот счет не беспокойтесь.

— Мне бы сначала познакомиться с вами поближе, — сказала Арлин, — тогда я и ответила бы, что́ мне внушает опасения.

— Понятно.

Джордж замолк. Его пес прыгал и заливался лаем, но хозяин словно бы не замечал его.

Арлин вышла из машины. Она чувствовала себя

до смешного молодой и глупой. Не удосужилась даже хотя бы завезти домой купленные продукты, перед тем как ехать на Пеннироял-лейн; бесцельно кружила по городу, будто ища чего-то и не помня точно чего, покуда не очутилась на его улице. А когда все-таки добралась до дому, то половина ее покупок погибла: молоко, творог и шербет протекли сквозь картонные пакеты. Но Джордж сказал ей правду. Он замечательно пек яблочные пироги. Он умел слушать, когда другие говорят. Он приготовил ей чашку чая. Все это делал он, а вот поцеловала его — Арлин. Она начала первой и, начав, уже не могла остановиться.

Иногда Арли приезжала к нему на Пеннироял-лейн, но боялась, что может попасться кому-нибудь на глаза. Чаще они встречались с Джорджем на набережной, у пристани, когда Сэм находился в школе. Она следила, чтобы все это никоим образом не отразилось на Сэме, не допускала, чтобы ее отношения с Джорджем хоть как-нибудь задевали Сэма. То была ее тайная жизнь, но по ощущению — куда более настоящая, чем была когда-либо ее жизнь с Джоном Муди.

Пес Джорджа не знал большей радости, чем носиться туда-сюда вдоль берега. Они пускались взапуски, разгоняя своими криками чаек,

а Джордж кроме того любил швырять по воде камушки.

— Побаиваюсь я камней, — призналась ему Арлин.

Ей не хотелось, чтобы вещи ломались и разбивались раньше срока. Пришла на память пригоршня гальки, которую хранил на ночном столике ее отец с тех самых пор, как едва не потонул в море. Вспомнился и построенный из тысячи окон дом, в котором она теперь жила.

— Камней побаиваться? — Джордж усмехнулся. — По-моему, уж больше смысла страшиться яблочного пирога.

Волосы у Джорджа были такие светлые, каких Арлин еще ни у кого не встречала, а глаза — карие. Семья его жила в этом городке двести лет, его здесь знал каждый. Одно время, оставив мытье окон, он держал зоомагазин, в чем по излишней доброте не преуспел. Отпускал птичий и звериный корм за полцены, был несилен в бухгалтерии и в итоге прогорел. Вновь открыть зоомагазин оставалось его мечтой, но Джордж умел реально смотреть на вещи. Он делал то, что необходимо. Был из тех, кто исполняет свои обязанности, а его брат призывал его вернуться к семейному ремеслу. Вот почему он оказался на

крыше в тот день, когда Арлин впервые его увидела: выполнял ненавистную работу, хотя Арлин-то считала втайне, что его направила туда судьба. Истинная ее судьба — та самая, что претерпела подмену в тот вечер, когда сбился с пути Джон Муди. Та будущность, что была ей назначена и вот теперь досталась наконец — по крайней мере на несколько часов в неделю.

Куда бы ни пошла Арлин — в химчистку, например, или на почту, — ее так и подмывало выпрямиться во весь рост и крикнуть, *Я влюблена в Джорджа Сноу!* Что, вероятнее всего, приняли бы одобрительно: ведь Джордж был в городе на хорошем счету. *И правильно,* отозвались бы на это люди. *Отличный парень! Не чета тому паршивцу, с которым ты живешь. Теперь имеешь возможность исправить то, что не заладилось в твоей жизни!*

Не видеться с Джорджем было выше ее сил. В минуты их близости — на заднем сиденье его грузовичка или же в доме на Пеннироял-лейн — у Арлин невольно мелькала мысль, не из того ли он действительно коннектикутского рода-племени, наделенного сверхъестественными способностями? Впрочем, она ведь знала, что эти люди всегда ждут до последнего, когда корабль уже

пошел ко дну или все здание охвачено пожаром — тогда только обнаруживают свою особенность и взлетают в воздух. Могут ли взять при этом кого-нибудь с собой, ты не узнаешь до решающего мгновенья, когда уже нет иного выбора, как только улететь.

Хоть прежде Арлин и в голову не пришло бы отнести себя к разряду женщин, способных крутить роман на стороне, врать оказалось проще, чем она предполагала. Скажешь, что собралась за покупками или на почту, в гости к соседям, в библиотеку на худой конец. Совсем легко, в сущности. Захватишь с собой платяную щетку, чтобы ни волоска от длинношерстой Джорджевой собаки не пристало к твоим брюкам или юбке и тем не выдало тебя. Не сказать, правда, чтобы Джон так уж глаза проглядел, выискивая свидетельства ее неверности: он, большей частью, вообще не глядел в ее сторону. Она же, вспомнив о Джордже, когда готовила омлет на завтрак Сэму или сгребала палую листву, не позволяла себе даже улыбнуться, не удостоверясь, что рядом никого нет. И лишь тогда могла рассмеяться от души. Впервые за долгое время чувствуя, до чего ей посчастливилось.

Единственный, кто знал про них — притом по

чистой случайности, — был старший брат Джорджа, Стивен Сноу. Он застиг их в постели, когда, крикнув брату:

— Эй, Джо! Хорош валяться, тебе же ехать к Муди, на работу, — стал у него в дверях и увидел, как они отпрянули друг от друга. Успел заметить рыжие волосы и белые плечи, раньше чем младший брат накинул на нее простыню.

Они оделись и вышли на кухню, где Стивен сидел за чашкой растворимого кофе. Было это через три месяца после того, как она впервые увидела Джорджа, стоящего на крыше дома. К этому времени они зашли так далеко в своей любви, что даже не смутились.

— Большая ошибка, — сказал Стивен брату. И, стараясь не встречаться глазами с Арлин, прибавил: — Обоих касается.

Им было все равно. Где сказано, что кто-нибудь когда-нибудь обязан дознаться, помимо Стивена, а он — человек надежный и замкнутый, мало с кем общается. Они продолжали вести свою тайную жизнь — ту жизнь, какую однажды, выйдя постоять на крыльцо, рисовала себе Арли. Чем дальше, тем чаще совершали безрассудства. Быть может, невидимыми себя возомнили? Решили, что люди кругом ничего не смыслят? Купались

нагишом в пруду за молочной фермой. Спали друг с другом в доме Муди, прямо на супружеском ложе Арлин и Джона, за этим сплошным стеклом, где снаружи любому все видно — что птице, пролетающей над головой, что монтеру с телефонной станции — кому угодно! Арлин с течением времени забывала прятать свое счастье от чужих глаз. Напевала, сгребая листья, насвистывала, проходя по рядам супермаркета в поисках спаржи или персиков.

И вот в одно прекрасное утро, на обратном пути с остановки школьного автобуса, она столкнулась с Синтией, совершающей утреннюю пробежку. Арлин с некоторых пор уклонялась от встреч с прежней подругой. Да и была ли Синтия в самом деле ей подругой? Теперь это представлялось сомнительным. Вспомнить хотя бы, как она переглядывалась с Джоном. Женщине, у которой есть секреты, лучше держаться подальше от приятельниц, не внушающих доверия. Когда Синтии случалось заглянуть к ним домой, Арли укрывалась в ванной комнате. Если Синтия звонила по телефону, Арли прибегала к отговоркам, зачастую смехотворным — что якобы всадила в ступню занозу, или что солнце напекло ей голову, или что голос сел, и вот приходится сиплым

шепотом приносить извинения. Что же до пресловутых пятничных посиделок, Арлин уже не видела надобности участвовать в этом фарсе. Больше того — водила Сэма по пятницам брать уроки игры на блок-флейте, предпочитая часами просиживать в приемной музыкальной школы под какофонию, летящую из классов, лишь бы не видеться с Синтией.

— Подумать только — оказывается, ты еще жива! — сказала Синтия, случайно встретясь с нею на дороге.

— Да я так занята все это время…

Арлин сама услышала, как фальшиво это прозвучало. Она оглянулась на проулок. Пуститься бы сейчас бежать — мимо Стеклянного Башмака, прямо до того дома, где живет Джордж, до того места, где можно, пусть ненадолго, становиться собой. Ее трясло, хотя день выдался теплый. Ей не нравилось выражение лица бывшей подруги.

— Еще бы ты была не занята! — Синтия хохотнула. — Не догадываешься, что мне сорока на хвосте принесла насчет тебя? Вообще-то все сороки только о том одном и трещат!

Арлин не поверила бы, что может так сильно не любить человека. Все в Синтии вызывало у нее гадливость: ее загар, ее белая футболка и синие

кроссовки, темные волосы, стянутые в конский хвост.

— Выходит, не такая ты добродетель, какой прикидываешься, — продолжала Синтия. — Мы, правда, больше с тобой не дружим, но я все-таки не думала, что узнаю это последней.

— Ты явно путаешь что-то… — Арлин почувствовала, как нарастает в ней все, что таилось прежде в глубине. Смятение, тревога, обман…

— Да ну? Все видели, как днюет и ночует возле вашего дома машина Джорджа Сноу. Радуйся лучше, что я Джону не сказала!

— А ты не делай вид, будто сама из другого теста, — ответила Арли. — Ты же с первого дня старалась отхватить себе Джона. За дурочку держишь меня?

— Если откровенно, то да. У нас с ним никогда не заходило дальше флирта. Не то, что у тебя с Джорджем. Ты, говорят, с ним трахаешься прямо на стоянке — на набережной, в его машине.

У Арлин все поплыло перед глазами. И это — ее недавняя подруга, женщина, с которой она была откровенна, которую каждую пятницу принимала в своем доме!..

— Если б мне столько раз, как у тебя, мыть окна, — говорила Синтия, — все мои стекла про-

терлись бы до дыр. Смотри не попадись, деточка, рано или поздно!

Лишь этого ей недоставало — выступить против Джона в бракоразводном процессе! Такой, как он, не задумается по чистой злобе отнять у нее самое дорогое. Включая Сэма. И что тогда ей делать? Вся кровь отхлынула у Арлин от лица — должно быть, веснушки проступили на нем заметнее, словно оспины. Ей представилось, какую войну способен развязать против нее Джон, если будет серьезно уязвлен — если Синтия постарается держать его на точке кипения. Представилась тяжба о попечительстве, потерянное лицо ребенка…

— Не бойся. Я ему не говорила. — Синтия, похоже, видела ее насквозь. — Его и дома-то, считай, никогда нет — куда уж тут заметить что-нибудь, верно? Зато от нашего женского глаза ничто не укроется! Каждую неделю сходимся на девичник обсуждать твое продвижение по кривой дорожке. Нет, это кто бы мог подумать? Тихоня Арли! Хоть день, да мой — так, стало быть? Ну а я буду тут как тут, когда понадоблюсь Джону. Как только — так сразу, прямехонько по соседству.

— Мне пора домой.

Арлин повернулась и пошла к дому.

— Давай-давай, — крикнула ей вдогонку Син-

тия. — Трахайся сколько влезет со своим мойщиком окон. Ко мне только не приходи плакаться, когда грянет гром!

Первый раскат его прогремел из-за трещины в окне. Как-то вечером, во время дождя, протекло в коридоре на верхнем этаже.

— И никто не обратил внимания! — бушевал Джон. — Куда они смотрят, эти мойщики, черт бы их подрал?

В некоторых местах отошли оконные рамы, причем одна — в комнате у Сэма. Опаснейшая нерадивость! Джон на другой же день распрощался с братьями Сноу, как ни упорствовал Стивен Сноу, настаивая, что их нанимали не для столярных работ. Пригрозив, что взыщет с братьев Сноу по суду за причиненный ущерб, Джон вызвал мастеров заменить негодные окна, после чего нашел себе новых мойщиков, которые будут также нести ответственность и за столярку. Возле дома не видели больше фургончика Джорджа Сноу. Сам он, однако, появляться там не перестал, хотя Арлин и велела ему вместо этого звонить — с тем, чтобы встретиться на набережной. Его влекло к ней как магнитом. Однажды он прикатил на велосипеде, позаимствованном у соседского парнишки; в другой раз затаился за живой изго-

родью, и когда Арли вышла взять газету, к ней высунулась рука и потянула ее в кусты самшита. Где ее дожидался Джордж Сноу.

В Арлин вселилась тревога. Судьба имеет странную особенность воздавать тебе сполна, когда ты думаешь только о себе и забываешь всякую осторожность — что, кажется, и относилось к ним с Джорджем.

— Это не наш, который приезжал мыть окна? — спросил как-то Сэм, когда они по пути с автобусной остановки миновали фургон, стоящий на углу.

— Видно, работает здесь у кого-нибудь еще, — с наигранной беспечностью отозвалась Арлин.

— А почему он на тебя так смотрит?

Что она понимала, эта Синтия, берясь судить об умственных способностях Сэма! Поискать надо было такого смышленого ребенка…

— Может быть, удивляется, что мы ему не помахали.

Они обернулись и замахали обеими руками.

— Привет, мойщик окон! — крикнул Сэм.

Фургончик отъехал от тротуара, развернулся и двинулся в обратном направлении.

— Теперь он сам нам не помахал…

Сэм вопросительно глянул на мать.

— А знаешь, давай мы сварим себе какао!

Арлин не удалось сдержать слез — впрочем, она не думала, что при таком ветре Сэм обратит на них внимание. Ей придется принять решение, теперь это стало очевидно. Глупо было надеяться, что можно иметь и то, и другое. Но если расстаться с Джоном, не риск ли это лишиться Сэма?

— Тебе ведь не нравится какао.

Не из-за этого же она плачет, с сомнением подумал Сэм.

— Если не часто — нравится.

Как можно быть чьей-то матерью и до такой степени сосредоточиться лишь на себе? Встреча с Синтией открыла ей глаза. Она стала замечать, как на нее поглядывают в супермаркете. Старалась справляться с покупками как можно скорей — а потом к ней подошла на стоянке Сью Харди, знакомая, живущая неподалеку от нее на той же улице.

— Скажу тебе кое-что по-соседски. Кругом болтают, что Джордж Сноу взял себе моду таиться тут и там поблизости. Хочу предупредить тебя, Арли. Учти, он — не человек-невидимка.

Вечером, дождавшись, когда Джон ляжет спать, Арлин позвонила Джорджу. Сидя в темноте на кухне, освещенной только звездами, сказала ему,

что им, как она считает, нужно на время перестать встречаться.

— Почему вдруг, Арли? Зачем?

— Не приходи, — положила Арлин конец разговору. — Я больше не могу идти на такой риск.

В постели, глядя на спящего Джона, она со страхом думала о том, во что превратилась. Никогда раньше не была она из тех, кому свойственно хитрить и обманывать, — знала, что для нее подобное неприемлемо, пагубно.

— В чем дело? — вырвалось у Джона, когда он, проснувшись, увидел, что она сидит в постели. Выглядела Арлин при этом лет на сто.

— Ты не задумывался — подходим мы с тобой друг другу?

— Здравствуйте! — Джон рассмеялся. — Так вот ты отчего не спишь? — Он давно перестал задумываться на эту тему. Когда-то он сделал неверный шаг, и потому сейчас они с нею здесь, в постели. — Забудь об этом. Ложись и спи. От таких мыслей толку мало.

Раз в кои-то веки Арлин решила, что он прав. Легла и закрыла глаза. Она поступит так, как обязана, чего бы это ей ни стоило.

Она перестала подходить к телефону, если знала, что звонит Джордж. Глядела сквозь оконное

стекло на небо, и звонки через некоторое время прекращались. Она старалась не сидеть без дела. Вновь занялась вязанием. Связала Сэму свитерок с каемкой из лазоревых птичек. Однажды, возвращаясь вместе с Сэмом из супермаркета, она увидела фургончик Джорджа. Самого Джорджа за рулем не было. Он сидел под кустами самшита прямо при въезде к ее дому. У Арлин бешено забилось сердце, но она нашла в себе силы спокойно сказать Сэму:

— Ты не поможешь мне с пакетами?

Дала ему самую легкую сумку и достала с заднего сиденья две остальные.

— А вот сидит мойщик окон!

Сэм помахал ему рукой, и Джордж ответил тем же.

Арлин отобрала у сына его ношу и сказала, чтобы бежал играть в мяч. Джордж Сноу поднялся с земли. На одежду его налипли травинки — он долго сидел тут и ждал.

Арлин сказала, что не может с ним больше видеться. Когда речь идет о выборе, ее выбор неизменно будет в пользу Сэма. Сэм тем временем кидал мячом о дверь гаража. Она надеялась, что присутствие мальчика удержит разговор в ровном русле, однако при словах, что все конче-

но, Джордж упал на колени.

— Вставай! Ну вставай же! — воскликнула Арлин. — Что ты делаешь?

Обычно Сэм не обращал особого внимания на взрослых — сейчас он откровенно глядел во все глаза. Взрослый — и на коленях! Мячик, которым играл Сэм, покатился по въездной дорожке и исчез под веткой рододендрона.

— Мы можем просто сняться с места и уехать, — говорил Джордж Сноу. — Едем — прямо сейчас!

Звучало и впрямь куда как просто, да только Арлин из них двоих было что терять. А как же мальчик там, на дорожке, любимый ею больше всех на свете? И как насчет мужчины, которому она по глупости обещала отдать свое будущее?

— Джордж, — сказала она. — Я говорю серьезно. Вставай.

Он поднялся, не отрывая от нее глаз. Ветер сдувал назад полы его плаща. Спорить и убеждать было поздно. Он прочел это по ее лицу. Он отер глаза рукавом.

— В голове не укладывается, как ты можешь учинить над нами такое.

Он поцеловал ее, не дав ей времени воспротивиться. Остановить его вопреки самой себе. Он целовал ее долго; потом пошел к своей машине.

Сэм помахал ему рукой, и Джордж Сноу тоже помахал в ответ.

— А что у того дяди было с глазами? — спросил у матери Сэм вечером, когда она укладывала его спать.

— Соринка попала, — сказала Арли. — Ладно, спи.

В тот вечер, вернувшись домой, Джон громким голосом позвал ее к себе. Первое, что пронеслось в голове у Арлин, было, *Он знает! Кто-то донес ему! Видно, это Синтия постаралась. Теперь можно будет сбежать отсюда!* Но выяснилось, что все совсем не так. Она вошла на кухню, и Джон протянул ей навстречу сжатые руки. Это был день ее рождения. Арлин совершенно о нем забыла. Ей исполнилось двадцать пять лет.

— Это мне?

— Ну а кому еще, ты думаешь? Давай-ка посмотрим, что там такое.

Он разжал пальцы, и она увидела нитку жемчуга — той мягкой белизны, какая отличает цветки камелии. Первое украшение, купленное для нее Джоном. Ждал до сегодняшнего дня. Когда ей стало наплевать.

— Надо бы почаще иметь дни рождения, — сказала Арлин.

И лишь уже перед сном, в постели, Джон признался, что это ожерелье он нашел.

— Только не обижайся, — прибавил он. — Ты же знаешь, я никогда не запоминаю ничьи даты. Зато тебе, в честь такого дня, повезло! Не каждой достанется муж, который находит драгоценности. Оно завалилось под самшитовый куст. Возможно, сто лет там пролежало.

Как будто эти жемчужины сами выросли возле их дома — посеянные в землю наподобие зерен, проросли молочно-белыми луковичками… Арлин обвила ожерелье вокруг шеи. Пусть этот безголовый Джон воображает, что оно появилось чудом, проклюнулось из земли или свалилось с неба, оброненное краснокрылым ястребом. Она позволила Джону застегнуть фермуар, хотя ожерелье было наверняка подарком от другого — мужчины, которого она любила. Впрочем, теперь это было уже не важно. Она сделала выбор и никогда в том не раскается, пусть доживет хотя бы до ста лет.

Что бы там ни случилось, ее выбор неизменно будет в пользу Сэма.

Сэм Муди был не такой, как все. Вот что чаще всего занимало его воображение: тарелки, костяшки домино, вазы, модели самолетиков, дома,

сложенные из кубиков — ломкие предметы. Он проделывал тайком такое, о чем никто и не догадывался. Нарочно ломал вещи и вслушивался, как они звучат, разбиваясь на куски. Капал клеем в совершенно новые отцовские ботинки, а на клей сыпал сажу. Хранил разную мертвечину: жуков, мышей, бабочек, трупик крольчонка. Подбирал с газона воробьев, налетающих на оконные стекла и замертво падающих вниз. Наблюдал, как все это нисходит к своим конечным основам — праху или костям, а после складывал останки в картонную коробку и убирал в угол своего стенного шкафа. Прыскал вокруг материнскими духами, и к запаху тления примешивалось благоухание жасмина. По ночам, чтобы в голову, прежде чем сморит сон, не лезли страшные мысли, Сэм колол себе пальцы булавкой. Терпеть боль было легче, чем справляться со страхом.

Он мечтал увидеть во сне собаку — собаки источали надежность, как материнская рука в его руке. Он жил с предчувствием чего-то ужасного. Задумывался — а у других людей тоже так? Оно и в школе не покидало его часами, это неведомое, жуткое, наползающее нечто. Стараясь обнаружить его, Сэм рыскал по детской площадке, пока другие ребята качались на качелях или играли в

мяч. И все выискивал мертвечину. Мошек, червяков, лапку бурундука, съеженную вроде шнурка, какими девочки подвязывают себе волосы. Он верил в приметы. Считал, что если с тобой случилось что-то хорошее — значит, и дальше все сложится удачно, а попадись в руки что-нибудь неживое — то, неведомо как и откуда, тебе придет конец.

Хорошее случилось внезапно. Когда он был совсем маленький, они с мамой то и дело совершали поездки по незнакомым местам. Потом какое-то время ей всегда было некогда. Теперь она опять освободилась. И вдруг, нежданно-негаданно, спросила, не против ли он на денек пропустить школу — само собой, он был ничуть не против! И вот они уже катили в Бриджпорт. Сэм надеялся, что они убегают из дому навсегда. В глазах отца, что бы он ни сделал, все было вечно не так. Отец даже и слов больше для него не находил. Неприязнь, исходящая от Джона Муди, оседала в голове у его сына. На пароме мать Сэма распустила волосы — рыжие и такие красивые, что на нее стали оглядываться. На воде ощущалось волнение; мать Сэма подошла к поручню, извинилась, и ее вырвало — прямехонько в Лонг-Айлендский пролив. Сдавленный клекот, потом

— натужные звуки извержения. У Сэма сердце переворачивалось от жалости. Будь сейчас рядом с ними отец, он весь нахохлился бы, насупился от неловкости, что люди смотрят. Не понял бы, что она притягивает к себе взгляды не только тем, что ее тошнит, но и тем, что такая красивая.

— Мне бы сейчас глотнуть водички, — сказала его мать.

Она побледнела, на лице отчетливее обозначились веснушки, как бывало, если она огорчена или не выспалась. Может, веснушки говорят о чем-то, подумал Сэм, — вот только понимать бы их язык…

Когда у его матери немного отлегло, они зашли в салон, к буфету; мама взяла себе стакан воды, а ему — картошку-фри. Она спросила, помнит ли он, как они ездили на поезде, когда он был маленький, и он отвечал, что да, хотя на самом деле помнил смутно. Какой-то попутчик, проходя мимо, осведомился, стало ли его матери получше; она сказала, *Да, и спасибо вам за участие;* почему-то у Сэма при этих словах защипало в носу. Хотя ведь он уже дорос до детского сада. Стал большой. А большие не плачут. Сэм вытянулся на сиденье, положив голову на колени матери. На полпути до берега по проливу прокатился гудок парома, и

они вышли постоять на палубе.

— Попробуй оближи себе губы, — сказала ему мать.

Сэм лизнул и почувствовал вкус жареной картошки, но сказал, что на губах у него привкус морской соли.

У паромного причала они сошли и, держась за руки, двинулись вдоль по улице. Мать рассказывала Сэму, как служил на пароме капитаном его дедушка и какой он был сильный и храбрый. Дома по сторонам стояли невзрачные, обшарпанные. У одного они остановились и мать сказала, *Помнишь, мы с тобой всегда приходили на это место?* Но он не вспомнил ничего. Дом, в котором выросла Арлин, не раз переходил после ее отъезда из рук в руки и с каждым разом все более ветшал. До сих пор Арлин всегда держалась на расстоянии от него, но сейчас ее неодолимо потянуло зайти внутрь. Она прошла по въездной дорожке и постучалась в дверь. Женщине, которая открыла, она назвалась Арлин Сингер, хотя Сэм знал, что фамилия у них с матерью одна и та же: Муди.

— Я тут жила когда-то, — объяснила Арлин теперешней хозяйке, старушке в домашних тапочках; и та пригласила их зайти и пройтись по

комнатам.

Они вытерли ноги о половик. Дом был маленький, стены — до половины облицованы деревянными белыми панелями, а дальше доверху шли обои. По обоям, зелено-сине-лиловые, разгуливали павлины. Сэм рассматривал их, подойдя поближе: моргнешь — и они словно бы ерошат свои перышки.

— А это мамин обеденный стол, — говорила между тем Арлин. Тот самый, красного дерева, которым никогда не пользовались. — Он от меня здесь остался. Маму я потеряла еще девочкой.

Сэму эти слова не понравились.

— Поехали домой, — сказал он матери.

— Да, пожалуй. — Но когда Сэм потянул ее за руку, она не шелохнулась. — Знаете, — обратилась она к нынешней хозяйке дома, — вот увидела мамин стол, и такое чувство, будто мне снова семнадцать лет.

— Послушайте, нужен вам этот старый стол — берите, — отозвалась хозяйка. — Все равно рухлядь рухлядью. Во всяком случае, не ждите, что я заплачу вам за него хоть грош, если вы к этому ведете!

— Что вы! Я совсем не потому пришла сюда!

Арлин села и залилась слезами — прямо перед

незнакомым человеком. Шаткий, красного дерева стульчик поскрипывал под ее невеликой тяжестью. И тотчас, напуганный звуками ее рыданий, расплакался следом за нею Сэм.

— Ну-ка ступай поиграй, — сказала ему хозяйка дома. — Побудь покамест на заднем дворе.

Сэм вышел, но на всякий случай заглянул снаружи в окно. В конце концов, кто сказал, что эта чужая женщина — не ведьма? Поди знай. Изнанка так часто не похожа на лицо! Но в окошко видно было, как женщина подает Арлин чашку воды, и Сэм склонился к мысли, что, видимо, все в порядке. Можно немножко погулять, с мамой ничего не случится.

Задний двор выходил на просторный лужок, заросший высокой травой и лютиками. Там было красиво — красивее, чем здесь, на голой земле и цементе, — и Сэм пошел в гущу высокой, по маковку, травы: посмотреть. Поискать чего-то — он, правда, толком и сам не знал чего. Для этого же, наверное, шла сюда и его мать. Доискиваясь некой весточки, понятной лишь ей одной.

И он увидел это что-то, краем глаза. Крошечное, свернувшееся клубочком. Если мертвое — тогда все ясно, тогда сбудется то, ужасное. Если живое — тогда, значит, есть еще надежда. Оказалось,

что это бельчонок — маленький, отбившийся от родного гнезда. Сэм нагнулся, вдыхая запах земли и травы. Тронул бельчонка, и тот слабо мяукнул в ответ. Живой еще, стало быть.

— Вот ты и нашелся, — сказал Сэм шепотом. Может быть, ему все же повезет. Может, ужасное и не случится.

Он услышал, как его зовет мать, сначала — уверенным голосом, потом — звенящим от тревоги, словно решив, что он поднялся в воздух и, подхваченный западным ветром, несется сейчас по-над морем обратно в Коннектикут. Отзываться, пока он не распорядился своей удачей, ему не хотелось. Он осторожно подобрал бельчонка и положил в карман курточки, к крошкам от сухого печенья и одинокой забытой виноградине.

— Сэм! — отчаянно крикнула Арлин, словно уже испуская там, без него, последний вздох.

Сэм стоял во дворе за домом — не так уж и далеко, просто лужок оказался больше, чем он думал, и за бурьяном и высокой травой ему было не видно матери. Видны были лишь крыша да печная труба ее прежнего дома. Он побежал, путаясь в траве, не сразу сообразив куда, но стараясь бежать на ее голос. Добежал с улыбкой во весь рот, но, когда приблизился, мать в сердцах ухватила

его за плечи.

— Больше никогда так со мной не поступай!

Красное, заплаканное лицо ее пылало. Волосы растрепались на ветру. Сэм видел, что она не нашла того, что искала в этом доме. В отличие от него.

Арлин опустилась на колени и крепко прижала его к себе.

— Ты же для меня все на свете…

Сэм пригладил ее взлохмаченные волосы. Как всегда, на шее у нее висела молочно-белая нитка жемчуга. И как всегда, несмотря ни на что, она его любила.

Они пошли назад, к парому, сели опять на прежние места. По дороге он показал ей свою находку. Бельчонок, судя по внешнему виду, пребывал в тумане.

— Не знаю, выживет ли, — сказала Арлин. — Ему бы нужно к маме.

Мужчина, сидящий рядом, посоветовал им держать бельчонка в тепле и дать ему хлеба, размоченного в молоке. Они спросили в буфете сандвич и молока, смешали тюрю и поднесли ее малышу — тот и вправду поел немного. Потом Арли замотала его не туго своим шарфом. Их машина дожидалась на пристани, но Арлин, вместо

того чтобы сразу сесть и ехать домой, повела сына в кафе. Бельчонок мирно спал у него в кармане.

— Из тебя получился бы хороший старший брат, — сказала Арлин.

— Это вряд ли.

Сэм не шутил. Такая роль его не привлекала.

— А я знаю, что да, — настаивала она.

Кроме них, ни одного посетителя в кафе не было. Сэма наконец-то покинуло чувство, заставляющее вгонять себе в палец булавку, чтоб уберечься от страшных мыслей. Хорошо сидеть в кафе и пить горячий шоколад, когда рядом за чашкой чая сидит твоя мама. Когда они приедут домой, он переложит бельчонка в большую коробку из-под кубиков. А ночью будет лежать и прислушиваться, изо всех сил желая ему выжить.

— Ну, может, и получился бы, — сказал он, чтобы доставить маме удовольствие.

— Но для меня ты как был все на свете, так и останешься, — сказала Арлин. — Пускай хоть двадцать детей еще появятся, ты будешь все равно на первом месте.

В кафе вошел мужчина и заказал себе что-то; повар поставил на огонь сковородку. Легким движением разбил на нее три яйца — раз-два-три…

Они больше не были одни в этом зале.

— У тебя что, появятся еще двадцать детей? — спросил Сэм.

Интересно, гадает ли сейчас отец, где они? Позвонил ли в детский сад, или в полицию, или хотя бы их соседке Синтии, которую лично он, Сэм, ни во что не ставит? Она думает, если к детям не обратиться напрямую, они не слышат, о чем при них говорят, но вот он — слышит, и притом каждое слово.

— Только один, — сказала Арли. — И по-моему, девочка.

— А как мы ее назовем?

Как назвать бельчонка, Сэм уже прикидывал. Фундук, например. Или Мелкий. Умник, Микро-Сэм.

— Бланка, — сказала Арлин.

Сэм покосился на свою мать. Значит, она уже решила. Звук этого имени ласкал слух, содержал в себе тайну.

— Почему — «Бланка»?

— Потому что это значит «белоснежка», — сказала Арлин. — Она родится зимой.

В машине Сэм представлял себе снегопад. К зиме его бельчонок окрепнет, вырастет, и Сэм отвезет его на пароме обратно, на ту сторону про-

лива, на лужок с такой высокой травой, и скажет, *Теперь беги. Улепетывай во весь дух. Возвращайся скорее туда, где твой дом.*

Она так и не поблагодарила Джорджа за оставленный им подарок на день рождения, но носила жемчуг на шее не снимая, как свидетельство того, что у них когда-то было, и того, что — неведомо для Джорджа — еще будет. Пока Арлин носила жемчуг, цвет его менялся на бледно-желтый, устричный — это в первые дни беременности, когда Арлин не могла ни есть, ни спать из опасения, что ее выведут на чистую воду.

Джон Муди, впрочем, не видел причин в ней сомневаться, он верил, что ребенок, которого они ждут, — от него. Когда Арлин перестала волноваться, жемчужины засветились чистой белизной. Но все равно беременность протекала тяжело. Арлин изводили тошнота, упадок сил, готовность чуть что удариться в слезы. Но на девятом месяце изнеможение отступило, сменясь приливом здоровья, и жемчуг слегка окрасился румянцем. Бледно-розовым, как женское ушко изнутри, как свет зимнего дня. Стоял январь — суровая, студеная пора, — но от присутствия Арлин теперь веяло таким теплом, что впору обогреть всю комнату, в которую она входила. Волосы у

нее потемнели, приобрели кроваво-красный, насыщенный оттенок. Ненавистные веснушки поблекли, словно их и не бывало. Люди, встречая ее в магазине, останавливались сказать, как она замечательно выглядит; она, смеясь, благодарила.

Следовало ли ей терзаться сознанием вины за содеянное? Она, во всяком случае, не терзалась. Только диву давалась, глядя на себя. По ночам, когда Джон засыпал, подсаживалась к окну полюбоваться, как падают вниз снежинки, и говорила себе, *Я счастлива!*

Мгновением, изваянным из стекла, — вот чем было оно, это счастье; разбить его не составило бы ни малейшего труда. Каждая минута вмещала в себя целый мир, каждый час — вселенную. Арли пробовала удерживать дыхание, надеясь замедлить таким образом ход времени, но знала, что все они, как тому ни противься, стремительно и неудержимо мчат вперед. Вечерами она читала Сэму сказки. Ложилась рядом с ним на кроватку, ощущая под боком его тело, косточку таза, ногу, верткие маленькие ступни. Вдыхала запах клея и преданности. Теперь Арлин и сама уже знала, что он не такой, как другие дети. Множились нелады в школе: не слушает, плохо себя ведет, частенько

витает в облаках, отвечает невпопад, не выполняет домашних заданий, не участвует в вечерах. Ни друзей, чтобы забежали поиграть. Ни участия в спортивных играх после уроков. Ни сообщений от учителя с похвалой за прилежание и успехи. Все так, но вечерами, когда Арли приходила к нему почитать, Сэм был счастлив. Она тоже. Бельчонок, кстати, выжил-таки и наречен был Уильямом. Обитал он теперь в стенном шкафу, угнездясь в мешанине рваных газет, тряпочек и арахисовой скорлупы, расцарапывая штукатурку, изгрызая деревянные половицы, а в середине дня, когда у детей кончаются занятия, выходил поиграть.

Уильям был их общим секретом — Джон Муди знать не знал о существовании бельчонка. Столь скудное представление имел о том, как протекает жизнь его домашних. Да что там: жена и сын свободно могли бы завести себе хоть тигра в клетке, лисицу в полуподвале, белоголового орлана в непосредственной близости к стиральной машине — Джон даже не заподозрил бы ничего. Арлин не могла припомнить, когда он последний раз заглядывал в спальню к ребенку пожелать спокойной ночи или поговорил о чем-нибудь с ней самой — разве что спросит, где его портфель

или готов ли его завтрак. Что же до ее беременности, она, кажется, значила для него не больше, чем погода на сегодня — факт жизни, вот и все. Ни к худу, ни к добру; не причина для радости и не повод для печали.

Джон был занят, занят выше головы, когда человеку не до таких, как они с Сэмом, — дурачков, которым не жаль тратить время на всяких там белок, на чтение книг, на счастье. Он работал над грандиозным проектом: тридцатиэтажной стеклянной башней в Кливленде, больше и лучше, чем Стеклянный Башмак, чем любое сооружение, созданное его отцом. Большую часть недели он проводил в Огайо, домой на субботу и воскресенье прилетал усталый, как выжатый лимон, мечтая лишь о тишине и покое.

— Он переменится, вот увидишь, — твердила Арлин ее свекровь, когда звонила по телефону. — У Муди в семье мужчины ведут себя как хорошие отцы не с маленькими детьми, а уже с подростками.

Арлин посмеивалась.

— Вечно вы его защищаете!

— А ты бы на моем месте не защищала? — спрашивала Диана.

— Я-то? И еще как!

Ясное дело, Арлин при любых обстоятельствах кинулась бы защищать своего ребенка. Этим-то, вероятней всего, Диану и подкупила невестка с той первой минуты, когда, семнадцатилетняя, незваной гостьей постучалась в заднюю дверь ее дома. В тихой Арлин таилась отчаянность, которую Диана ценила должным образом.

— Ну как там мой блистательный внучек? — спрашивала при каждом их разговоре Диана.

— По-прежнему блистает, — отвечала ей Арлин.

В этом они сходились безоговорочно. Сейчас Арлин читала Сэму книжки Эдварда Игера[2] — сказки, в которых местом действия неизменно служил Коннектикут. Они дошли до «Получудес», где загаданное желание никогда не сбывается так, как ты рассчитывал. Бельчонок Уильям, который за это время побывал у местного ветеринара, где ему сделали все надлежащие прививки, примостился в изножье кровати и слушал, вставляя время от времени свои замечания сварливой трескотней и обгладывая столбик изножья до древесной трухи.

— Тебе не жаль, что ты такая толстая? — спро-

---

[2] Примечания: 2
Эдвард Игер (1911–1964) — американский детский писатель.

сил как-то вечером Сэм, когда Арлин укладывала его спать.

— Нисколько! — сказала она.

Наоборот, это было только к лучшему: Джон Муди к ней больше близко не подходил. Она усмехнулась про себя.

— У меня все по-другому, чем у ребят в этих книжках. У них полно всяких надежд. А я все время чувствую, что потом будет очень плохо.

У Сэма — большие прекрасные глаза. Когда подтыкаешь ему одеяльце на сон грядущий, никак не верится, что он и есть то наказание господне, каким предстает из отзывов учителей: сегодня запрется в гардеробе раздевалки, завтра изрисует все стены чернилами и цветными мелками.

— Видишь ли, ты — взаправдашний, а они — придуманные.

Арлин тронула лобик сына, проверяя, нет ли температуры.

— Хорошо бы и я был придуманный…

— Мне ты, во всяком случае, нужен такой, как есть!

Арлин обняла его на прощанье.

— А Уильяма? — напомнил ей Сэм.

Арлин, смеясь, погладила бельчонка и водворила его назад в картонную коробку.

— Ну, спите оба. Приятных вам снов.

Арлин не снимала жемчужное ожерелье на ночь, наслаждаясь ощущением тепла, овевающего ей шею. Жемчужины созданы из живой материи и, значит, продолжают жить. Она слышала, что Джордж Сноу работает теперь в Нью-Хейвене, что будто бы после распри с Джоном Муди они с братом свернули свой бизнес. Кстати, на новых мойщиков, как выяснилось, положиться было нельзя: они были трусоваты и лезть в ненастную погоду на верхотуру в Стеклянном Башмаке отказывались. Окна в доме подернулись снаружи мутной пеленой, покрылись грязными подтеками от ледяной крупы. Когда для Арлин подошли сроки и на подмогу ей приехала Диана, она пожаловалась, что застала дом в таком запущенном состоянии. Содержать в чистоте эти огромные комнаты, все это здание Арлин было не под силу. В детской, у Сэма, попахивало арахисом и чем-то затхлым. А самое досадное, что вместо обожаемого карапуза перед Дианой предстал нелюдимый шестилетний бирюк. Сэм не желал разговаривать с бабушкой. Отмалчивался, дичился.

— Что это с ним? Прохожу мимо его двери и слышу, как он разговаривает сам с собой!

— Да все нормально, — отвечала Арлин. — У

него просто есть кой-какие особенности.

— Боже ты мой! Да ведь здесь серьезные поведенческие проблемы! Бедный ребенок… А Джон-то куда смотрит?

— В Кливленд, — сказала Арлин.

— Понятно.

В семействе Муди, уверяла невестку Диана, мужчинам свойственна известная отрешенность, поглощенность своей работой, уход в себя. Так что, быть может, Сэм лишь следует этой схеме, но, может, тут есть и что-то иное. И вообще, в доме было не все в порядке. Было ясно, что это несчастливый брак. Диана несколько раз замечала, как поздно вечером мимо медленно проезжает небольшой фургон с выключенными фарами. Однажды из него вышел мужчина, постоял под падающим снегом. Диана следила из кухонного окна. Правда, проезжий очень скоро скрылся, а поутру, выйдя посмотреть, Диана не обнаружила на снегу следов от колес. Может, мужчины и не было вообще. Может, ей просто померещилось, и это лишь самшит отбрасывал тени на дорогу.

В ту ночь, когда Арлин настала пора рожать, тоже шел снег. Джон находился в Кливленде, так что она вызвала такси.

— Уж не сочтите за труд! — сказала она, разбу-

див свекровь с просьбой, чтобы та приглядела за Сэмом. Арлин стояла уже в пальто, сумка со всем необходимым была уже собрана и лежала возле двери. — И не расстраивайтесь, если он не захочет разговаривать, когда вы будете провожать его в школу. Он утром всегда не в лучшем виде.

— Не беспокойся, — сказала Диана. В ней все кипело от возмущения, что сын где-то там занят работой и бедная девочка осталась в трудный момент одна. — Я за всем присмотрю.

Бланка родилась в восемь минут пополуночи — прелестное беленькое дитя, как две капли воды похожее на Джорджа Сноу. Спокойно давала брать себя на руки, баюкать, кормить грудью. Прохладная, если потрогать, — и пахло от нее чем-то вкусным. Позвонили в Кливленд Джону Муди. Сестры в родильном доме отказывались понимать, как это можно не оторваться от работы, не приехать, бросить молодую маму на произвол судьбы; сама же Арлин была лишь благодарна ему за это. Она чувствовала бы себя виноватой, если б Джон присутствовал при родах.

— Снегурочка моя, — говорила она новорожденной таким чистым голосом, что та поворачивала на этот голос головку, прислушиваясь. — Доченька, сокровище мое, моя жемчужинка…

Когда Арли привезла ребенка домой, Сэм уже ждал ее на подъездной дорожке. Остановилось такси, Арли вышла и увидела: стоит и ждет, без шапки, без пальто. Выбежала Диана.

— Целый день здесь стоит! Нипочем не загонишь в дом! Я уж полицию собиралась вызывать. Думаю, а ну как до смерти окоченеет?

Арлин улыбнулась своему мальчику. На плечи ему валил снег. Губы посинели от холода.

— Это она? — спросил Сэм.

Арлин кивнула и поднесла ребенка ближе.

— Бланка, — сказал Сэм. — Хорошенькая какая…

Что до Дианы, ее терпению настал конец. Она потребовала, чтобы Джон первым же рейсом прилетел из своего Кливленда. *Тут речь о бизнесе, мама,* сказал он, когда она позвонила и велела ему явиться домой. Диана в свое время многому находила оправдание — специалистом стала по этой части, можно сказать, — но сейчас никаких оправданий искать не желала. Из Джона вышел никудышный муж и отец. Она глядела на Арлин, на ее детишек и вспоминала, как одиноко было в этом доме ей самой с маленьким ребенком. *Бегите отсюда! Бегите со всех ног!* хотелось крикнуть Диане. Но вместо этого она лишь протянула руки

к девочке.

— Давай-ка я отнесу Бланку в дом.

Арлин с сыном немного задержались на дорожке.

— Ну вот мы все и в сборе, — сказала Арлин. — Сбылись мои мечты. Я только того и хотела — такого сына, как ты, и такую дочку, как Бланка.

Мороз заметно крепчал, пора было уходить. Они двинулись к дому, но в последний момент Арлин удержала Сэма за рукав и потянула назад. Она легла на дорожку и захлопала по сторонам руками, чтоб на снегу получился ангел. Сэм посмотрел и последовал ее примеру. Они так продрогли и промокли, что было уже не важно, сколько в одежду к ним при этом забьется снега.

Встав на ноги, они проверили, какие же получились ангелы.

— Ну вот. — Арлин, судя по всему, осталась довольна. — Это нам с тобой на счастье.

У Сэма уже зуб на зуб не попадал. Он поднялся к себе в комнату. Нужно было бы стащить с себя промокшую одежду, но он ждал, покуда сырость проберет его до костей. Ангелы на дорожке получились красивые, однако все-таки навевали и грусть. Наводили на мысли о небесах и конце света. Страшно было подумать, что с его матерью

или с Бланкой вдруг случится что-нибудь. Сэму и без того было невмоготу. Дело в том, что он хранил тайну, о которой не решился сказать. Его мать была так полна рождением дочки, так счастлива, что он не стал объяснять, почему вышел в такой снегопад стоять на дороге и наотрез отказывался зайти в дом.

Причина была не в том, что он ждал Бланку. Он простоял целый день на улице потому, что умер Уильям. В то утро Сэм открыл стенной шкаф, чтобы дать Уильяму его любимый корм — яблоко с арахисовым маслом, — но Уильям лежал свернувшись в своем гнезде и не двигался. Сэм закрыл дверцу шкафа и вышел на дорогу. Держа руки в кармане, исколол себе булавкой все пальцы, но эта боль не заглушала другую. Вечером, когда он лег в постель, то не заплакал, а принялся вместо этого считать до ста. *Раз — его ничто не в силах тронуть. Два — он сейчас далеко отсюда. Три — он летит высоко над домами, над верхушками деревьев,* он — из тех особых коннектикутских жителей, о которых ему рассказывала мама, из того неведомого и диковинного племени. Как знать, возможно, он и впрямь один из них: мальчик, умеющий улетать от опасностей, от горя и оставаться бесчувственным ко всему.

Арли нащупала опухоль, когда Бланке было три месяца от роду и она кормила ее грудью. Грудь у нее была и так бугристая, набрякшая от молока, но это было нечто иное. То самое, чего она всегда боялась. Похожее по очертаниям на камень.

Джон Муди завершил свою работу над зданием в Кливленде; дом прозвали Стеклянной Горой, и о его непомерной высоте в городе отзывались весьма нелестно. Теперь Джон вернулся домой. Слегка обмяк, увидев девочку: возможно, не насюсюкался и не нацацкался вдоволь с сыном, так наверстывал хоть с дочерью — а может, проникли в сознание слова матери, чего в ее глазах стоит его поведение.

В тот день, когда Арли обнаружила у себя опухоль, Джон сидел на кухне и пил кофе. Он даже для Арлин налил чашку. Постарался проявить внимание. Потом поднял глаза и, увидев Арлин — нечесаную, в ночной рубашке, — забыл про кофе.

— По-моему, со мной что-то неладно, — сказала Арли.

Джон Муди знал, что с браком у него сложилось не лучшим образом. Чувствовал, что его завлекли в ловушку, отняли у него молодость. Он так и не побывал в Италии, хотя несколько раз проходил

курс итальянского языка и мог с грехом пополам объясняться по-итальянски — на венецианском диалекте — со своей привлекательной молодой учительницей, с которой, кстати, два раза переспал. Три раза — это уже роман, рассуждал он сам с собой. Один раз — просто в порядке опыта, поскольку уж привелось жениться таким молодым. Второй — из чистой вежливости, чтоб бедной девушке не было обидно. Начав работу над зданием в Кливленде, он прекратил брать уроки; учительница несколько раз пыталась дозвониться до него на работе; он ей не отзвонил. Он, откровенно говоря, приспособился к своему браку: жена больше не ожидала от него такого, что ему попросту не дано. Она хорошо его знала.

— Послушай, с кем не бывает, — сказал он Арлин. Он полагал, что она человек уравновешенный, а оказалось — паникерша. — Нельзя же пасовать перед трудностями. Нельзя сдаваться без боя, правильно?

Арлин подошла ближе. Стала перед ним и взяла его за руку. Первым его побуждением было отнять руку, но Джон Муди подавил его. Честно говоря, ему хотелось читать газету, но он заставил себя отвлечься от газеты и слушать. Перед отъездом, в последний вечер, мать отвела его в сторону и

сказала, *Будь добрее.* Вот он и старался. Арлин, в конце концов, только что родила, и нельзя требовать, чтобы она полностью отвечала за все свои поступки и настроения. По крайней мере, так советовал ему Джек Галлахер из соседнего дома, когда Джон начал жаловаться, что от Арлин сейчас не знаешь чего и ждать. Хотя, конечно, у Джека не было детей да и жены, фактически, тоже — это был вопрос лишь нескольких недель. Синтия дала понять Джону Муди, что отныне путь к ней открыт: она подала на развод и вскоре Джек от нее съедет. Большой привет, таким образом, соседским советам. Кстати сказать, об этом разводе Джон узнал раньше, чем сам Джек. Однажды вечером, вскоре после того как Арли вернулась домой с ребенком, Джона перехватила на дорожке к дому Синтия, ища кого-нибудь, с кем можно выговориться, кто тебя поймет.

Тем более грех ему было не прислушаться к тревогам собственной жены. А газета подождет. Однако вместо того, чтобы распространяться о своих тревогах, Арли сделала нечто, чего Джон ожидал меньше всего. Положила его руку себе на грудь. Он сразу нащупал опухоль и в тот же миг вспомнил, как давно не прикасался к этой груди. И вот теперь — такое. Камень.

— Может быть, это нормально. Может, нужно перестать кормить грудью, и оно само пройдет.

Таков был его подход к жизни. Он верил в логику и в то же время отказывался видеть правду — но Арлин была устроена иначе. Она думала о тех мгновениях во времени, что были ей дарованы. Стоять на крыльце, ожидая пришествия Джона; рожать детей; гоняться взапуски по пляжу с Джорджем Сноу, который швыряет камушки по воде; рассматривать снежных ангелов на дорожке к дому; видеть, как тянется к ее руке рука Сэма. Эта минута была водоразделом меж *до* и *после.* Отныне ей не нанизывать подобных бусин на нитку времени. Отныне — никаких «вечно» и «беспрестанно». Сидеть в кабинете у врача, проходить сквозь десятки маммограмм, готовить Джону и Сэму обед, убаюкивать Бланку, звонить Диане: не приедет ли из Флориды пособить с детьми, когда Арлин сделают операцию. Все это совершилось так стремительно; прошлое нависало над Арлин, словно отпечатанное в воздухе. Словно это был потолок, под которым ты ходишь. Она силилась вспомнить свою мать. Арлин было три года, когда ее мать захворала — а чем, Арли так и не сказали. Знай она, что той же формой рака, какая теперь и у нее, она позаботилась бы

следить за собой, проверяться; однако говорить о таких вещах было не принято. Считалось, что рак — особая отметина, от которой передается зло. Назовешь вслух — и рискуешь уже самим этим словом навлечь на себя беду.

Обидней всего, что в ее памяти так мало сохранилось о матери, лишь скудные разрозненные обрывки: рыжие волосы — вроде ее собственных, только с темным отливом, песенка, которую она напевала — «Дождик-дождик, пуще!», единственная из рассказанных ею сказок — «Красная шапочка». Целых три года с мамой — и это все, что Арлин могла припомнить. Ее собственной дочке сейчас три месяца — какие уж там три года! Ей-то что запомнится? Рыжеволосая тень, голос, нитка жемчуга, которой она играла, сося материнскую грудь…

Арлин тщательно обдумала, что нужно сделать накануне операции. Подошла к вопросу так, словно ей оставался последний день на этой земле. Не пустила в школу Сэма, оставила его дома. Он, после того как лишился бельчонка, еще больше замкнулся в себе, как ни пыталась Арлин объяснить, чем вызвана эта утрата. Что таков естественный ход всего живого, а что ухаживал Сэм за своим любимцем как нельзя лучше. Никто

— ни сам президент, ни ученый, будь он хоть семи пядей во лбу, — не скажет, кому назначено жить, а кому — умереть.

В день накануне операции Арлин все утро читала Сэму вслух. Они дошли уже до книжки «Чудо или нет?», одолев практически всю серию Эдварда Игера, посвященную коннектикутским чудесам. Арли положила рядом с собою в постель и малышку, чтобы вбирать в себя живые токи обоих своих детей. Невнятное лопотание Бланки, теплый бочок Сэма у ее собственного бока. Сэм был высоким для своих шести лет; вырастет долговязым, в отца — таким приходится нагибать голову, входя в дверь. Арлин желала Сэму самого лучшего, что только есть на свете, она весь мир отдала бы ему. Ну, а раз времени оставалось в обрез, то выбрала лучшее, что было в ее власти: привезла детей в кафе-мороженое на главной улице и позволила Сэму взять «Золотое дно», пломбир его мечты: четырех разных видов, с сиропом крем-брюле и шапкой сбитых сливок, и плюс к тому — глазированными вишенками. Сэм осилил половину, схватился за живот и застонал.

Что же до Джона, он был на работе. Не из бессердечия, как можно подумать, — нет, это Арлин

так решила, сказав, пусть день идет обычной чередой, иначе ей не выдержать. Или, может, Джон просто не вписывался в ее картину ничем не омраченного дня. Может быть, ей хотелось выпроводить Джона из дому по причинам, в которых не так-то легко себе признаться. Возможно, ей необходимо было увидеть в последний раз Джорджа Сноу.

Вечерело, когда она привела детей к Синтии.

— Арли…

При виде соседки у Синтии на глазах навернулись слезы.

— Ты не посмотришь за ними без меня?

Арлин держала в руке ключи от своей машины. Стоял апрель; все вокруг одевалось зеленью.

— Не надо, — сказал Сэм. — Не оставляй нас у нее. Мы ее ненавидим.

— Вот видишь, — беспомощно уронила Синтия.

Арлин завела Сэма в прихожую соседки и положила в руки Синтии девочку. Пусть они не были больше подругами; бывают обстоятельства, когда дружба — далеко не главное.

— Не останусь я в доме у ведьмы, — объявил матери Сэм.

— Он и правда не останется.

Синтия не отрывала глаз от ребенка, лежащего у нее на руках. Бланка отвечала ей внимательным взглядом.

— Хорошо, тогда отведи их домой — у нас там задняя дверь открыта. Дома им будет лучше. Сэм пускай смотрит телевизор, а Бланке дашь бутылочку. Согреешь под горячей водой — только проверь сначала, не слишком ли горячо.

— Что я, по-твоему, совсем дура? — судя по голосу, Синтия опять едва сдерживала слезы. — Раз у самой нет детей, значит, должна обязательно обварить ребенку ротик?

— Да нет, конечно. Я знаю. Я тебе доверяю, Синтия. — Арлин оглянулась на Сэма. — Будешь сегодня делать, что Синтия тебе скажет… ну хорошо, кроме полной ерунды. Пожалуйста, сделай мне это одолжение. Мне так надо.

Сэм кивнул головой. У него больно сдавило горло, но он знал, когда его мать не шутит.

Арлин села в машину и выехала на дорогу в Нью-Хейвен. Она знала, где живет Джордж Сноу. Давным-давно проверила по телефонной книге. Один раз даже позвонила, но раньше, чем ей успели ответить, положила трубку. Если бы он узнал, что Бланка его дочь, он явился бы забрать их к себе. И все полетело бы кувырком. Ну, а теперь

все и так полетело кувырком. Арли вела машину слишком быстро. Ее бросало в жар. Жемчуг на шее — тот, что оставил для нее Джордж, — словно бы тоже лихорадило: его обметало легкой ржавчиной.

Она остановилась напротив трехэтажного дома, где он снимал квартиру. Ей почему-то казалось, что квартира должна быть на верхнем этаже. Хорошо было бы взглянуть на почтовые ящики, найти, на котором стоит его фамилия, — но она все же не вышла из машины. И правильно сделала: как раз в это время к дому подъехал его фургон. Джордж работал теперь в зоомагазине. Они с братом больше не разговаривали — разругались в пух и прах после того, как Муди прогнал их с работы. Джордж, откровенно говоря, избегал общения с людьми, предпочитая большей частью водить дружбу с попугайчиками да золотыми рыбками. Он обошел фургон сзади, достав из кузова свой рюкзак и коробку для завтрака. Выпрыгнул из машины и его пес — колли по кличке Рики. Собака заметно постарела, а Джордж выглядел прежним, только далеким, посторонним. Они не виделись всего лишь год — откуда же взялось это чувство, будто целую вечность? Он насвистывал что-то, шагая в сопровождении собаки к

ступенькам крыльца. Потом дверь захлопнулась, и он исчез.

Арлин так и не вышла поговорить с ним. Совсем было решилась, но только она всегда побаивалась камней, а дорожка к его дому была как раз вымощена камнями — мелким округлым гравием. Слишком поздно. Слишком ужасно и несправедливо было бы прийти к нему теперь. Арлин так крепко вцепилась в баранку, что побелели костяшки пальцев. В квартире на третьем этаже зажегся свет. Если б послушаться, когда он уговаривал ее уйти от Джона, им достался бы весь этот год вместе. Теперь делить пришлось бы только боль и горе. И — чего бы это ей ни стоило — нельзя было допустить, чтобы за Бланку дрались, разрывали ее дитя на части. Ну что же, по крайней мере ей удалось его повидать. Еще одно чудесное мгновение ее замечательного дня.

Обратно Арлин ехала медленно, стараясь не думать ни о чем, кроме дороги и детей, ждущих ее дома. Ей все-таки досталось от судьбы больше, чем многим. В конце концов, настоящая любовь, как бы ни был краток отпущенный ей срок, стоит цены, которую за нее платишь… Один изъян, притом ужасный, вторгся в течение этого дня: предоперационная консультация в больнице,

назначенная на поздний час, чтобы на ней мог присутствовать и Джон. Небо наливалось темной синевой. Апрельской синевой. В больнице глаз слепило беспощадно яркое освещение. Арлин принимали последней в этот день. Кого здесь оставляли напоследок — самых легких больных или самых тяжелых? Интересно бы знать. Врач был молодой. Сказал ей, чтобы называла его по имени: Гарри, но у нее никак не получалось, и она продолжала говорить «доктор Льюис». Раз хочет, чтобы она звала его по имени, стало быть, плохи дела. Спасибо, что здесь же сидит Джон — его присутствие помогает держать себя в руках. Она знала, что Джон терпеть не может дурных известий, женщин, с которыми трудно, всяческих трагедий. Постойте, ведь она ни единого раза не расплакалась при нем! Даже тогда, в Нью-Хейвене, в тот день, когда с такой несокрушимой верой в будущее явилась к нему в общежитие. Заплакала, когда он уже сбежал. И начинать теперь не собиралась.

Степень распространения рака доктор Льюис определит в ходе операции, и ассистировать ему будут еще два врача, ординаторы; Арлин передернуло при мысли, что в ее нутро ворвется целая орава народа. Понять до конца, что ей предпола-

гают отнять грудь, удалось не сразу. После этого она вообще перестала думать, не задумывалась даже о предстоящих ей сложностях. Полностью очистила свой мозг. Время остановилось. Она сама того желала, так и произошло. Дорога домой прошла в молчании и длилась лет десять. Арлин поблагодарила Синтию, которая приготовила им обед на всю семью. После обеда Джон пошел проводить Синтию домой. Она раскрыла ему объятья, и он с готовностью припал к ней. Она оказалась тут как тут в нужный момент, как и обещала. Повела его в свой дом, а там — к себе в спальню. Ее любовь не была прегрешеньем, она была приношением — так воспринимала ее Синтия, и так ее принял Джон.

Оставшись одна в Стеклянном Башмаке, Арлин уложила спать малышку и принялась мыть посуду. Возилась целую вечность с каждой тарелкой, но это было к лучшему. Ей и хотелось, чтобы все это тянулось долго. Отсутствие Джона ее не трогало, ей нравилось, что в доме тишина. Сто лет ушло у нее в тот вечер на сказку, рассказанную шепотом Сэму перед сном. Любимую сказку Сэма: услышанную ею от отца историю о летучем племени, обитающем в Коннектикуте.

— Если меня не станет, — прибавила под конец

Арлин, — это значит, я там. Прямо над тобой, летаю. Я никогда не брошу тебя совсем.

Косточки своего бельчонка Сэм хранил в обувной коробке, задвинутой в угол стенного шкафа. Он знал, что происходит после смерти.

— Нету такого племени, — сказал он.

— Нет есть.

— Слабо тебе доказать.

Тогда Арлин решилась на безумный поступок. Она повела Сэма на крышу. По чердаку привела к двери, выходящей на ровную стеклянную площадку. Туда, где стоял Джордж Сноу, когда она увидела его впервые. По луне пробегали облака. Ветер гулял в деревьях. Повсюду кругом Арлин ощущала присутствие тех, о ком ей говорил отец. Тех, которые не бросят тебя, что бы ни случилось.

— Ну видишь? — Голос Арлин, очень тихий, потерянный, звучал непривычно.

Сэм видел лишь простор огромного мира и меркнущее небо. И краски: лазурь, чернь, индиго — линию горизонта, мерцающую так, что он невольно сощурился. Заметил, что мама стоит с закрытыми глазами. Сэм знал, что здесь стоять опасно. В деревьях что-то зашелестело. Что-то необыкновенное.

— Да, вижу, — сказал он.

Арлин рассмеялась, и это был снова ее привычный смех. Она открыла глаза. К ее мгновениям во времени прибавилось еще одно, самое лучшее. Роскошная безмолвная темная ночь. И поразительное ощущение свободы, отъединения от земли — правда, если б и в самом деле ей можно было улететь, она никогда не покинула бы сына. Чего только не отдашь за подобное мгновение! Они сошли по ступенькам на чердак и возвратились в комнату Сэма. Арли подоткнула ему одеяло и пожелала спокойной ночи. Посидела рядом, дожидаясь, пока он уснет, пока дыхание его станет ровным и глубоким, — а потом на этом же стуле посидела еще. До тех пор, покуда он поутру не открыл глаза.

— А я знал, что ты еще будешь здесь, — сказал Сэм, и раз в кои-то веки у него забрезжила слабенькая надежда, что не все на этом свете обман.

Джон Муди был проектировщик, созидатель, строитель; в час невзгоды он прибегал к тому, что умел. Ища, на чем бы сосредоточиться, он разработал проект. Дурацкая затея, говорили об этом проекте в городе, — огромный бассейн позади Стеклянного Башмака. Джон видел задуманное им творение прекрасным: обложенное шифер-

ной плиткой, открытое каскадом, перетекающим в бассейн меньшего размера, прорытый ниже по склону. Ко дню, когда Арлин вышла из больницы, был уже вырыт котлован. Глубина у дальнего конца — двенадцать футов. Роют и роют — сквозь камень, сквозь глину — казалось, конца этому не будет. Газон весь завален комьями красной глины, сколами шифера. От грохота оглохнуть можно; окна в своей комнате Арлин держала закрытыми, шторы — задернутыми. Шел июнь, и она умирала под шум бульдозеров и бетономешалок. Такой дождливой весны, как в том году, еще не бывало; темные листья сирени и ряды самшита тонули в море зелени.

Опухоль захватила грудную клетку и оплела собою ребра. Удалить всю ее хирургу не удалось. Кости Арлин обратились в кружево. Теперь она называла своего доктора «Гарри» — так скверно обстояли дела. Онкологи назначили было облучение и химиотерапию, но через месяц отменили, настолько ей стало хуже. Не тот случай, когда имеет смысл что-то пробовать, — просто умирающая женщина, которая лишилась в скором времени и своих рыжих волос. Перед началом химиотерапии она заплела их в косу двухметровой длины и отрезала. Остальное выпадало само

— и в спальне, на подушку, и под душем, и во время неспешных прогулок по проулку в сопровождении Синтии, на которую она опиралась, когда устанет.

— Ты поддерживай меня, — говорила она Синтии. — Я на тебя полагаюсь.

— У меня сил не хватит удержать, — заметила однажды Синтия.

— У тебя как раз хватит, — сказала Арлин. — Этим ты в основном и вызвала у меня желание с тобой подружиться.

Косу Арлин убрала в шкатулку, куда складывала то, что оставит на память детям, — к семейным фотографиям, к рисункам, подаренным ей Сэмом, к именному пластиковому браслетику, который при рождении надели на руку Бланке. Ко всему этому, когда придет время, Арлин добавит и свой жемчуг. После того как она прошла облучение, жемчужины сквозь ее кожу пропитались его отравой и стали черными, как таитянский жемчуг, — совсем другими, чем им полагалось быть.

Два раза она видела, как Джон Муди в сумерках пробирается сквозь живую изгородь к дому Синтии. Он рассчитывал, что она не узнает, потому что спал теперь у себя в кабинете; но она знала. Она редко выходила из своей комнаты, и

Джон, вероятно, полагал, что может спокойно искать себе утешения по соседству. Последняя прогулка закончилась для нее тем, что она упала; Синтия стояла на дороге, призывая на помощь, — остановилась нефтяная цистерна. Водитель, богатырского сложения детина, доставил Арли домой.

— Вы, верно, из тех самых летучих коннектикутцев, — сказала ему Арлин.

Такому, как он, должно быть, и крылья понадобились бы исполинские.

— На цистерне-то — как же, бывает, и летаешь иной раз. — У самого водителя лишь недавно умерла мать. И хотя малый он был крутой, с какими шутки плохи, сейчас это было незаметно. — Вы только в полицию не сообщайте, не сажайте меня за решетку.

— Не буду, — обнадежила его Арлин.

После этого случая Джон нанял ей сиделку по имени Джезмин Картер. Джезмин подавала Арли лекарства, помогала ей мыться, одеваться. Короче, смотрела за Арли; смотреть за детьми приехала Диана Муди. Арли все еще старалась хотя бы раз в день брать на руки свою дочку и каждый вечер читать на ночь Сэму, а когда не стала больше различать слова, он начал читать

ей сам.

— Тебе неприятно, что я теперь без волос? — спросила она у Сэма в один такой вечер.

Раньше у них было заведено, что чтение происходит в его комнате, когда он лежит в постели. Сейчас выходило наоборот, но это у них не обсуждалось.

— Мне так нравится больше, — сказал Сэм. — Ты похожа на птенчика.

— Чик-чирик, — сказала Арлин.

Иногда, если слишком дрожали руки, она и есть не могла без посторонней помощи. Действительно, как птенчик. Она старалась не показывать Сэму, как сильно сдает, но это было не просто. Для Арлин не имело значения, кто что скажет про ее сына. Сэм знал такое, чего другим детям знать не дано. Он безусловно знал, что происходит. Стакан держал так, чтобы ей удобнее было тянуть воду через соломинку. Потом опускал стакан на плетеную подставку, чтобы не оставить на ночном столике круглое пятно.

— Скоро возьмешь мое ожерелье и положишь в особую шкатулку для драгоценностей, — сказала ему Арлин. — Оно достанется твоей сестре.

— А мне что достанется? — спросил Сэм.

— А тебе на целых шесть лет досталась я, —

сказала Арли. — И может, еще достанусь и на седьмой год.

— И на восьмой, девятый и десятый, а лучше — на тысячу лет!

Судя по ощущению, она и так прожила тысячу лет. Израсходовала все свое время, но почему-то еще продолжает жить. Сил не было переносить этот шум за стеной: гам рабочих, заливающих цемент, стук, когда кладут плитку — аквамариновую, итальянскую. Джон выписал ее прямо с фабрики неподалеку от Флоренции — вот какого совершенства достиг он в итальянском! Сидел у постели Арлин и показывал ей каталог. Небесно-голубая плитка, лазурная, бирюзовая, цвета ночного неба. *Turchese. Cobalto. Azzurro di cieclo. Azzurro di mezzanotte.* Она уснула посреди разговора, и в итоге Джон заказал плитку по собственному вкусу.

Джордж Сноу понятия не имел о том, как обстоят дела у Арли, — пока однажды не натолкнулся в нью-хейвенской закусочной на своего брата. Джордж сидел там за поздним ланчем: чизбургером и кружкой пива. Он предпочел бы, чтобы его никто не трогал, но Стив подошел и сел рядом. С ходу — будто забыл, что они уже сколько месяцев не разговаривают, — завел речь о человеке, ко-

торому обязан был тем, что прогорел их бизнес и сошли на нет их с братом отношения, хотя ведь сам же зарекся когда-либо даже произносить его имя.

— Этот гад Муди строит у себя плавательный бассейн, каких якобы свет не видывал. При том, что сама — в гробу одной ногой.

После Джордж Сноу будет вспоминать, как просто опустил при этом известии руку с кружкой пива. Брат продолжал говорить, но Джордж не слышал больше ни слова. Он услышал лишь слово «сама».

— Ты это про Арлин?

Стив только тут сообразил, что́ его угораздило брякнуть.

— Она больна, старик. Я думал, тебе известно. Я просто хотел этим сказать, как мне жаль.

Джордж бросил на стойку закусочной что с него причиталось и пошел к двери. Брат окликнул его, но, видя, что Джордж не остановился, вышел следом к стоянке машин.

— Джо, я серьезно. Она тебе не жена, и не твое это дело. Они с тех пор завели еще одного ребенка — это о чем-то говорит?

— Когда завели? — проговорил Джордж ошеломленно.

— Этой зимой. Я полагал, что ты знаешь.

Джордж сел в машину и включил зажигание. Паническое смятение сдавило ему грудь. Как там ни злись на брата, но, по сути, винить за неведение Джорджу было некого, кроме себя. Он переехал в Нью-Хейвен, стремясь избавиться от опасности случайно встретить Арлин, — перед лицом ее отказа повел себя как трус. Считал, что если она передумает, то найдет способ дать ему знать. Считал, что она сделала сознательный выбор: остаться с Джоном. Сейчас все, в чем он был так уверен, таяло как дым.

Джорж Сноу гнал с такой скоростью, что по ветровому стеклу, разлетаясь, били мелкие камешки. Доехал до улицы, где жила Арлин, и его паническое смятение возросло. Подъезд к дому загораживали четыре фургона, и ему пришлось ставить машину на траву. Газон, напитанный проливными весенними дождями, раздрябнул, и колеса глубоко увязли, но это не имело значения. Наметанным глазом бывшего мойщика Джордж заметил, что у окон дома плачевный вид: все в подтеках, в налипших листьях и цветочной пыльце.

Пока он сидел, не понимая, что делать дальше, из дома вышла женщина. Свекровь; Джордж

узнал ее. За нею плелся Сэм — ну да, нынче пятница, уроки музыки, — а на руках она несла ребенка. Живое маленькое дитя. Джордж Сноу смотрел, как они садятся в машину, как трогают с места. Кружилась голова, и нечем было дышать — до сих пор он видел сон, будто живет со старой шотландской овчаркой в квартире на третьем этаже, работает в зоомагазине. Теперь — проснулся. Он вылез из машины, пошел к дому и постучался в дверь. Никто не отозвался; тогда он нажал на звонок и держал его, пока не поднял трезвон громче церковных колоколов. Открыла женщина; но этой Джордж не знал.

— Прекратите, — сказала она. — Совесть надо иметь.

Джордж прошел мимо нее в прихожую. Внутри царил полумрак, как будто он забрел в темный лес.

— А ну-ка, стойте. — Незнакомая женщина была сиделкой, Джезмин Картер. — Делайте, что вам сказано, или я звоню в полицию.

— Я иду к Арлин.

Раньше дом представлялся Джорджу великолепным: он изучил его до мельчайших подробностей, глядя в окна. Но таким, как сейчас, Джордж его не помнил. Из прихожей ничего сквозь стекло

было не разглядеть.

— Речи быть не может, — сказала Джезмин. — За Арлин отвечаю я, и это мне решать, куда вы идете, куда нет. Вы, вообще, представляете, что́ здесь происходит?

— Она захочет со мной увидеться.

Они стояли, глядя друг на друга; Джордж понимал, что о нем составляют мнение. Кто он такой, чтобы считать себя вправе на что бы то ни было? Джордж подумал о детях, которые только что ему встретились. Подумал о том, сколько он всего не знает.

— Можете говорить что хотите, я все равно с ней увижусь, — объявил он сиделке, после того как назвал себя.

Ясно было, что перед ней человек, который поднимет шум, если пытаться выпроводить его. И еще: когда он назвался, Джезмин вспомнила, что слышала это имя. Оно срывалось с губ Арлин во сне.

— Ну, раз уж вам так приспичило, то приготовьтесь. Я не позволю расстраивать ее вашей реакцией. Ахи и охи сразу оставьте здесь. То, что вам придется увидеть, вас не обрадует.

— Я в полном порядке, — заверил Джордж.

— Это вы не надолго, — сказала Джезмин. — Я

знаю, что говорю.

— Зато вы меня совсем не знаете.

— Во всяком случае, она зовет вас, когда впадает в забытье. Вполне вероятно, что ей не хотелось бы показываться вам в таком виде.

Джордж не подумал заранее, какой это ужас — любить человека и наблюдать его муки. Он больше года не видел Арли. Уже и выздоравливать начал, если можно назвать выздоровлением одинокую жизнь затворника.

— Все будет в порядке, — сказал он. — Как бы она ни выглядела.

Он поднялся вслед за Джезмин по лестнице.

— Она много спит. Надо бы выносить ее на воздух, да для меня непосильна такая тяжесть. Мой предел — двадцать пять кило.

Они пошли по коридору. Стеклянный потолок над головой был весь заляпан сосновыми иголками, цветочной пыльцой, листьями, следами дождевых капель: траурный покров. Они прошли мимо детских комнат.

— У маленькой рыжие волосы? — спросил Джордж.

— Белокурые. — Джезмин не зря проработала пятнадцать лет сиделкой. Кое в чем она умела разобраться в одну минуту. — Такие, как у вас.

Они дошли до двери Арлин; Джезмин постучалась и, приоткрыв дверь, заглянула в комнату.

— А к вам пришли.

В ответ — молчание. Она кивком позвала Джорджа войти. Слышно было, как у бассейна заканчивают работу плиточники, как с тошнотворным чавканьем разворачивают свои шланги цистерны с водой.

Джезмин подошла к плоскому холмику, лежащему на кровати.

— Везет вам сегодня — к вам гости.

— Скажите им, пусть уходят.

У Арлин пересохло во рту, ватном от высоких доз обезболивающего, назначенных врачом. Она говорила чужим голосом. От слов как будто становилось больнее.

Арлин лежала спиною к ним, но Джорджу видна была ее голова. Ни рыжих волос — ни волос вообще. Джордж силился проглотить ком, застрявший в горле. Он клял себя, клял этот мир, это мгновение.

— Арли, — сказал он. — Это я.

Он видел, что она узнала его голос, так как последовал ответ: ее спина сжалась, точно у черепахи, которая прячется в свой панцирь. Казалось, что у нее на миг остановилось дыхание.

— Пусть он не смотрит на меня…

Ее рывком вышвырнуло из дремотного укрытия в реальный мир, и приятного в этом было мало. Сердце готово было разорваться.

— Завяжите мне глаза, — сказал Джордж сиделке. — Мне важно быть с нею, видеть — не обязательно. Обещаю тебе не смотреть, — прибавил он, обращаясь к Арлин.

— Придумает тоже, — пробормотала Джезмин, но все-таки достала из ящика комода шарф, закрыла им глаза Джорджа и крепко завязала сзади.

— Ничего не увидит, — успокоила она Арлин. — Ему главное — посидеть рядом с вами, милая.

— Это во мне тщеславие проснулось. Хочу запомниться такой, как была.

Арлин говорила шепотом, но Джордж отчетливо слышал каждое слово. Джезмин усадила его на стул у постели. Здесь он мог ловить дыхание Арли. Чувствовать коленом ее одеяло, деревянный край ее кровати. Однажды они здесь совершили акт любви. Торопливо и виновато, и с огромным удовольствием.

— Он даже не знает про ребенка, — сказала Арли.

— Я пока ненадолго пошла вниз. — Джезмин

понимала, что нужно этому человеку: то самое, что нужно каждому. Время. — Кликнете меня, если что.

— Мне надо было вернуться, — говорил Джордж. — Приходить снова и снова — тогда ты сдалась бы в конце концов и ушла ко мне.

Арлин взяла его за руку. На миг его поразило, какая она холодная. Арли поднесла его руку к своему ожерелью.

— Ах, вот что, — сказал Джордж. — Ну да, я бросил его под кусты, когда ты прогнала меня…

Этот жемчуг она носила не снимая — разве что лишь на время лечебных процедур, но даже тогда договаривалась с сестрой, чтобы его клали в карман ее больничной пижамы, под халат, выданный в процедурной. На время сеанса облучения всегда запирала его в шкафчик, где оставляют вещи, поближе к себе. На счастье, в честь любви — да просто так, без причины. Жемчуг достался Джорджу от его матери, о чем он так и не успел рассказать Арли, а матери — от его бабки.

Они помолчали, рука в руке, живя этим мгновением, которому желали бы не кончаться никогда. Арлин теряла зрение и видела его сейчас, как люди видят облака: прекрасными, когда они

проносятся мимо, отбрасывая на землю тени.

— Я никогда не оставила бы Сэма. И в любом случае, для тебя же лучше, что я к тебе не ушла. Оказался бы сейчас привязан ко мне.

Но Джордж и так был привязан, хотя она к нему и не ушла. Глухое рыдание вырвалось из глубины его души — боль в чистом виде, одна только боль. Сквозь газовый шарф, повязанный на глаза, было все-таки видно. Он ее увидел.

— А вот теперь я сама привязана, — говорила Арлин. — Противно, что заперта в четырех стенах. Я придумала, как можно покидать свое тело еще до того, как умрешь. Все время мысленно представляю себе травку, самшитовую изгородь. И небо, когда лежишь на земле и смотришь вверх.

Столько слов она теперь не произносила и за неделю, и слова обессилили ее. Она махнула рукой. Говорить больше не могла. Ей посчастливилось как никому на свете, потому что рядом сидел Джордж Сноу. *Заключите нас с ним в сосуд,* думала она. *В один и тот же сосуд на веки вечные.*

Шарфик не мешал Джорджу вглядываться в ее бледное лицо. Без единой веснушки — все до одной исчезли. Остались красивые глаза — ту-

манные, с поволокой. Да, это была она. Арли. Такая маленькая. Тающая на глазах. Тридцать два килограмма, но все-таки — живая.

— Если ты разрешишь мне снять повязку, я вынесу тебя наружу. Иначе недолго скатиться с лестницы, и тогда — конец нам обоим.

Смех ее прожурчал, как вода.

Джордж стянул с себя повязку. Джезмин говорила правду. Смотреть на Арли без этой помехи было тяжелей, чем он мог себе представить. Видеть одутловатое лицо с бугристой кожей. Вены, вздувшиеся на темени. Нитку черного жемчуга на шее, так не похожую на ожерелье, оставленное им когда-то под кустом.

— Жемчуг все тот же, — сказала ему Арлин. — У него цвет меняется.

— Правда? Это что, чудеса?

— Нет. Облучение. По-моему, он впитывает в себя то, что у меня внутри.

Джордж Сноу поднял ее с кровати. Она ничего не весила. Пахло от нее лекарствами и мылом. Черные жемчужины напоминали стеклянные шарики, какими играют дети.

— Мы полетим? — спросила Арлин.

— Все может быть.

Джордж снял с кровати одеяло, накинул на

Арлин и понес ее вниз. На кухне Джезмин заваривала себе чай.

— Через полчаса возвращается Диана с детьми, — предупредила она Джорджа. — Кто вам сказал, что ее можно выносить наружу?

— Она сама захотела.

Джордж отворил дверь из кухни. Джезмин подошла ближе.

— Ну, не знаю. Она так легко подхватывает простуду…

— Но раз ей хочется, — сказал Джордж.

И сиделка не стала ему перечить. Джордж вынес Арли на яркий свет заднего двора. Тяжко пыхтели водяные насосы, перекрикивались рабочие, заканчивая обкладывать плиткой бортик бассейна. Джордж подошел к мастеру, который был у них за главного.

— Перекрывайте воду, и чтобы духу вашего тут не было, — сказал он.

Мастер бросил взгляд на Арли и крикнул рабочим, *Шабаш!* Бассейн налили почти дополна. Ничего страшного. Можно будет прийти в другой день.

— Вы тоже пошли отсюда, — бросил Джордж плиточникам.

Привезенная из Италии плитка лежала, сло-

женная в кучу. Некоторая — с отбитыми краями, но большей частью — в идеальном состоянии. Плиточники английского языка не знали. Джордж поддал ногой по пустому ящику, целясь в их сторону.

— А ну, выкатывайтесь! — крикнул он и по-бычьи потопал ногами. — Живо!

Джордж Сноу был похож на безумца с привидением в руках. Плиточники знали, что, когда на рабочем месте есть черный дрозд или привидение, это не к добру. Жди либо неудачи, либо несчастного случая. А уж появится сумасшедший — тем более. Тогда вообще кругом одна беда.

Пока рабочие складывались, Джордж понес Арлин к газону.

— Быстрее, — сказала она. — Полетели!..

Джордж побежал, потом закружил ее на месте. Арлин смеялась.

— Потише все-таки…

Она уже запыхалась. Джордж остановился. Он бросил одеяло на траву, посадил Арлин и завернул ее, как в кокон. Слышал, что раздаются чьи-то крики, но ничто, кроме лица Арлин, его не занимало. Крики же издавал Джон Муди: он рано вернулся домой и теперь распекал рабочих, которым положено было полностью закончить

бассейн на этой неделе. Услышав, что прекратить работу им велел вон тот, на газоне, Джон направился к Джорджу Сноу. Он рассудил, что это наверняка кто-то из мастеров. Как он посмел свернуть работы?

— Я вас отстраняю, уходите! — объявил ему Джон.

— Ну да? — отозвался Джордж Сноу.

— И не вздумайте являться за получкой!

Джордж поднялся с травы. В вышине пролетали облака. Джон Муди шагнул ближе, и Джордж заехал ему кулаком по лицу.

— Ты что, сдурел? — У Джона хлынула кровь из носа. Кровью окрасилась трава у него под ногами. — Думаешь, я не вызову полицию? Не надейся! Приедут и заберут в один момент! Сбежать не успеешь, сукин сын!

Джордж надвинулся вплотную и схватил его за грудки.

— Бассейн поганый затеял отгрохать, когда она лежит при смерти? Чтобы не слышала ни хрена целый день, кроме бульдозеров? Когда для нее каждый звук как нож острый? Это так ты ухаживаешь за больной?

Только теперь Джон Муди заметил одеяло на траве. Что-то крошечное было завернуто в одеяло.

Арли. Его жена. Он внимательнее посмотрел на Джорджа. Теперь Джон узнал его. Мойщик окон.

— Я буду приходить сюда каждый день, — сказал Джордж Сноу. — И никого ты не станешь вызывать, никакую полицию.

Опасный человек, явно не в себе. Джон понял, почему никогда не видел его на строительстве бассейна. Ему там нечего было делать.

— Джордж, — позвала слабым голосом Арлин. — Прогони его отсюда.

— Ты ничего со мной не можешь сделать, — продолжал Джордж, обращаясь к Джону Муди. — Мне терять нечего.

— Ладно, ладно, — согласился Джон. Меньше всего ему улыбалось снова получить затрещину.

— Я не шучу! — сказал Джордж.

— Слушай, если ты нужен ей здесь, значит, так тому и быть.

Джордж вернулся к Арлин. Лег рядом, ощущая сквозь рубашку колкие травинки.

— Ты что, его убил? — сказала Арлин. Прошелестела.

Джордж усмехнулся.

— Да нет…

Она закрыла глаза.

— Ляг ко мне поближе.

Джордж придвинулся — настолько, чтобы не причинить ей боль ненароком.

— Ты видел девочку? — Голос у Арли был слабенький, точно долетал откуда-то с другой планеты.

— Тебе не нужно разговаривать…

— Я назвала ее в честь тебя. Ты — Сноу, снег, а она — Белоснежка. Ты должен понимать, Джордж, почему я тебе не сказала.

— Какая разница. — Ничего он не понимал в этой жизни, и меньше всего — того, что происходило с Арлин. Он был готов прыгнуть вниз с высокой крыши, остановить время. А вместо этого лежал, разглядывал травинку… Он посмотрел в туманные глаза Арли.

— Не затевай за нее войну, Джордж. Я хочу, чтобы она росла рядом со своим братом. Чтоб была счастлива. Прости, если я плохо обошлась с тобой, что не сказала. Думала, так будет проще, но вот не получилось.

— Все нормально, Арли. Ты не волнуйся.

— Думаешь, она меня запомнит? Теперь с нею не будет ни тебя, ни меня.

— Может, важнее, чтобы о ней помнили мы.

Арлин улыбнулась.

— Занятный ты человек.

— Да, обхохочешься, — сказал Джордж Сноу.

Солнце уже переменило свое положение; сгущались тени. Джордж поднял Арлин с земли и отнес обратно в дом. За столом сидела ее свекровь, глядя на него испуганно. Рядом в прогулочной коляске лежала девочка. Семимесячная. Белоголовая. Его дочка. Которая вырастет здесь, ни в чем не ведая нужды. Кроме своей матери.

Джордж понес Арлин наверх, уложил в постель и уступил свое место Джезмин, которой настало время купать ее, давать ей лекарства. Оказалось, что следом за ним поднялась наверх и ее свекровь.

— Вы ведь не работаете у нас на бассейне, — сказала она озабоченно.

Джордж был сейчас не способен щадить никого.

— Я — отец Бланки, — сказал он.

— И как вы намерены поступить? — спросила его Диана Муди.

— Приходить сюда буду каждый день, — сказал Джордж Сноу. — Я вам не помешаю…

— Нет, я хочу сказать — после. Когда Арли не станет.

Джордж молча окинул ее взглядом.

— Джону незачем что-то знать, — сказала Ди-

ана.

— Меня не он волнует.

— Ну да. — Диана это понимала. — Естественно.

Она и раньше знала, что у Арлин кто-то есть. Однажды ночью, когда у той были страшные боли, Диана сидела на ее кровати, растирая ей спину. Тогда-то Арлин и рассказала ей о своем прегрешении: призналась, что не Джон отец Бланки. И что она даже не раскаивается — она в этом браке погибала от одиночества.

— Могу понять, — сказала тогда снохе Диана. Она на себе испытала, что значит одиночество в браке. — Ладно, что сделано, то сделано. Зато у тебя есть замечательная дочка, и, стало быть, все к лучшему в конечном счете.

После этого Диана невольно пристальнее разглядывала девочку, ее светлые волосы и темные глазки, неповторимые черты ее лица — совсем не схожие с чертами Джона или Арлин. Одного взгляда на ее собеседника было достаточно, чтобы понять, кто приходится Бланке отцом. И теперь она задала ему самый трудный вопрос:

— Как вы намерены поступить относительно Бланки?

— Когда Арли не станет, буду пить, пока не

загоню себя в гроб. Так что можете не бояться, что я уведу от вас ребенка.

Диана Муди положила ему руку на плечо — и совершила большую ошибку. Он зарыдал. Как неловко, когда тебя обнимает женщина, которой ты совсем не знаешь, которая в матери тебе годится. И какой стыд, если ты благодарен, что кто-то говорит тебе: ничего, все обойдется, время лечит; даже когда каждое слово — неправда.

Однажды, в безоблачный жаркий день, Арлин позвала к себе в комнату свекровь и попросила ее купить участок на кладбище.

— Нет, как же так, — сказала Диана. — Этим положено заняться твоему мужу.

— К Джону нельзя обращаться с такой просьбой.

Джон Муди в последнее время несколько закусил удила. Он органически не переносит присутствия рядом с собой болезни, заявил он. От него в подобных обстоятельствах нет толку — никакого и никому. Диана, спускаясь ночью вниз взять стакан воды или таблетку тайленола, несколько раз заставала его на газоне, когда он брел по сырой траве домой. Она включала фонарь на крыльце, и Джон щурился от яркого света, огорошенный, виноватый, но не настолько, чтобы

перестать воровато наведываться по вечерам в дом к соседке. Иногда оставаясь там на всю ночь. Диана старалась искать сыну оправдания. Наверняка эти шашни с соседкой начались после того, как Арли заболела. Супружество, в конце концов, — штука сложная, это надо понимать. Возможно, такова реакция Джона на то, что к ним каждый божий день является этот Джордж Сноу. Так или иначе, Джону не дано умение приноравливаться к горю или проявлять сострадание. Положа руку на сердце, он действительно не тот человек, которого попросишь купить участок земли на кладбище.

— Я доверяю это вам, — сказала Арлин Диане, — исполните — для меня. Найдите место, где есть большое дерево. Чтобы мне можно было улететь с его верхушки.

Диана попросила Джезмин приглядеть за детьми. Она надела свой парадный черный костюм, золотую цепочку и золотые серьги, шляпу, которую берегла для особых случаев. По пути на кладбище остановилась у бензоколонки спросить дорогу. Жизнь, что она вела здесь когда-то, сейчас казалась ей сном. В этих местах по Коннектикуту вьются сельские проселки — зеленые, тенистые. Есть луга, обнесенные каменной огра-

дой, которых она в свою бытность здесь никогда не замечала, целиком погруженная в собственную жизнь — хотя в чем был смысл этой жизни, честно говоря, определить бы в настоящий момент затруднилась. Дружеские обеды, теннис; сын, муж. Нет времени оглянуться на каменную ограду, возведенную сто лет назад, когда тут еще разгуливали по пастбищам коровы.

Доехав до места, Диана поставила машину и направилась на кладбище. Архангелово — самое старое в этом городе. Диана заранее условилась о встрече, и в ритуальном помещении ее уже ждал служитель, некий мистер Хансен. Выслушал ее очень сочувственно и предложил отвезти на участок — Диана, правда, предпочла ехать следом на собственной машине.

— На одно место участок или семейный? — осведомился мистер Хансен.

Невыносимо представить, как Арли будет лежать там одна-одинешенька…

— На семью, — сказала Диана.

Следуя за фургончиком Хансена на дальний конец кладбища, она услышала за своей спиной какую-то возню. Не птица ли залетела в открытое окно? Диана глянула в зеркало заднего вида. Под одеялом, которое она держала в машине для ма-

лышки, кто-то был. Если это угонщик впрыгнул на ходу и потребует, чтобы его везли в Могавскую пустыню, она только спасибо скажет. *С большой охотой,* ответит она ему. *Не сомневайтесь. Согласна ехать хоть на край света, лишь бы подальше от того, что творится здесь.*

— Это кто там такой? — спросила она грозно. Быть может, не лучший тон для объяснений с угонщиком, но явно правильный, чтобы заставить собственного внука сесть и показаться из-под одеяла.

— Сэм Муди, — продолжала Диана. — Ты что, скажи на милость, тут делаешь?

— Хотел посмотреть, куда ты едешь, — отвечал мальчик.

Похоронщик впереди сбавил ход. Диана с удовольствием увидела, как много здесь растет больших деревьев. Дубы, кедры, ясень.

— Костеприемник, — сказал Сэм.

И правда необычный мальчишка. Неужели можно недолюбливать родного внука?

— Кладбище, — поправила его Диана.

— Я знаю, что остается от живых, когда они умирают, — сказал Сэм. — Прах да кости.

— Это не все. Есть еще душа.

Диану слегка мутило. Жара, наверное, да плюс

к тому эти напасти со всех сторон…

— Ага, как же, — сказал Сэм. — Чистая брехня. — Они остановились. — Классные деревья, — отметил он. — Можно, я на какое-нибудь залезу?

— И не надейся! — Похоронщик знаками подзывал Диану к себе. Нужно было как-то держать в руках этого ребенка. — Ну разве что, если будешь хорошо себя вести…

Они с мальчиком вышли из машины и двинулись вперед по траве. Дошли до тенистого зеленого участка на шесть могил.

— Отлично, — сказала Хансену Диана. — Беру.

Сэм прошел к ровному месту у подножия огромного платана. Лег и посмотрел сквозь листву на небо. Ни единого облачка.

— Правильно выбрала, — сказал он. — Здесь тихо…

Голос у него был детский, тонкий, и Диана мысленно выругала себя за то, что мало любила внука все эти годы.

— Так и быть, лезь на дерево, — сказала она. — Только не очень высоко.

Сэм с радостным воплем вскочил на ноги.

— Это небезопасно, — предупредил их мистер Хансен.

Сэм тщетно пытался забраться на нижнюю

ветку, не слишком надежную на взгляд со стороны. Да и парнишка был, кажется, не ахти какой ловкий.

— Я приехала покупать место для могилы, — отозвалась на это Диана. — У него умирает мать. Пусть мальчик получит удовольствие.

— Ну, как знаете.

— Вы, при такой работе, должны, наверное, особенно ценить жизнь.

— Не больше, чем любой другой, — сказал мистер Хансен.

На обратном пути они завернули в кафе-мороженое. Диана взяла себе рожок ванильного. Сэм выбрал «Джамбалину», уснащенную всякой сладкой всячиной обильнее даже, чем тот пломбир, которым изредка баловала его мать. Мороженое шести сортов и с тремя видами сиропа: сливочным, крем-брюле и клубничным. Такого обилия Сэм не выдержал — перед уходом, в сортире, его стошнило. Бабушку он про себя привык числить ведьмой. Во-первых — старая, во-вторых — не очень-то его любит, и пальцы на руках скрюченные, с распухшими суставами. Когда она оставалась ночевать у них, он после заглядывал под кровать в гостевой комнате, проверяя, нет ли там чьих-нибудь костей или яда. Сейчас, от уста-

лости, позволил ей взять себя за руку, когда они шли к машине, хотя не выносил, чтобы его трогали чужие руки, кроме маминых. Ничего, думал он, в ванной, под краном, ведьмино прикосновение, скорее всего, отмоется. А может, она вообще добрая ведьма и умеет поворачивать назад время — тогда к его матери опять вернется здоровье.

— Ты не могла бы вылечить мою маму? — спросил он по дороге домой.

— К сожалению, нет, — сказала Диана.

Что ж — честная, по крайней мере. Хоть этого нельзя отнять. Когда они свернули к дому, оказалось, что на дорожке стоит грузовичок. На пассажирском сиденье, высунувшись в окно, сидела и гавкала шотландская овчарка.

— Чей это пес? — спросил Сэм.

Он знал, что каждый день у постели его матери сидит высокий мужчина, но, как мужчину зовут и что он тут делает, неизвестно. Очень похожий на того, кто приезжал к ним когда-то мыть окна.

— Друга нашей семьи, — сказала Диана.

Сэм не понял. Он, например, — член этой семьи, но у него ведь нет такого друга… Они вошли в дом. На кухне Джезмин кормила Бланку овсянкой. При виде Сэма девочка загулькала от радости.

— Карапузик-карапуз, у тебя от кашки — ус, —

приветливо сказал ей Сэм.

Бланка залилась таким смехом, что овсянка брызнула у нее из носика.

— Ну и красиво так дразниться? — спросила Джезмин.

— Не девочка, а прямо вулкан! — заметил Сэм.

— А ты — грязный поросенок. Ступай-ка, дружок, наверх и умойся хорошенько перед обедом.

Голос Джезмин, обыкновенно твердый и звонкий, звучал надтреснуто. Сэм очень тонко чувствовал такое: изнанку вещей, часть мира, скрытую от глаз. Что-то разладилось больше обычного. На заднем дворике сидел его отец, прихлебывал из стакана, поглядывая на бассейн. Весь он как будто съежился, стал меньше. Ни разу не оглянулся.

— А что у нас на обед? — спросил Сэм. Это была проверка. Он внимательно наблюдал за Джезмин.

— Что ты захочешь, то и будет.

В обычное время она сказала бы — *рагу*, или *гамбургеры*, или *макароны.* Она была слишком занята, так что особо выбирать не приходилось.

Сэм вышел из прихожей и поднялся наверх. Дверь в комнату его матери стояла открытой. У него давно уже появилось такое чувство, будто

она отсутствует. Иной раз скажешь ей что-нибудь, а она не слышит. Иной раз сама разговаривает с кем-то, кого в комнате нет. Она становилась в эти минуты вроде людей, о которых рассказывала ему, — витала, как они, где-то над крышами домов. Была такой невесомой, что Сэм, ложась рядом на кровать, чувствовал теперь себя крупней ее и крепче. От нее остались одни лишь кости, но кроме них — и что-то еще. Возможно, когда люди заводят речь о душе, это все же не сплошные выдумки. Возможно, что-то еще и в самом деле существует.

Мама любила разговаривать с ним глаза в глаза, и Сэм не противился этому, хотя и запах у нее изо рта изменился не к лучшему, и глаза помутнели. С каждым выдохом ее чуточку убывало. Убывало с каждым сказанным словом.

— Открой мне какой-нибудь секрет, — попросила она его прошлым вечером. Совсем как птичка: легкие косточки, клювик, подрагивающая голая головка.

Небо в это время заволокло облаками, газон из зеленого стал черным. Сэму вспомнилось путешествие на пароме, когда он нашел бельчонка Уильяма, и ангелы, которых они с матерью отпечатали на снегу. Вспомнились ее длинные рыжие

волосы и то, что она — что б на него ни нашло, что бы он ни выкинул — все равно его любила.

— Всего лишь один? — спросил он.

Он чувствовал, как упираются в него ее коленки, шишковатые, словно камешки.

— Один.

Глаза у нее были огромные. В таких и утонуть не мудрено. *Мама, мамочка, ты где сейчас?*

— Мне шесть лет, — сказал Сэм.

Арлин коротко засмеялась. Смех был знакомый. Значит, она здесь.

— Это мне известно.

— Но я и останусь таким, — доверительно сообщил ей Сэм.

— Нет-нет. Ты вырастешь большой. Такой высокий, чтоб доставать до самого неба.

Но этот разговор был прошлым вечером, а прошлый вечер прошел. Сейчас Сэм стоял у дверей своей матери и слушал, как плачет мужчина, которого называют «друг семьи». Сэм никогда не думал, что взрослые могут издавать такие звуки. Он знал, что́ случилось, и помедлил немного в коридоре, продлевая последний момент, когда можно надежнее сохранить ее мысленно такой, какой она была при жизни. Потом вошел в ее комнату. Здесь еще оставались ее запах, тень ее,

голый череп. Мужчина сидел, спрятав голову в ладони.

— Извини, — сказал мужчина, словно его поймали за чем-то нехорошим. В руках он держал ее жемчужное ожерелье. Руки были большие, и жемчужины в них казались черными зернышками. — Она велела отдать это тебе.

Сэм посмотрел на тело, лежащее в постели, — это была не его мать. Была просто оболочка — то же, что осталось в другой несчастливый день от его бельчонка. Сэм взял ожерелье и пошел с ним к себе. В заднем углу стенного шкафа была коробка, в которой хранилось все самое важное. Фотографии, рисунки, открытки, коса ее волос, шкурка и косточки бельчонка. Он завернул жемчужное ожерелье в папиросную бумагу и убрал в коробку. Проделал это аккуратно. Сэм был не такой, как обычные ребята, которые не стали бы так бережно обращаться с какой-то ниткой бус. Он был другой. Секрет, которым он поделился с матерью, был правдой: он в самом деле не собирался расти. Отказывался идти дальше от того дня, когда его покинула мать. Заставить его никто не мог, так как решение было принято. Он не простится с ней никогда.

Часть вторая
Звездный дом

Это был девичник, устроенный смеха ради в кафе-приемной экстрасенса на Двадцать третьей улице. Мередит Уайс знала, что следовало бы отговориться — головной болью, неотложной встречей, — но, к несчастью, Эллен Дули была в студенческие годы ее соседкой по комнате, и все уловки, к которым Мередит прибегала, чтоб отвертеться от общения с себе подобными, не составляли для нее тайны. Элегантного пути к отступлению явно не было. Мередит потащилась на другой конец города с Вест-Сайда, где подрядилась сторожить огромную квартиру для семейства, укатившего путешествовать по Италии. У Мередит имелась временная работа в сувенирной лавке музея «Метрополитен». Каждого, кто там трудился, отличал избыток образования и недостаток стимула к подобного рода деятельности. Сама Мередит обладала степенью бакалавра истории искусств, полученной в Брауновском университете, хотя интерес к искусству успела с тех пор утратить. В школе она

побивала рекорды по плаванию; теперь же ей стоило усилий заставить себя поутру вылезти из постели. И спать не спала, и окончательно проснуться не удавалось. Двадцать восемь лет от роду, шесть лет как закончила университет — и ни малейшего представления, как, собственно, распорядиться своей жизнью.

Помимо Эллен, бывшей соседки по комнате, никого на текущем мероприятии Мередит не знала и потому могла спокойно держаться на заднем плане, покуда хозяйка-экстрасенс предрекала всем налево и направо счастливое будущее, припася для без пяти минут новобрачной особо блистательный вариант, включающий четырех детишек и фантастический секс. Ясновидящая была ирландкой и говорила размеренным приятным голоском; Мередит чуть не уснула под звуки ее жизнерадостных прорицаний. На улице была жара, с асфальта в стоячий серый воздух поднимались волны зноя. Мередит бессильно опустилась на стул, стоящий у окна. Хорошо хоть, в кафе работал кондиционер. Вокруг оживленно обсуждали, куда ближе к вечеру пойти обедать. Мередит примкнуть к разговору что-то не приглашали. С очевидностью причислили к посторонним — не помог и шелковый пеньюар,

преподнесенный ею Эллен и единодушно признанный лучшим из всех подарков. Белье она выбрала, какое сама не надела бы ни в жизнь: кокетливый воздушный пустячок. С Мередит это случалось постоянно; она была не своя — из тех, кто никогда не попадает в общепринятую тональность.

Волосы у Мередит были каштановые, глаза — эбонитово-черные; длинноногая, как жеребенок, с тренированным телом пловчихи, она по суше двигалась угловато. Бедная рыбка на песке… Проведя детство и юность большей частью то в одном, то в другом плавательном бассейне мэрилендских пригородов, она прониклась суеверным ужасом к воде. Могла в дождливый день позвонить на работу и сказаться больной, а потом юркнуть снова в постель и забиться под одеяло. У людей, которым случалось с нею видеться, порой создавалось впечатление, что она немая. Как нередко бывает с одиночками, Мередит умела слушать. Многое подмечала — неожиданные обрывки, клочки, детали: сколько ступенек ведет к входу в музей, сколько трещин на потолке чужой спальни, доставшейся ей на время, скольких работников музея она застала за курением в уборной. Бессмысленную дребедень.

Вот и сейчас, например, когда другие принялись за торт — нечто клейкое и бело-голубое, — Мередит углядела из окна, как на парковке по ту сторону улицы выходит из черного седана высокий мужчина.

Мужчина по ту сторону Двадцать третьей улицы отдал парковщику ключи и пригладил рукою волосы. На нем был серый пиджак. Уворачиваясь от машин, он запетлял через дорогу в сопровождении рыжей женщины. Мередит заключила, что это муж с женой, поскольку мужчина шагает, проявляя ноль заботы о своей спутнице. Типичная супружеская пара. Точно такими были родители Мередит до своего развода: стоило им побыть пару часов вдвоем, как между ними вспыхивала перебранка. Зажили каждый сам по себе задолго до того, как разошлись официально.

Мередит подумала, что хорошо бы эта пара — они как раз направились в сторону экстрасенсовых дверей — шла сюда на прием. Тогда девичник закончится, бог даст, и можно будет, уклонясь от участия в обеде, поймать такси и вернуться восвояси. Наконец Эллен начала собирать свои подарки. Кошмарный пеньюар, шуточные пособия по сексу, атласное постельное белье. Туда, где в уголке нашла себе убежище Мередит,

приближалась прорицательница. Как раз этого Мередит и опасалась. Кто-то проявит интерес к ее будущему.

— Ну что, займемся вашим будущим?

Экстрасенс по имени Рита Морриси обладала умением говорить то, что люди хотят слышать. Уже издали она заключила, что для этой скромницы самое подходящее — молодой человек и морское путешествие к новым горизонтам. На близком расстоянии, впрочем, уверенности в этом несколько убавилось.

— Нет, спасибо, — сказала Мередит.

Снаружи звякнул колокольчик; вошел высокий мужчина. Захлопнул дверь, снова не сочтя нужным подождать жену. Лет сорока, озабочен, недурен собой. Расположился в приемной, огляделся настороженно.

— Бедняга, — сказала Рита.

— А где же его жена?

Рита Морриси окинула Мередит острым взглядом. У прорицательницы было лисье личико, подвижное и недоверчивое.

— Какая жена?

— Ну та, рыжая, которая шла за ним на улице?

— Слушайте, он со мной не спит, — сказала Рита. — Это мой постоянный клиент. Его преследует

призрак первой жены.

Мередит оглянулась на приемную. Высокий мужчина сидел один; подтянул к себе журнал «Нэшнл джеографик» и листал его.

— Со стороны не скажешь, что он из тех, какие вас посещают.

— А вот поди ж ты. К вашему сведению, у него дома, в Коннектикуте, чего только не творится! Тут вам и сажа, и голоса, и тарелки! Классика. Все признаки налицо.

Мередит не поняла.

— Признаки чего?

— Привидения. Разбитые тарелки, голоса среди ночи, следы сажи у всех на одежде, обувь, расставленная рядком в прихожей, открытые кухонные шкафы. Работа его жены, я считаю. Обездоленные — вот кто обычно стоит за такими делами. Попранные создания, потерянные, смятенные. Они медлят с уходом.

Компания между тем собралась уходить. Потянулась к дверям, загораживая от Мередит вид кушетки в приемной. Теперь Мередит сама задерживала остальных.

— Ну пошли! — крикнула ей Эллен. — Всем есть хочется!

Пока Мередит мялась в нерешительности,

другие вышли за дверь; слышно было, как они весело спускаются толпой по ступеням, ведущим на улицу.

— Идите догоняйте, — сказала ей Рита Морриси. — И забудьте о нем. С измученной душой лучше не связываться.

— Я не верю в привидения, — сказала Мередит сухо.

— Что же, тем лучше для вас.

— И ни во что не верю, — прибавила Мередит.

Но ясновидящая уже не слушала. Она заглянула в приемную.

— Мистер Муди, проходите, пожалуйста.

Высокий мужчина направился в комнату, Мередит — навстречу, к приемной; в дверях они столкнулись.

— Простите, — сказала Мередит.

Он не отозвался. Даже не кивнул.

Мередит шагнула в приемную. Сейчас та, рыжая, была здесь: сидела на кушетке. Молодая, лет двадцати пяти, в белом платье и кожаных мягких лодочках; волосы по пояс и россыпь веснушек, особенно — на лбу и на щеках.

— Добрый день, — сказала ей Мередит.

Женщина смотрела куда-то в пространство.

— Ну ты идешь, копуша? — Это влетела обратно

Эллен. Схватила Мередит за руку и потащила наружу. Галопом вниз через две ступеньки и — с головой в испепеляющую жару. — Мы решили, пройдемся и пообедаем на Юнион-сквер. Там есть потрясающий кабак, Бесси обещает провести. Знакома с братом шеф-повара. Или с двоюродным братом.

Мередит сощурилась на раскаленном добела солнце. Вранье всегда давалось ей с трудом.

— Хотелось бы, конечно. — Ага, как бы не так…

— Но ты не можешь. Когда ты, интересно, могла?

— Ну не тусовщица я! Сама знаешь.

Эллен чмокнула ее в обе щеки.

— А пеньюар твой — мечта!

Как только Эллен со всей компанией скрылись из виду, Мередит перешла через дорогу и зашла в мини-маркет. Кожа ее на влажной жаре уже взмокла от пота. По сравнению с нью-йоркским пеклом летний зной в других местах — детские игрушки. При всем том Мередит лучше чувствовала себя в этом царстве бетона; ни тебе бассейнов, ни травы — только плавящийся асфальт да сплошной поток машин. Она взяла бутылочку гуавового сока, расплатилась, стараясь держаться ближе к вентилятору у кассы,

потом откупорила бутылку. Взглянула на улицу — сквозь витрину видно было окно кафе-приемной. На подоконнике стояла рыжая. Она открыла окно. С карниза осыпалась вниз сажа.

Мередит поставила бутылочку сока на прилавок.

Платье рыжей женщины легким облаком колыхалось под дуновением ветерка.

— Не надо, — сказала Мередит.

— Эй, дама, не учите меня, что надо, что не надо, — огрызнулся молодой человек, сидящий за кассой.

Женщина в окне напротив стояла теперь на карнизе. Протянула руки вперед; ее белое платье раздулось колоколом.

Мередит кинулась к двери и распахнула ее толчком. Хлоп — и снова это пекло. Кирпич и камень. Зола и пепел. Мередит в страхе глянула наверх. В уши, заполняя их до отказа, ворвался гомон Двадцать третьей улицы: автобусы, грузовики, вой сирен. На то, чтобы опомниться, ушла секунда.

На оконном карнизе никого не было.

Жара — такая, что мысли путаются; лето всегда плохо действовало на Мередит. Сезон плавательных бассейнов… Забиться бы под кровать до

самой осени, когда бодрит свежий воздух, желтеют листья. Куда как лучшее время года…

Она двинулась было к станции метро на Восьмой авеню, но тут взгляд ее упал на парковку, где она увидела того высокого мужчину. В первом ряду стоял черный «мерседес» с коннектикутским номером. Мередит подошла к будке парковщика.

— Мы, кажется, здесь условились встретиться с моим мужем. Высокий такой, в сером костюме.

— Вон его «мерседес», — ответил парковщик. — Сказал, оставляет самое малое на час.

Парковщик протянул Мередит ключ. Фамилия и домашний адрес были написаны так неразборчиво, что глаза сломаешь. *Муди. Мэдисон, К-т.*

Она торопливо вернула ключ назад.

— Ошиблась. Выходит, мы встречаемся не здесь. Это не наша машина.

До Восьмой авеню она бежала, там остановила такси. Бросилась в машину, сразу прилипнув к виниловому сиденью. Обычно такую роскошь, как такси, она себе не позволяла. Сейчас — подалась вперед, к водителю:

— Быстрее! Поехали!

— Да вы расслабьтесь, — отозвался таксист. — Доставим, если скажете, куда вам надо.

Однако, куда именно ей надо и каким образом

попасть туда, Мередит как раз не знала.

Воду на участке Муди было слышно сразу. Первое, что привлекало внимание, когда вы приближались к дому: один бассейн, перетекающий каскадом в другой. Первые запахи? Кошеной травы и хлорки. Лето. Загород. Нечто такое, куда погружаешься, как день погружается в сумерки. Первое, что видишь? Живая самшитовая изгородь трехметровой высоты, а за ней, подобный видению, — Стеклянный Башмак. Мираж из стекла и стали. Отбрасывает отражения деревьев — так, словно Мередит зашла в двойную рощу.

Поверх стекла — единственная на крыше ровная площадка, край обрыва, куда не попадешь иначе как через чердак. Там и стоял, руки в боки, Сэм Муди. Ловил дыхание ветра, носящего на себе ласточек. По лицу и спине Сэма струился пот. Ему было шестнадцать. Высокий, как и предсказывала его мать. Везде, куда бы ни зашел, стукался головой о притолоку — везде, но только не здесь, где наверху было одно лишь небо.

Сэму в последние два года довелось посещать достаточно сомнительные места. Неосвещенные подъезды, полуподвалы, где приходилось сгибаться в три погибели. Подземные переходы, где в сантиметрах от твоей макушки нависает

бетонная плита. Тупики, по которым крадешься на полусогнутых, опасаясь, как бы не заметили и не избили.

На крыше съеживаться и нагибаться не требовалось; мир простирался бескрайний и единый. Дышалось глубоко и свободно.

Первой его обнаружила мачеха, выйдя из дому за субботней газетой. Сощурясь и прикрывая глаза ладонью, удостоверилась, что это не аист-переросток, а всего лишь Сэм — наказание, ниспосланное ей в жизни. Синтия подняла крик. Слова разобрать было трудно — да он, откровенно говоря, все равно никогда ее не слушал. Только и знает что командовать. Синтия сбегала в дом и привела его отца. Крупная фигура, царь и бог, шишка на ровном месте! Придурок несчастный, который тут же пригрозил, что вызовет полицию.

— На этот раз добьюсь, чтобы тебя забрали! — пытался урезонить сына Джон.

Сэм Муди, правду сказать, и сам не прочь был бы убраться отсюда. Куда-нибудь. В голубое и недосягаемое далеко. На крыше было жарче, чем можно было ожидать в такую рань. Обычно он в это время еще спал, опаздывая в летнюю школу, где, провалив экзамен, обязан был наверстывать

пробелы по математике, — мог спать прямо под нудное зудение Синтии, что пора вставать. Сегодня он как раз поставил себе будильник, но проснулся раньше и встал с петухами. Хватит с него математик и летних школ — жизни, которую тратишь на чушь собачью! Сэм вдыхал пряный аромат самшита, едкий запах хлорки с бассейна. Его младшая сестренка в выходные приглашала своих сверстников купаться, и детвора со всего квартала сбегалась к ним плескаться и писать в воду. Сэм в подобных случаях запирался и сидел у себя в комнате, покуда в дверь не стучалась Бланка со словами, *Порядок! Все разошлись. Можешь выходить.*

Его отец и Синтия вернулись в дом. Дом, где работал кондиционер. Какой смысл торчать на жаре, обливаясь потом, когда тебя все равно не послушают и не слезут с крыши? Сэм праздно тянул время, дожидаясь, явится ли полиция, хватит ли духу у Джона Муди действительно взять трубку и заявить на него или его папаша только сидит на кухне и, по обыкновению, кипит от злости молча. Отец валил на него вину всегда и за все. Не только за плохие отметки, или аварии, в которые ему случалось попадать, или, понятно, за наркотики — не зная, кстати, как с этим далеко

зашло. Помимо собственных проступков, Сэм должен был нести наказание за странные дела, к которым был никак не причастен. Разбитые тарелки на кухне, сажу, выпавшую из дымовой трубы, бормотанье каких-то голосов в прихожей поздней ночью.

Все это, скорей всего, тайком устраивала Синтия, а после оговаривала других. Это она старалась морочить всем им голову. Снова и снова. Синтии свойственны были такие милые черты — любовь мутить воду, сделать гадость, видеть все в черно-белом свете. Вела себя так, будто она семи пядей во лбу, хотя на деле была дубина дубиной. Решила, например, что он нынче утром собрался покончить с собой. Что для того и залез на крышу — хотя у него ничего такого и в мыслях не было. Если б он это задумал, то выполнить было бы совсем просто. И не привлекая к себе внимания. Да — если б Синтия сознавала, какая она дрянь, то не удивлялась бы, откуда у Сэма это желание освободиться. А если бы еще отважилась признать, какое барахло его отец, то и сама не упустила бы случая слинять на свободу.

Занятно было наблюдать окружающее с высоты птичьего полета. Все так заметно уменьшалось в размерах. Сэм, до того как залезть на крышу,

курнул травки — так, ради настроения. Никаких серьезных наркотиков в такое время дня. Однажды, раньше чем подняться сюда, он позволил себе побаловаться ЛСД — и это была ошибка. До такой степени лишился ориентации, что не соображал, какое направление — к звездам, а какое — к земле.

Подъехала и остановилась машина. Не полицейский джип и не карета «скорой помощи» — паршивенький «фольксваген-жук». Из него вышла молодая женщина. Высокого роста. Лет что-нибудь двадцати. В джинсах и майке-безрукавке, в очках от солнца; темные волосы схвачены в конский хвост, лицо — растерянное. Возможно, стажерка-полицейская, проходит практику. Следя за ней, Сэм позабыл, где находится, и поскользнулся. Подметки его баскетбольных кроссовок с визгом проехались по стеклу. Он удержался, мгновенно восстановив равновесие, хватаясь руками за воздух, словно пытался его поймать.

Женщина, Мередит Уайс, подняла голову.

Мираж, мелькнуло у нее в голове. *Как на том оконном карнизе. Аист, похожий на фигуру подростка.*

Но нет, паренек был настоящий и притом ку-

рил сигарету.

— Слушай, твоя фамилия не Муди? — крикнула она.

— Сэм, — крикнул он, глядя вниз.

— А меня зовут Мередит.

— Тоже красиво.

От высокого уровня децибелов у Сэма запершило в горле. Он не любил кричать. Принадлежал скорее к молчунам. Однажды выдержал целый месяц, не проронив ни слова отцу или Синтии. Думал вывести их из себя немым молчанием, а получилось наоборот — они, похоже, облегченно вздохнули.

— Я первый раз в Коннектикуте, — сообщила ему Мередит.

— Много зелени и тоска зеленая. Так что имеет смысл повернуть оглобли назад, откуда приехали.

Мередит улыбнулась.

— Жарища тут у вас! Почти как в Нью-Йорке! Сока не хочешь лаймового? Имею пару упаковок.

Рубашка у Сэма промокла от пота. Солнце палило наверху нещадно. Стояло полное безветрие. Потели ноги; потные ступни скользили в кроссовках.

— Ну давайте, — сказал он.

Он медленно сполз к люку, ведущему на чердак, подтянулся, пролез в него, захлопнул и запер люк. Спустился на второй этаж, оттуда — на первый, на кухню, где сидели и препирались Синтия и его отец.

— Нет, с меня хватит, — говорила Синтия. — Без конца повторяется одно и то же, а мы все терпим.

Отец по обыкновению бездействовал, отгораживаясь от всего и вся.

— Ну что, полицию, смотрю, вызываете? — сказал Сэм.

Они оглянулись на него, словно не веря своим глазам.

Не дожидаясь, пока его остановят, Сэм пошел через весь дом к парадной двери и оттуда — во двор. Хозяйка «фольксвагена» стояла на дорожке, прислонясь к своей машине. Рядом ждали две маленькие упаковки фруктового сока. Ну что ж, хотя бы кто-то в чем-то не соврал.

— Гораздо лучше, чем лимонад, — сказала она.

Сэм принял от нее пакетик сока, открыл его. Ему не часто случалось встретить занятного человека.

— И зеленее.

Мередит указала кивком на крышу, где он толь-

ко что стоял.

— Ну и как оно все оттуда?

Сэм покосился на нее. Нет, вроде говорит серьезно. Действительно хочет знать. И откуда она такая взялась?

— Отдаленно, — ответил он. — В особенности если ты под кайфом.

— М-хмм.

Мередит сделала несколько глотков. Она знала, что от нее ждут реакции, и не намерена была предоставлять ему таковую. Кто она, чтобы судить других? Средней руки кассирша из музейного киоска, которой делать больше нечего как таскаться по белу свету, гоняясь за привидениями.

— А вы сюда зачем? — Вопрос был задан с неподдельным интересом, что тоже случалось с Сэмом не часто.

Особой причины скрывать правду, кажется, не было. По крайней мере — часть правды.

— С пути сбилась, — сказала Мередит.

Из окна гостиной за ними наблюдали родители. Вид имели при этом дурацкий.

— Отец и мачеха, — пояснил Сэм, перехватив устремленный на них взгляд Мередит. — Сестренка — на уроке танцев. Правильный человек.

Сэм не случайно выбрал время залезть на крышу рано утром, чтобы не напугать Бланку. Она была слишком мала.

— Блин, — сказал он, увидев, что Синтия с его отцом выходят из дому. — Внимание! Дубье на подходе.

— Вам чем-нибудь помочь? — обратилась к Мередит Синтия.

— Сама не знаю. Заехала куда-то не туда, потом увидела ваш прекрасный дом, свернула посмотреть поближе — и вот разговорились.

На самом деле она доехала до центра Мэдисона, зашла в аптеку и нашла в местной телефонной книге адрес рядом с фамилией «Муди». Проезд Пересмешника. Не так уж сложно отыскать.

— А ты — марш к себе, — бросил Джон Муди сыну. — С тобой я после поговорю.

— Вы не позвоните в социальную службу? — предложил тот Мередит, лениво направляясь к дому. — Заявить о жестоком обращении с ребенком? И спасибо за сок.

— Скажите, как вам это удалось? — спросил Джон Муди у Мередит, когда Сэм скрылся за дверью.

— Свернула с Девяносто пятой, а дальше крутилась непонятно где… — начала Мередит.

— Я не о том, как вы заблудились. Как вы уговорили его спуститься вниз?

— Не знаю. Это просто мальчишество у него, — сказала Мередит.

Она смотрела на него внимательно — то же озабоченное лицо, что и тогда, в кафе на Двадцать третьей улице. Рыжей женщины нигде поблизости не было видно. Мередит бросила взгляд наверх. Никаких оконных карнизов. Только листы стекла, схваченные стальными переплетами.

— Может быть, уломаете его и ходить в воскресную школу? — сказала Синтия. — У меня, видит бог, не получается.

— Потому что орешь на него, черт возьми, с утра до вечера, — не сдержался прямо при постороннем человеке Джон.

— Если б меня в этом доме больше уважали, возможно, это бы не понадобилось.

На Синтии были шорты и хлопковая белая рубашка. Она с некоторых пор пристрастилась к теннису. От бега пришлось отказаться: начали беспокоить колени, но все же нужен был повод выбираться куда-то из дому. Она не жаждала выступить в Уимблдоне, просто хотелось урвать какие-то часы для себя, вне этого милого семей-

ства. Пробовала уговорить остаться в качестве няни еще Джезмин — сиделку, которая ухаживала за Арлин, — но та заявила, что обязана смотреть за больными, а смотреть за приемными детьми — обязанность Синтии. Вероятно, Арлин потрудилась настроить сиделку против нее. А впрочем, кто нынче был на ее стороне?

У Синтии в последнее время сдавали нервы. Вот и сейчас она нервно крутила в руках ключи от машины.

— Слушай, мне еще Бланку успеть забрать с урока танцев и закинуть домой, а после у меня в клубе встреча с Джеки. Спасибо вам, — прибавила она, обращаясь к Мередит. — Серьезно. У вас есть подход к детям. — Она пошла садиться в белый джип, стоящий у дальнего конца самшитовой изгороди. — Бери ее к нам работать, — бросила она напоследок Джону. — Пускай ее зовут хоть Лиззи Борден[3], хоть как — мне безразлично.

— Зовут Мередит Уайс, — сообщила Джону Мередит, когда Синтия уехала.

— У нас помощницы по дому не задерживаются дольше месяца, — сказал Джон. — Сэм, знаете, — с

---

[3] Примечания: 3

Женщина, отца и мачеху которой в 1892 году зарубили топором в Новой Англии, и она стала центральным персонажем в истории этого преступления.

ним так трудно. И в итоге все валится на плечи Синтии.

— Я слышу, тут где-то течет вода, — сказала Мередит. — Затопило что-нибудь?

Джон Муди повел ее вокруг дома к бассейну; с каскадного его края вода падала во второй бассейн, уровнем ниже. Мередит увидела его, встав на цыпочки. Пловцов всегда тянет к воде, и у Мередит сохранилась эта тяга. Этот зуд, пробегающий по коже.

— Я в школьные годы занималась плаваньем. — И тотчас почувствовала, что сморозила глупость. Какое дело чужому человеку до подробностей ее биографии?

— Сэм, по-моему, даже не окунулся ни разу в бассейн. Ни единого раза.

— И еще у вас есть дочка?

В воздухе кружилась мошкара, Мередит отмахнулась от нее. Она не плавала сто лет. Говорят, у пловцов есть мускульная память: брось пловца в воду, и он начнет наматывать круги от бортика до бортика. Вид бассейна вызывал у Мередит жажду, у нее прямо в горле пересохло.

— Бланка. Ей десять лет. — Джон Муди перевел свой взгляд на траву газона. — С ней как раз нет никаких трудностей.

У Джона с недавних пор возникли нелады с желудком. То ли язва — то ли, возможно, и того хуже. Идти к врачу и выяснять он не собирался. После смерти Арлин он стал бояться врачей. Самостоятельно назначил себе особый режим, исключил соль и кофеин. Синтия бросила заниматься бегом, а он — начал. Пробегал по пятнадцать километров в день. Лишь бы вырваться из дому. Не видеть день ото дня свидетельств того, что видеть не хочешь, — того, что сделал неправильно в своей жизни. Мередит, стоя рядом, ощущала, как ее обдает волной его тоски, просто сбивает с ног. Почудилось, будто на крыше дома что-то виднеется. Так, облачко. Белое трепетанье.

— А что с их матерью?

Ей хотелось спросить, *Она была рыжая? Преследует вас повсюду? Появляется и исчезает у вас на глазах?*

— Их мать умерла, — сказал Джон. — Рак.

— Может, пока я не села в машину, пойду взгляну, как там Сэм? Проверю, все ли в порядке?

— Разумеется! Так мило с вашей стороны. Давайте только, пока вы не уехали, я покажу вам наш дом. Он, надо сказать, пользуется большой известностью. Самое знаменитое здание в Мэдисоне.

Изнутри Стеклянный Башмак производил не меньшее впечатление, чем снаружи: повсюду свет, везде кругом зелень. На лестнице у Мередит закружилась голова. Столько стекла! Космический корабль, летящий сквозь бескрайние просторы вселенной. Банка с опытными образчиками мошек и жуков.

Джон показал ей, где комната Сэма, и Мередит, поблагодарив его, постучалась в дверь.

— Попрощаться пришла, — крикнула она, когда стало ясно, что Сэм, ожидая не ее, а отца или мачеху, не откроет.

При звуке ее голоса задвижку отодвинули. Из-за двери пахнуло дымом. Едким и смолистым.

— Войдите, — сказал Сэм.

В комнате царил кавардак. Повсюду валялась разбросанная одежда. Стены под стеклянным потолком были выкрашены в черный цвет.

— Поразительно, — глянув на потолок, сказала Мередит.

— Все комнаты наверху такие.

— Надо же! Повезло тебе.

— Глупости говорите. Ни хрена обо мне не знаете, а лезете судить. — С угрозой. С отчуждением.

Отпугнуть ее хочет?

— Я говорила про потолок, — сказала Мере-

дит. — Потрясающая комната. А повезло ли тебе в жизни — судить не мне, поскольку я действительно тебя не знаю.

Но разве это мешает ей догадаться? Не слишком повезло. Матери нет, мачеха рвет и мечет, отец практически отсутствует, занятый тем, что то ли существует, то ли нет.

Сэм фыркнул.

— Это да. Такому потолку весь город завидует.

Потом они слушали музыку; у Сэма был старый проигрыватель с пластинками, какие Мередит знала с детства. Она могла бы побыть с ним и дольше — ей, в сущности, не к кому было возвращаться. При этой мысли ей стало ясно, что надо уходить.

— Ну, мне пора, — сказала она. — Еще, чего доброго, и на обратном пути собьюсь с дороги.

— Я, кстати, был на крыше не для того, чтобы покончить с собой, — сказал Сэм.

— Я знаю.

Мередит отлично понимала, что, когда задумаешь такое всерьез, публику любоваться не собираешь. Возможно, если копнуть поглубже, она кое-что о Сэме знала.

— По крайней мере — в данном случае. Хотя вообще в этом что-то есть. Годится как вариант

ухода. Сам дергаешь за нужные ниточки.

Мередит заметила у него на столе набор ножей.

— Отец разрешает тебе держать оружие?

— Отец у меня — осел. И потом, это антиквариат. Японские обрядовые ножи. Опасности никакой, они все тупые.

— Уже хорошо, — сказала Мередит.

— К тому же подобное не в моем вкусе. Кровища и так далее.

— И не в моем, — сказала Мередит.

— Вы ведь и правда заплутали. Я угадал?

Сэм затаил дыхание. Ему хотелось дождаться честности. Хоть от кого-нибудь. Пусть даже постороннего.

— В смысле — не знаю, как куда проехать в Коннектикуте?

— Ага. — Сэм усмехнулся. Дождешься правды, как же. — Пусть так. Будь по-вашему. Заглядывайте, если опять когда-нибудь заплутаете в наших краях.

Мередит сошла вниз, где ее дожидался Джон Муди.

— Слушайте, я не знаю, как это он у вас согласился слезть с крыши, но если вдруг вас заинтересует такое предложение, я немедленно

беру вас на работу. Не важно, сколько вы сейчас получаете, я готов платить вам больше, для меня главное — выручить Синтию. Естественно, жилье и питание. Плюс медицинская страховка. Скажу вам больше — автостраховку беру на себя, только оставайтесь! Условие номер один — вы справляетесь с Сэмом.

— Как? Вы склоняете меня бросить шикарную работу в сувенирной лавке музея «Метрополитен»?

Мередит сказала это в шутку, уходя от прямого ответа, но на лице Джона Муди изобразилось замешательство. Может быть, подумал, что она набивает себе цену. А может, — что готов на все, лишь бы ее заполучить.

— Согласен платить вам вдвое больше, чем музей.

— Сэм настолько безнадежен?

— Когда с ним общаетесь вы — нет. В этом-то и дело.

— Что ж, надо будет поразмыслить.

Джон проводил ее до двери. Выйдя на крыльцо, Мередит глянула на дорожку перед домом. Кто-то стоял там вдалеке. В тени самшитовых деревьев. Молодая женщина.

— Вон там, видите?

Джон не успел ей ответить — как раз в эту минуту подъехал и остановился джип Синтии.

— Так вы обдумаете мое предложение? — спросил Джон Муди.

— Не исключено.

Синтия вышла из машины, за нею — белокурая девочка лет десяти в балетном трико и балетных туфельках. Девочка побежала по гравийной дорожке. Очень худенькая, длинноногая, с косой по пояс.

— А меня выбрали в мышки! — объявила она. — Я буду мышкой на танцевальном фестивале в конце лета! Самая лучшая роль после главной!

Увидев Мередит, стоящую рядом с ее отцом, девочка остановилась.

— Ой, здрасьте.

— Бланка, это Мередит, — сказал Джон Муди. Он оглянулся на Мередит. — Она, возможно, поживет у нас какое-то время. Будет помогать по дому.

— Ох, слава тебе, господи! — Синтия уронила на пол сумку с балетными принадлежностями и повернулась к Мередит. — Не знаю, милая, кто вы и откуда, но вы без преувеличений спасли мне жизнь.

В начале каждого полугодия Синтия вручала

Бланке расписание, аккуратно отпечатанное на машинке. Часы занятий в школе, уроки танцев, кружок рисования, футбол, даты медосмотра, визиты к зубному, дни рождения друзей, абонемент на балетные спектакли текущего сезона… Когда у Бланки выдавалось все-таки свободное время, она сидела, уткнувшись носом в книжку, или просила отвезти ее в библиотеку. Хорошо, — а как насчет Сэма? Для него не предусматривалось ничего. Ему — никаких расписаний. Бывали посещения психиатров, социальных работников, психологов и принудительные занятия спортом, которые вел бывший морской пехотинец. Сэм посещать их отказывался. У него была жуткая привычка колоть себя булавкой — по всей руке оставались шрамы, — но с этим тоже ничего не удавалось поделать. Как и отвадить его от новой выкрутасы, к которой он пристрастился: висеть на высокой дикой яблоне вниз головой, наподобие летучей мыши. Причем часами. Один раз он провел в такой позе полдня, да на жаре; потерял сознание и грохнулся вверх тормашками на землю, заработал сотрясение мозга.

Его занятия после школы? И тут попытки руководить им заканчивались неудачей. Наркотики и спиртное, в постоянно возрастающем количе-

стве и силе действия. Порошок, который Синтия, обнаружив в его комнате, приняла за кокаин, на самом деле был героином. Тем, кто не слишком рвется смотреть в глаза правде, нетрудно почти все толковать слегка не так. В иные дни Сэм мог проспать двадцать часов подряд. Хоть ведром воды окати — как Синтия, дойдя до белого каления, однажды и поступила, — все равно не шелохнется. По ночам иногда слышно было, как он шастает вокруг без устали до самого рассвета. Был случай, когда он за ночь проделал пешком и на попутках путь до города Провиденс и обратно. Сказал, что якобы пришла охота отведать род-айлендский деликатес — хрустящие лепешки, которые принято подавать с маслом, — на самом же деле он просто знал там кой-кого, кто приходит к студенческому общежитию сбывать «экстази». Не секрет, что он наведывался в снискавшие дурную славу районы Бриджпорта, ездил на автобусе в богемные кварталы Манхэттена — задумываться, с какой целью ездил, ни у кого не возникало желания. Как оказалось, от булавки до иглы — всего полшага. Так просто, в сущности: уколешься, и вместо боли не чувствуешь совсем ничего.

Даже когда Сэму случалось взяться за нормальное занятие, все как-то выходило вкривь и вкось.

Он одно время до безумия увлекся поднятием тяжестей, добавляя к своей штанге один «блин» за другим, покуда Синтия, которой смертельно надоело слушать из ночи в ночь лязг брошенного металла, не договорилась, чтобы все это хозяйство пришли и забрали в дар местному приюту для бездомных. После чего приготовилась к грандиозному скандалу. Но Сэм, увидев, что его спортивное снаряжение исчезло, не сказал ни слова. Зато наутро выяснилось, что отличный фарфоровый сервиз Синтии — память от первого брака — разбит вдребезги.

Сэм заявил, что он тут ни при чем.

— Снимайте у меня на хрен хоть отпечатки пальцев! — кричал он. — Хоть в полицию меня везите! Валяйте, если не слабо!

— Вообще-то это я виновата. — Бланка, услышав гам, вышла к кухонной двери взглянуть, в чем дело. — Я потянулась достать кувшин для лимонада, и все полетело на пол. А сказать побоялась.

Сэм расхохотался. Он знал свою сестру.

— Не заливай, Прутик! Такое не в твоем характере!

— В другой раз обязательно скажу, если провинюсь. Обещаю, — мило проговорила Бланка. — Я

думала, вымету осколки, и все сойдет.

— Вот врушка, — пожурил ее Сэм, но никто к нему не прислушался. Кроме Бланки. Она, считаясь с мнением брата, тайком скрестила пальцы за спиной.

— Ничего, — успокоила падчерицу Синтия. — Не волнуйся. В моем первом замужестве все никуда не годилось, включая фарфор. Я им и не пользовалась никогда.

Бланка широко улыбнулась, а Сэму высунула язык. Она умела сглаживать острые углы, особенно когда требовалось выгородить брата.

— А ведь это серьезно не моя работа, — сказал Сэм потом Бланке и Мередит.

— Какая разница? Она же признала, что это был ужасный сервиз, — сказала Бланка.

Мередит в свободную минуту заглянула в гараж, куда выносили мусор. Подошла к баку с разбитой посудой. Черепки, как осколки льда, холодили ей руку. По краю каждого шла черная полоса. Сажа. Одна из примет привидения. В первую ночь по приезде Мередит слышала голос за дверью своей спальни. Здесь в самый тяжелый период болезни Арлин жила ее сиделка, Джезмин Картер. Мередит лежала в постели, глядя сквозь стеклянный потолок на завихрение звезд

над головой. Кружась, плыл по ночному небу Млечный Путь. Кто-то сказал, *Вода.* Или это она сама подумала вслух? Ей захотелось пить, и она спустилась вниз за водой. В том, что всегда надевала на ночь: в футболке и спортивных трусах. И босиком. Наступила на что-то и нагнулась посмотреть. Птичьи косточки, аккуратной кучкой сложенные на полу. Наверное, в доме есть кошка, а это — все, что осталось от ее ужина, от незадачливого пересмешника или королька. Мередит вышла на улицу. Ей нравились ночи за городом, нравилась эта тьма, разлитая повсюду. Только не очень уютно было жить в таком тесном соседстве с плавательным бассейном. И все же ее потянуло на звук воды. Она прошлась по сырой траве и села на краю бассейна, окунув ноги в воду. Джон Муди, надо признать, не перегревал свой бассейн сверх меры. Вода была идеальной температуры.

— Не топиться ли собрались?

В темноте, лежа на шезлонге под открытым небом, Сэм курил гашиш. Запахом от него веяло крепким, пряным.

— Смотри, попадешься, — сказала Мередит. — Не страшно?

— Уже попался, — сказал Сэм. — Вода, огонь, воздух. Вы что выбираете?

— Я — воду… Отцу попадешься, говорю. Или Синтии. То, чем ты балуешься, между прочим, запрещено. Найду в твоей комнате — выкину. Честно предупреждаю.

— А у меня замок надежный на двери. К тому же, если знаешь нужных людей, поставка наркотиков — не вопрос. В неограниченном количестве… Ну а я выбираю воздух.

— Что там за кости валяются на кухне? — спросила Мередит.

— В траве на них наткнулся. Подумал, оставлю для Синтии в виде презента.

— Хорош сынок. — Мередит усмехнулась. — Гаси, давай, свою трубку.

— Пасынок. — Сэм затянулся в последний раз и выбил трубку.

— Я слышала чей-то голос у себя за дверью. — Мередит незаметно взяла со стеклянного столика положенную трубку. Надо будет выкинуть потом в мусорный ящик.

— Первый признак помешательства, — заявил Сэм. — И что вам сказал этот голос?

— «Вода».

— Хм-м, — сказал Сэм. — Любопытно. Лично мне голос твердит, что жизнь — бессмысленная мешанина костей, и праха, и дерьма.

— Сэм, — остановила его Мередит.

— Я тоже честно предупреждаю, — сказал он ей. — Даже и не надейтесь достучаться до меня или что вы там еще задумали. Со мной это дохлый номер.

И все-таки она пыталась. В этом, в конце концов, заключалась ее работа. Хотя, пожалуй, и нечто большее — миссия своего рода. Потому-то, быть может, так и стремился заполучить ее к себе Джон Муди, учуяв в ней прирожденного ремонтника, наладчика. Который рвется к успеху в том, где другие потерпели неудачу. Однако способа вытащить Сэма утром из постели, как видно, не существовало. Чего только она не пробовала: и батареи будильников расставлять, и радио включать на полную мощность, греметь горшками и кастрюлями под самой дверью. Никакого впечатления. Бланка была полной его противоположностью — быстрая, собранная. Спускалась рано утром на кухню, готовая встретить новый день: коса заплетена, тетрадки с домашним заданием аккуратно сложены в ранец, на столе рядом с гренками и джемом — открытая книжка.

— Да вы не ждите его, — обыкновенно советовала она Мередит. — Высадите меня у школы, вернетесь — и еще успеете с ним к концу уроков.

Только не факт, что он проснется.

Но все же стараний не оставляли. Официально Сэм не был исключен из школы, он просто там не появлялся.

— Может быть, репетитора ему нанять? — предложила Мередит Джону Муди. — Или хотите, с ним буду заниматься я. Сдал бы тогда выпускные экзамены и получил аттестат за среднюю школу.

— Не согласится, — сказал ей Джон. — Органически не способен хоть чем-либо меня порадовать.

— Я думаю, дело не в вас.

Их взгляды встретились. Разговор шел на кухне, где Джон готовил себе аперитив. Звякнули кубики льда.

— По-моему, дело в ней, — сказала Мередит.

— Синтия уйму сил положила на этого парня. В сто раз больше, чем требует всякое там чувство долга, — так что Синтию давайте винить не будем.

Этим Джон Муди положил конец разговору. Но путь из кухни проходил мимо Мередит, а она его преградила.

— Я имела в виду его мать, — сказала она.

Возможно, в эту самую минуту где-то за самшитовыми кустами затаилась рыжеволосая

женщина. Во дворе то и дело откуда ни возьмись ложились тени. На въездную дорожку, под кусты сирени, на газон. Стоило лишь открыть глаза и увидеть.

— Его матери больше нет, — сказал Джон Муди. — Вот, собственно, и весь сказ.

— Ой ли?

— А как иначе? — сказал Джон.

— И вы не чувствуете, что вас преследуют? Не ощущаете ее присутствия?

Из прихожей показалась Синтия. Она прислушивалась к беседе, не в восторге от доверительных отношений между Джоном и Мередит. При последних словах вошла на кухню и обняла мужа за пояс.

— Я забираю его у вас, не возражаете?

Мередит с первого дня, как приехала, все время чувствовала, что Синтия следит за ней. Сегодня был не первый случай, когда она подслушивала тайком. И всякий раз — эти прищуренные глаза и многозначительная улыбочка. Усядется на шезлонг и наблюдает, как Мередит, расстелив на траве одеяло, лежит и читает в минуты досуга, пока Бланка в школе. Сэм, большей частью, по-прежнему уединялся у себя в комнате, где расписал все стены флюоресцентной краской, чтобы

светилась, когда включишь инфракрасный свет. Бланка, напротив, проводила массу времени с Мередит. Мередит раньше и не догадывалась, что бывают такие интересные, смышленые дети. С Бланкой ей, честно говоря, зачастую легче было находить общий язык, чем со взрослыми. Коннектикут дарил ощущение надежности — непотопляемый пузырек на поверхности зыбкого мира.

— И все-таки для меня это загадка, — сказала однажды Синтия.

Сентябрьский день клонился к вечеру. Вся зелень вокруг сменялась постепенно золотом. Мередит стояла на дорожке, поджидая Бланку. Школьный автобус останавливался в конце проулка, и Бланке оттуда до дому было семь минут ходу, если бегом, и одиннадцать — вразвалочку. Синтия тоже вышла ее встречать, чего до сих пор никогда не наблюдалось. Обычно она была слишком занята. Сейчас, к примеру, жертвовала, вполне вероятно, очередным уроком игры в теннис.

— Что — загадка? — спросила Мередит.

— Ваше присутствие.

— Извините?

— Вам, судя по всему, здесь у нас страшно нра-

вится. Надо ли так понимать, что вы трахаетесь с моим благоверным, и все происходящее — милая потеха на мой счет?

Стеклянный Башмак прямо-таки притягивал к себе птиц. Вот и теперь в кусты живой изгороди впорхнула разом, словно насыпалась с высоты, стайка черных дроздов.

— Как это все у вас было? — продолжала Синтия. — Нет, правда? Мне можно сказать. С чего началось? Вы встречались в городе? Сперва проводили с ним ночи в гостиницах? Ну а потом, верно, решили — какого черта, когда есть возможность переехать к нему и заниматься тем же самым в соседней комнате от его благоверной? Подумаешь, невелика цаца! Всего-то навсего — вторая жена…

— Кончайте, слушайте. — Мередит не знала, куда деваться от неловкости и за себя, и за нее.

— Ага, сейчас! Вы что, прикажете верить, будто всю жизнь мечтали наняться нянькой к молокососу с преступными наклонностями? И набрели на наш дом по чистой случайности?

— У вас разыгралось воображение. — Мередит с удовольствием плеснула бы воды из ведра на свою хозяйку. С *чего это ты взяла, что он мне нужен? Мне нужно ничто, вот почему я здесь.*

Нетонущий пузырек. Зеленая травка. Дрозды. Тишина. — И притом вы явно не доверяете своему мужу.

У Синтии вырвался смешок.

— Он поступает со мной так же, как когда-то — с нею. Спит с другой, пока жена лежит одна в супружеской постели.

Подошел школьный автобус. Мередит всегда следила за тем, чтоб точно в нужное время стоять и ждать на дорожке. Сегодня был понедельник, свободный день: ни танцев, ни футбола после школы. Мередит оставалось лишь приготовить Бланке что-нибудь перекусить да помочь ей с домашним заданием.

— Тут Бланка будет с минуты на минуту!

— А вы мне так и не ответили. — Синтия и не думала отступаться. Готовилась устроить сцену, не заботясь, услышит Бланка или нет. — Путаетесь вы с моим мужем?

— Я тринадцатый год ни с кем не сплю, — сказала Мередит. — При том, что это не ваше дело.

— Ну и сильна заливать!

— Верьте, не верьте — это так. Я здесь потому, что в данный момент мне больше податься некуда. Сделать карьеру не стремлюсь. Решила взять тайм-аут и поразмыслить, как и что.

— Совсем без секса? То есть по нулям? — Градус истерики в голосе Синтии слегка понизился.

— Совсем. Будь то хоть анонимный. Хоть секс по телефону. У меня был друг, еще в школе, он погиб — и на том дело кончилось.

— Тогда — виновата. Серьезно. Откуда мне было знать. Просто не понимала, с какой радости интересной, образованной женщине идти на такую работу.

— Мне нравятся ваши дети.

Естественное, в общем, объяснение, но до него Синтии никогда бы не додуматься. Сэм нюхом, как собака, чуял, кто его боится, — на мачеху он наводил страх. Постоянно.

— Как — оба?

— Сэм — мой человек. Я его понимаю.

— Святители! Уж не знаю, преклоняться перед вами или соболезновать, — сказала Синтия.

— Сойдет и то, и другое.

Синтия усмехнулась.

— Давайте, просто не буду нападать. Устроит?

— Вы что-нибудь видите вон там?

Мередит указала на живую изгородь. Очертания женской ступни, женской ноги; зеленая листва, колено… Чаще всего — то одно, то другое; отдельные частицы. Иное дело, когда присутство-

вал Джон: при нем видение являлось полностью.

— Вижу, что пора подстригать газон, — сказала Синтия. — Садовник у нас — из рук вон.

— Да, так вот — для полной ясности. Меня никоим образом не интересует ваш муж. Ни в коей мере.

— Знаете, меня — тоже, но я все равно с ним трахаюсь.

Обе переглянулись и прыснули, не вполне понимая, кто же они теперь, раз больше не враги.

— Ну, а я — нет, — объявила Мередит. — И не собираюсь.

Показалась Бланка. Присвистывая, свернула вприпрыжку к дому. Мередит помахала ей рукой.

— Привет, Би!

— По математике задано — горы! — отозвалась девочка.

— Она вас любит больше, чем меня, — грустно сказала Синтия.

— Не ищите во мне угрозы, Синтия. Я пришла сюда на подмогу. И только.

В надежде скрасить Бланке занятия математикой, Мередит приготовила для нее пикник на заднем дворике.

— Ты приготовила лаймонад! Обожаю!

Вселенная для Бланки располагалась согласно перечню ее предпочтений. Любимая еда — паста. Любимый член семьи — Сэм. Любимая бабушка — собственно, в данном случае выбора не было — баба Диана. Любимый предмет в школе — все, кроме математики. Любимая книжка — та, что в руках на этой неделе.

Мередит встретила Бланку на полпути к дворику и пошла вместе с ней по газону. Ступала, чувствуя колкую траву под босыми ногами.

— Как хорошо, что ты у нас, — говорила Бланка. — И так здорово разбираешься в математике! Хотя, за что ты ни возьмешься, все получается здорово!

— Если бы, — рассмеялась Мередит.

— Точно говорю!

Вот ради этого, может быть, Мередит и оставалась в Коннектикуте — хоть кто-то рядом считал ее стоящим человеком. Двенадцать лет назад ей было шестнадцать. Столько же, сколько нынче Сэму. Годы с тех пор прошли в тумане: никчемные минуты, сливающиеся в единый сумрак. Говорят, время врачует раны, однако Мередит так и не сумела оправиться от того, что стряслось. Прошлое длилось в настоящем, каждое мгновение минувшего — в тысячу раз важнее и ближе,

чем текущая, реальная жизнь. Двенадцать лет она не чувствовала ничего. Даже и не пыталась.

Она видела следы от уколов на руке Сэма Муди, порезы на его руках. Те японские ножи в его комнате — безобидный антиквариат, как он выразился, — могли, оказывается, наносить увечья. Мередит прошла через все это сама. Она прекрасно понимала, что делает Сэм. Старается чувствовать — хотя бы что-нибудь. По этой части она могла бы и сама давать уроки — куда успешнее, чем по алгебре. Изучила эту науку со всех сторон. И знала одно: раз больно, значит, ты жив. Если быть в живых — то, чего тебе надо. Если это, когда подумаешь, хоть чего-то да стоит.

Сэм исчез в октябре. Такое случалось и раньше, но лишь на ночь-на две — чтобы, перепугав всех основательно, притащиться назад из Бриджпорта в жестоком похмелье, изможденным наркотой и с заготовленной в виде объяснения небылицей, какой и сам особо не рассчитываешь обмануть отца и Синтию. Но на этот раз было иначе. Прошли четыре ночи, пять ночей… В воздухе, принесенная волной раскаяния, нависла печаль. Каждый вечер Джон Муди садился ждать в гостиной, но Сэм не появлялся. Хотя бы уж на худой конец, сверкая мигалками, остановилась перед

домом машина шерифа — и то бы легче! При этом Джон считал, что звонок в полицию может легко повлечь за собой новые осложнения, поэтому нанят был частный детектив. Сэма видели в Бриджпорте, в компании обкуренных дружков, но точно установить его местопребывание было затруднительно, а на помощь оравы его жутковатых приятелей рассчитывать не приходилось — те, даже получив мзду, поставляли ложные сведения. Сэм ускользал; он знал, как затеряться.

На шестую ночь Мередит отправилась искать его сама. Прочесывала заваленные хламом улочки кварталов, где Сэма хорошо знали. *Ну как же, Сэм, — это такой, с приветом,* говорили ей люди, однако тем дело и ограничивалось. Мередит обратила внимание, что очень редко увидишь, как на крыльце, на ступеньках у подъезда, прохлаждаются женщины — сплошь одни мужчины. Молодые. С печатью неблагополучия, понурые — такие, которым больше нечего терять. Мередит проехала мимо автобусной остановки, ища места, где собираются подростки; остановилась у захудалой винной лавки. Каждому, кто в нее заходил, показывала фотографию Сэма, но не услышала ничего.

— Бросьте вы это, — посоветовала ей прият-

ная на вид женщина постарше. — Нагуляется — явится сам.

Когда Мередит вернулась назад, Джон Муди еще сидел и ждал в гостиной.

— Похоже, безнадежный случай, — сказал он.

— Пока еще — не совсем. Возможно, он задержался у кого-нибудь из приятелей.

— Я не про Сэма. Я — о себе в качестве родителя. — Мередит села на диван, не снимая темно-синего пальто, надетого, так как на дворе уже становилось прохладно. — Чем-то я, видимо, проштрафился в прошлой жизни.

Мередит усмехнулась.

— Речь не о том, что вам ниспослано наказание. Речь вообще не о вас. Речь идет о Сэме.

— И все же я терплю наказание. Мне это с некоторых пор стало ясно. Я в это твердо верю.

Мередит пожалела, что не догадалась войти в дом через кухню и избежать этой встречи. Она чувствовала себя виноватой, что так и не открыла Джону Муди, каким образом оказалась в его доме, — скрыла, что, еще до того, как здесь появиться, знала, кто он такой. Знала, что он из тех, кого отчаяние толкает искать помощи у экстрасенса.

— А вот я, кажется, ни во что не верю, — ска-

зала она.

— Хорошо вам. Раз ни во что не верите — стало быть, ни в чем и не обманетесь. Я, к сожалению, верю, что все мы расплачиваемся за свои ошибки. Горим в огне за свои грехи.

Джон Муди извинился и пошел наверх. Такое не обсуждают с няней, нанятой глядеть за детьми. Сокровенное, что пробирает до костей, задевает за самое живое. Беду, которую ты носишь в себе. К тому же было ясно, что этой ночью Сэм уже не появится домой — тем более, что и самой-то ночи уже не было. Небо яснело, проливая свет с вышины в Стеклянный Башмак.

Мередит чуть не уступила соблазну выдать Джону Муди правду. *Я тоже ее вижу. Это она привела меня сюда.* Пожалуй, если я и верю во что-нибудь, так это в привидения. Но вместо того — промолчала, как всегда ограничиваясь тем, чтобы просто делать свою работу. Попадется зола — смахнет в совок. Птица в дом залетит — поймает и выпустит на волю. Черепки битой посуды выбросит в мусорный ящик. Странных теней пыталась не замечать. Но вот Сэм — как было не замечать его отсутствие?

— Сегодня он обязательно к вечеру будет дома, — объявляла во всеуслышанье Бланка шесть,

потом семь, потом восемь дней подряд.

Нужно было как-то жить дальше, правильно? Хочешь ты или нет, но мир не стоит на месте из-за того, что кто-то один — пропал. Повседневная жизнь худо-бедно текла своим чередом. Приходили газеты, готовилась еда, выполнялись дела по хозяйству. Как-то днем Мередит повезла Бланку в библиотеку за книжкой, нужной для сообщения о мировых религиях. В библиотеке Мередит бросилось в глаза объявление, что в конце месяца состоится лекция на тему «Физика параявлений». Преподаватель и аспирант Йельского университета будут вести дебаты о том, существует ли в самом деле иное измерение.

К Мередит подошла сзади Бланка.

— Отец говорит, что все это чушь собачья.

— Ах, вот как?

Назад, когда им выдали книги, Мередит шла, неся одну половину, Бланка — другую. Из мировых религий Бланка, пожалуй, отдавала предпочтение буддизму. Она была вообще склонна веровать — не совсем, правда, сознавая толком, во что. Запойная страсть ее к чтению неустанно возрастала. Она не пропускала возможности заглянуть в книжную лавку и вечно пропадала в библиотеке. Держала припрятанной под

кроватью стопку книг, выбор которых никак не вызвал бы одобрения у Синтии: всякую всячину от Сэлинджера до Эрики Джонг, какую девочкам в ее годы читать не полагается.

— Он говорит, паранормальные явления — чушь, — поправилась Бланка. — «Собачья» я прибавила от себя.

— Прелестный лексикончик, Би!

— Большущее спасибо!

На обратном пути, когда они сворачивали за угол, обсуждая под звуки радио «Кантри плюс Вестерн», какой у кого любимый отдел в библиотеке (отдел беллетристики — у Бланки, исторической литературы и биографий — у Мередит), им встретился Сэм. Они было совсем забыли на какие-то минуты, что он исчез. От библиотек и охапок книжек такое случается. И даже когда увидели его, едва было не решили, что им почудилось — что это бескровный, зыбкий дух, вызванный их воображением. Но нет, то был действительно Сэм. Стоял возле магазина и рисовал на тротуаре. Вокруг собралась кучка зевак. Везде, куда ни глянь, господствовали краски. Разбросанные, вперемешку с кровью, синие перья, белые кости. На самом же деле — всего лишь цветные мелки по асфальту.

— Почему вокруг него столько народа? — спросила Бланка.

Мередит подъехала к тротуару и открыла для себя дверь.

— А ты пока посиди.

Она подошла к толпе. Люди пересмеивались, словно глядя на цирковое представление. Наверное, со стороны это выглядело забавно — подросток, явно под кайфом, в заляпанной грязью одежде, малюет как безумный, весь в цветной пыли.

Сэм изрисовал мелками почти целый квартал. Нечто подобное он проделывал и дома, расписывая стены в своей комнате красками, светящимися в темноте. Теперь, похоже, задался целью изрисовать весь белый свет — или хотя бы ту часть его, что под рукой. Пропитывая все кругом собственным видением мира. Мира, в который не каждый отважился бы ступить по доброй воле. В котором, будто в страшном сне, роились кошмары — мертвые тела, мертвые птицы, скелеты с обоюдоострыми секирами, крылатые безликие фигуры, летящие над домами, объятыми пожаром. Руки и лицо у Сэма были вымазаны бирюзовым, алым, черным.

Мередит пробилась сквозь толпу. Сэм был так

поглощен своим занятием, что даже не заметил ее. Она присела рядом на корточки. Сэм поднял глаза и не выказал при виде нее ни малейшего удивления.

— Привет, — уронил он, не отрываясь от своей работы.

Огромные, во все глаза, зрачки; он видел то, чего не могли, не пожелали бы видеть другие. Несколько дней он принимал галлюциногены. Ему и не вспомнить было, как он попал в свой город. Возможно — по воздуху. Очень может быть. Сидел в каком-то туннеле в Бриджпорте и чистым усилием воли перенесся сюда.

— И долго ты так? — спросила Мередит.

Какой ценой достался ему целый квартал? Все его руки, как она сейчас увидела, были стерты до крови. На полпути между химчисткой и магазином был рисунок женщины в белом платье. Рыжей женщины.

— Начал часов в двенадцать ночи. Двигал домой — и вдруг нашло как-то разом. Даже раздумывать не понадобилось.

Значит, пятнадцать часов: ночь напролет, все утро, весь день до вечера.

Вышел директор магазина, попытался разогнать толпу.

— Полиция едет, — крикнул он Сэму. — Я не обманываю. Это — частная территория.

— Вообще-то тротуар принадлежит всем, болван.

Сэм ни на миг не прерывал свое занятие.

— Ну что, поехали домой? — предложила ему Мередит.

Она оглянулась на припаркованный «фольксваген». Бланка, приоткрыв дверь машины, следила за происходящим. Фигура рыжей женщины, казалось, выросла откуда-то из-под асфальта. Полупрозрачная — сквозь нее Мередит виден был микрофургон, стоящий у тротуара.

— Идем. — Мередит потянула Сэма за собой.

— Какого дьявола, Мерри! Я работаю! — Сэм вырвал у нее руку. Глаза его горели. — Не видите, я занят делом! Раз в кои-то веки! Ослепли, что ли?

Столько лет никто не называл ее «Мерри»… Господи, за что и когда бы она ни взялась, все кончалось неудачей — не удавалось ей никого спасти, и сейчас, кажется, не удастся. Внезапно ей открылось, что это-то и держит ее здесь. Вот истинный ответ на вопрос Синтии. Чего ради такая, как она — образованная, интересная, молодая, — пошла на столь незавидную работу. Потому что не могла бросить на погибель Сэма.

Где-то взвыла сирена. Зеваки в толпе потешались. Некто высказался в том смысле, что, дескать, не самого ли Нечистого они наблюдают за работой. Все эти адские чудища. Скелеты с обоюдоострыми секирами. Женщина с космой кровавых волос.

— Вот что я думаю, — сказала Мередит. — Оставим все это как есть — пускай народ получает удовольствие, а мы отправимся ужинать и заодно потолкуем. Вон Бланка сидит ждет в машине. Она очень скучала без тебя, Сэм.

— Никаких гребаных *«мы»*! — Сэм продолжал рисовать. Костяшки его рук кровоточили, но кровь была ему не внове. — *Бросим все это и айда домой, в тюрьму,* — протянул он, передразнивая Мередит. В одно мгновение к нему вернулась ярость. — А во всем этом — *я.* И только я!

— Так и давай, расскажи! О том я и хочу поговорить. — Проклятые сирены завывали уже совсем близко. — Едем, Сэм. — Меньше всего Мередит хотелось иметь дело с полицией. Выходит, она как бы соучастник? Ну и пусть. Ясно, что ни тест на наркотики, ни срок в тюрьме к хорошему не приведут. По крайней мере — в данном конкретном случае. Сэм захлебнется в благих намерениях начальства и сгинет. — Давай же, нам пора.

— Знаете, не сочтите за бред, но я умею читать по глазам, что кто думает. — Сэм широко развел руками над тротуаром. Над буйством красок, багрянцем, адскими видениями. — Умею вытащить наружу нутро. То, что здесь, на асфальте, — это я. Меня же иначе просто не видят!

Бланка тем временем вышла из машины и теперь стояла совсем близко. Она слышала, что говорит брат, и лицо ее приняло недетски серьезное выражение.

— Вернись назад, Би, и жди нас, — сказала ей Мередит. — Звони отцу на работу.

Бланка будто не слышала. Она была примерной девочкой и никогда не перечила взрослым, но сейчас ослушалась. Подошла к Сэму и стала радом с ним на колени. Подол ее пальтишка припорошило синей пылью.

— Я знаю, что в этом — ты.

Сэм перестал рисовать. У него участилось дыхание.

— Я — тебя вижу, — сказала Бланка.

Сэм заплакал. Он и не помнил, когда плакал последний раз. Слезы резали ему глаза, точно бритвы. Он смертельно устал — с самой полуночи пробыл он здесь, на этом тротуаре, неотступно думая, придавая зримый образ своему внутреннему

миру, — вот и руки уже ободраны до костей…

— Едем со мной домой, — сказала Бланка.

— Я не могу.

— Мы тебя умоляем, — подхватила Мередит.

— Никогда никого не умоляйте, Мерри. Не роняйте себя. У вас хватит характера.

К стоянке возле магазина подкатили две полицейские машины и карета «скорой помощи». Директор махал руками, подзывая к себе блюстителей порядка. Сэму было знакомо чувство, которое охватило его в эти минуты. Оно посещало его и раньше. Ножевые порезы на ногах, пальцы, исколотые булавками, косточки его бельчонка — то, как у него разбилось сердце. Все разлетелось вдребезги. Он спрятал в картонную коробку жемчуг, оставленный матерью, и больше не взглянул на него.

Подошли два полицейских, попытались урезонить Сэма.

— Не лезь ко мне, дядя. Я занят, не видишь? Разуй глаза! Трудно, что ли?

Полицейские подступились к нему с двух сторон, но Сэм увернулся. Когда его все-таки схватили, он отбивался, не разбирая, что попадется под руку. Тогда его уложили на асфальт. Пыль от цветных мелков поднялась столбом. Бланка

зажала руками уши. Сил не было слышать, как он кричит — словно, если ему не дадут закончить рисунки, он умрет. Мир, создаваемый им, не достигнет завершения, и с ним исчезнет он сам, обратясь в ничто. Останется пепел. Зола. Битая посуда. Птичьи полые кости. Призрачное свеченье.

Мередит прижала Бланку к себе и держала так, покуда полицейские волокли Сэма к стоянке. Бланка звала брата, но никто ее не слышал. Зеваки не расходились, в их толпе раздались аплодисменты. Кто-то, видимо, указал полицейским на Мередит и Бланку, и один из них подошел узнать полное имя Сэма, его адрес и номер телефона.

— Ничего им не говори! — Бланка попыталась высвободиться и броситься к «скорой», но Мередит удержала ее.

— Нам нельзя вместе с ним? — спросила она полицейского. — Она — его сестра.

— Дайте, я для начала зафиксирую то, что требуется для протокола, — сказал полицейский. — И давайте успокоимся.

Так они и поступили. Что им еще оставалось? Бланка тихонько плакала, уткнувшись в пальто Мередит. «Скорая помощь» отъехала, пока Мере-

дит диктовала адрес. *Стеклянный дом. Для кого — последний. Кому — потерянный.* Повидаться с задержанным, как заверил их полицейский, можно будет довольно скоро — в больнице, куда его направят для обследования и теста на наркотики. Таков порядок. Обычное дело, правильно? А раз так, не надо торопить события. Директор магазина между тем уже поливал тротуар из шланга.

— Смотри, что делают! — закричала Бланка. — Он исчезает!..

Поразительно, какое многоцветье стекало струей в канаву: десяток оттенков синего, двадцать — красного, кромешные сгустки черной сажи, словно ночной кошмар, обретший форму, — нутро человеческого сердца, порушенное с такой легкостью, уничтоженное, раньше чем можно было остановить это разорение, сберечь утраченное или хотя бы попытаться его спасти.

По решению суда, чтоб избежать наказания, связанного с наркотиками, Сэму предстояло пройти трехнедельный курс реабилитации в больнице. К счастью, при нем обнаружили всего лишь спрятанную в кармане щепотку гашиша в серебряной фольге. Все это время он отказывался встречаться с посетителями, но попросил, чтобы к нему приходила сестра. Джон Муди это

запретил. Не видел смысла подвергать десятилетнего ребенка контакту с отделением, в котором лечат наркоманов. Ну что ж, отец был волен устанавливать любые правила, но Бланка все равно ухитрялась каждый день бывать в больнице. Обнаружила это Мередит — приехала за Бланкой к школе танцев и обратила внимание, что все другие девочки высыпают гурьбой из двери, а Бланка приближается со стороны улицы. Назавтра, завезя Бланку в библиотеку, Мередит заехала на своем «фольксвагене» за рядок придорожных сосен и стала ждать. Бланка показалась из библиотеки через пятнадцать минут; Мередит поехала следом за ней и, держась на почтительном расстоянии, проводила ее до больницы. Когда она вышла погодя немного, Мередит посигналила. Бланка села в машину. Никаких объяснений, оправданий. Ничего. Сидела, глядя куда-то в пространство.

— Ты виделась с ним? — спросила Мередит.

— Я пишу записки, он отвечает. Одна сестра их забирает, потом приносит ответ.

— И что он пишет?

— Это я пишу. Он — рисует.

Мередит задумалась.

— Хочешь, я буду просто возить тебя сюда, и

кончим притворяться, будто ты в это время на уроках или в библиотеке.

— Вы это серьезно?

Бланка была хорошей девочкой, и необходимость все время врать сказалась на ней даже внешне. Волосы потускнели и обвисли, на лице выскочили прыщи.

— Серьезно.

День, когда Сэма выписывали домой, решено было отметить шоколадным тортом. Не мог же человек, в самом деле, измениться до такой степени, чтобы утратить вкус к шоколаду! Синтия даже съездила за мороженым, а в ответ на удивленные взгляды заявила:

— Я, чтоб вы знали, плохого Сэму не желаю. Я желаю ему добра.

Все это время, когда звонила бабушка Сэма, а к телефону подходила Синтия, Диана Муди бросала трубку. Она желала говорить с Мередит.

— Синтия знает, что это вы кладете трубку, — сказала ей Мередит.

Диана незадолго до того перенесла инсульт и огорчалась, что не может приехать помочь в трудную минуту. В Мередит она видела родную душу — единственную, от кого узнаешь правду.

— Мне Сэм не очень нравился ребенком, — при-

зналась она, позвонив однажды. — Считала, что он грубиян, а он был просто честный. Не умел ничего таить в себе.

— И до сих пор остался таким.

— Оттого-то и мучается, — сказала Диана Муди. — Нету защитной оболочки.

Забирать Сэма из больницы выпало Джону Муди. Сэм, глядя волком, наблюдал, как отец расписывается, как принимает его бумажник, сверток с цветными мелками.

— Благодарю, и пропади вы пропадом, — сказал Сэм на прощанье сестрам.

— Все, хватит, — одернул его Джон Муди.

— Действительно. Ведь это делалось ради моего блага!

— Оставь, я не намерен играть с тобой в эти игры. — Джон чувствовал себя столетним стариком — не верилось, что он когда-то был молод, охоч гульнуть на вечеринке, полон веры, что впереди ждет целая жизнь…

— Кстати, не помню, чтоб ты хоть раз играл со мной во что-нибудь. Неудивительно, что я не играю в бейсбол. Или, допустим, в баскетбол. Или в теннис. Или пусть даже в обыкновенный мяч. Спасибо, папа.

— Хочешь свалить на меня вину, что тебе не

давались занятия спортом?

Не вышли еще за дверь больницы, как уже началось…

— Ладно, что толку, — сказал Сэм. — Как маму никогда не понимал, так и меня не понимаешь.

— Не смей произносить ее имя!

— Пошел ты, знаешь? Она — моя мать. А для тебя была ничто. Буду произносить, сколько вздумаю. Захочу, другого слова не скажу по гроб жизни. Так что не подбивай меня на это.

После чего они до самого дома молчали. У ворот вышли, хлопнув дверью, и дальше двинулись подчеркнуто порознь. Сэм не потрудился даже зайти на кухню, хотя его оттуда звали. Бланка выскочила и кинулась вслед за ним.

— Спасибо, Прутик, не хочется, — ответил он, когда сестра сказала ему про торт. — Налегай за нас двоих.

Совсем скверный оборот дела приняли через два дня. Лишь сорок восемь часов, и он опять очутился на крыше, полный наркоты. И выходил-то, кажется, всего лишь в магазинчик на углу да на прогулку один раз — и все-таки умудрился разжиться своим зельем. Было раннее утро; Джон Муди шел, собираясь ехать на работу, как вдруг почуял неладное. При выходе со двора его вне-

запно пробрал мороз. Он остановился и заслонил глаза ладонью. Показалось, будто он смотрит кино: чей-то сын, взобравшись на стеклянную крышу, стоит, готовый принять на себя порыв ветра. Как быть при этом отцу? Броситься спасать? Стоять столбом, не в силах шелохнуться? Или залезть туда же и самому прыгнуть вниз?

Визит в кафе-приемную на Двадцать третьей улице не дал никакого результата. Это была последняя отчаянная попытка избавиться от Арли. Добро бы все ограничивалось только золой и голосами, битой посудой, пеплом. Нет — он видел ее наяву. Утром, проходя по прихожей; в сумерках, у заросли самшита. Другие на его месте, возможно, уговаривали бы себя, что перед ними всего лишь тени, игра света, но Джон не обманывался. Это была она. Юная — такая, какой была, когда встретилась ему впервые, когда он заблудился столь безнадежно, что уже не смог более выбраться на верный путь. Вот и сейчас он, кстати, видел ее там, на стеклянной крыше — то в отражении, брошенном тучкой, то в колыхании ветра. Белое платье, длинные рыжие волосы. Различал ее краем глаза — одни только очертания — и всякий раз, как видел ее, сознавал, что виноват перед нею.

А тут еще — это. Опять все то же. Как поступить в подобном случае? Звать на выручку полицию? Или этим только навредишь? Спросить бы совета у Арлин. Сэм вроде бы задремал там на крыше: стоял с закрытыми глазами. Должно быть, наркотики несут ему покой, думал Джон. Дают ему, бедному, уйти на короткое время от раздумий, от самого себя. Парить над всеми ними в вышине.

Из дома показалась Мередит в ночной рубашке. Она увидела Сэма сквозь стеклянный потолок в коридоре. Не помня себя, слетела вниз по лестнице и выбежала во двор.

— Идите же за ним, — крикнула она Джону Муди, на которого, похоже, по обыкновению напал столбняк. — Бегите на крышу и уговорите его сойти вниз!

Иметь бы спасательную сетку, думал Джон Муди, или — второй срок жизни про запас, или другие глаза… А главное — способ вернуться назад во времени. *Раз — в день, когда он не туда свернул с дороги, он заблудился навсегда. Два — не на той женился, а впрочем, правду сказать, неизвестно, которая из двух жен определеннее не та. Три — он нормальный, здравомыслящий человек и решительно не готов справляться с ситуациями, подобными этой.* Джон Муди изнемог. Ему

хотелось растянуться под самшитом, вдыхать его пряный аромат и никогда больше ничего не делать, не говорить, не думать…

— Что, так и будете стоять и любоваться, как он падает вниз?

А разве сам он не падал вниз? Когда Джона посещали сны, он в них обычно сидел на дереве или на крыше построенного им дома, срывался вниз — но прямо на него почему-то неслись звезды. Ночью, открывая глаза, он знал, что где-то рядом — Арлин. За занавеской, на оконном карнизе, рядом возле него, положив голову на подушку. То, что некогда воспринималось как проклятье, обратилось в отраду. Прежде он жаждал от нее избавиться, теперь ловил себя на том, что ищет ее присутствия. *Арли*? звал он шепотом, сидя поздней ночью на кухне, пока Синтия спала в их супружеской постели. *Ты здесь?*

— Да что это, в самом деле! — вскричала с отвращением Мередит. — Пальцем не пошевелите, когда ему надо помочь!

Она бросилась обратно в дом, бегом поднялась по лестнице, ведущей к двери на чердак. От спешки кружилась голова, больно колотилось сердце. Она плавным движением приоткрыла люк, опасаясь, как бы случайно не столкнуть

Сэма с края крыши.

— Тук-тук, к вам можно? — Она увидела довольно далеко его кроссовку и уже смело отворила дверь до конца.

— Я не собрался покончить с собой, — сказал Сэм. — Так что не заводите шарманку на эту тему. Я не такой дурак, Мерри.

Мередит кое-как вылезла на стеклянную кровлю. Ночная рубашка затрудняла ей движения. Оставалось только надеяться, что не сорвешься вниз. Хорошенький получился бы некролог! *Незамужняя няня с высшим образованием разбивается, оступясь на крыше. Никчемную особу собирают по частям. Никогда никого не умела спасти, и в первую очередь — себя.*

— Знаешь, есть кое-что, ради чего стоит жить.

— Ага, вы еще долбаного щеночка притащите для меня! Дескать, все будет хорошо, деточка! Стоит только поверить и хлопнуть в ладоши.

Сэма пошатывало. Он был в джинсах и в куртке, и с него лил пот. После больницы с ним стало заметно хуже, он двигался как лунатик, нетвердо держась на ногах. С обыкновением пихать в себя любую дрянь, какая подвернется, было покончено. Галлюциногены уводили его не туда, куда хотелось. У него были собственные кошмары

— ему не требовалось с чьей-то помощью расширять себе пределы сознания. Хотелось замкнуть сознание на ключ, дать ему передышку. Отныне для него существовал лишь героин. Сон без всяких сновидений. Единственное желание, цель, жгучая необходимость. Все нужное хранилось в ящике ночного столика: шприц, жгут, чайная ложка, бережно завернутые в лоскут потертой замши. Вот ради чего лично ему стоило жить. Проснуться, двигаться, что-то делать — все это вращалось вокруг иглы.

— Между прочим, неплохая мысль. Тебе, по-моему, как раз не вредно бы завести себе какую-нибудь живность.

— Даже и не мечтайте!

— А бескорыстная любовь? — напомнила Мередит.

— Не существует. И вообще — о чем мы тут с вами толкуем? Я вышел подышать свежим воздухом. Не тем, который вдыхает и выдыхает этот тип.

Оба невольно посмотрели вниз, на Джона Муди.

— Он хочет как лучше, — сказала Мередит.

Сэм криво усмехнулся. Для остальных в этом городе — день как день, и лишь ему понадоби-

лось стоять, решая, не попытаться ли взлететь в воздух.

— Я, знаете, принадлежу к совсем иной породе людей.

Он покосился на Мередит, глядя, как она это примет.

— Я — тоже.

Сэм закатил глаза.

— Да нет, я не о том.

— Жизнь лучше, чем ее альтернатива, Сэм. Могу поручиться своей собственной.

— И велика ли ей цена, если честно? Жалованье домашней няньки да подержанный «фольксваген»?

— Послушал бы тебя неизлечимо больной! Мигом махнулся бы, не глядя, за единственный денек, за неделю, за год! Ты просто транжиришь понапрасну то, что имеешь.

— Возможно, я все же могу летать. — Сэм словно бы размышлял с самим собой. — Такая вероятность существует. Нельзя отрицать, пока не попробуешь.

— Возможно, и я могу.

— Кончайте, слушайте! Взялась повторять за мной, как попугай, каждое слово! Не надо равнять себя со мной. Вызовите лучше полицию и

отвяжитесь.

— Дело в том, понимаешь, что я тебя люблю. Не думала-не гадала, что способна, но это факт.

— Ну, если факт, то, значит, с вами что-то очень не в порядке, — сказал Сэм.

Они рассмеялись, и их смех долетел до Джона Муди. Джон услышал его со смешанным чувством облегчения и злости. Веселятся, видите ли, а он — сиди тут и майся, опаздывая на деловую встречу, пойманный в западню пропащей жизни, которой ведь мог бы избежать, если бы не остановился спросить дорогу. Теперь он никогда не повторял такой ошибки. Даже мысли о том не допускал. Готов был часами кружить по дорогам вместо того, чтобы притормозить у ближайшей бензоколонки и спросить. Удерживала не гордость, а страх. Один неверный поворот — и смотрите, во что он влип! Просто недопустимо было решиться снова на подобный риск.

Ему часто представлялось, какой могла бы сложиться жизнь — та, что ждала бы его, если б он не свернул тогда с дороги. Двое воспитанных детишек, встречающих тебя в дверях, когда возвратишься домой после работы; вышколенная немецкая овчарка, сопровождающая тебя во время вечерней пробежки. Или то мог быть Париж,

где он живет один в огромной квартире. Или могла быть Флорида: поле для гольфа в тихом месте, куда не долетает даже пение птиц. Но непременно везде и повсюду присутствовала женщина в белом платье. Совсем молоденькая, почти девочка. Должно быть, она околдовала его ворожбой — с того-то все у них и началось. Не тот он был человек, чтобы зайти в дом к первой встречной, улечься прикорнуть на кушетке, застать хозяйку на кухне обнаженной — и быть готовым отдать за нее все на свете. До Арлин у него были всего три связи, одна — в школе и две — в университете, свидания тайком, не секс, а морока: уламываешь ее, а она отнекивается — жди, покуда наконец не смилостивится и не уступит.

То, как Арли отдалась, — вот что запало ему в душу. Неповторимый момент во времени. Его шаги на кухню. Ее поворот к нему от раковины. Потеряна и вот снова найдена. Открыта на ином, глубинном уровне. Он был привязан накрепко, это уже не оставляло сомнений — на веки вечные та рыжая девочка пронизала собой его существование. Хотя бы и сейчас, к примеру: так овладела его мыслями, что он, подняв голову, с удивлением не обнаружил больше Сэма и Мередит на крыше. Словно куда-то улетели, пока он не глядел.

— Отцу всегда наплевать было на меня, — сказал Сэм.

Они спустились на кухню, и Мередит готовила им чай, надеясь подсунуть Сэму под шумок и что-нибудь поесть. Поспели горячие гренки, но Сэм от них отмахнулся. Он наблюдал в окно, как Джон Муди оглядывает траву на газоне.

— Вдруг я спрыгнул вниз, а ему и невдомек, — прокомментировал Сэм. — Пойдет вдруг и споткнется о мое тело.

— Давай-ка лучше ешь гренок, — сказала Мередит.

— Как, без арахисового масла?

Мередит достала из кухонного шкафа банку арахисового масла.

— Любовь не углядишь на глаз, — сказала она.

— Глупости. — Сэм открыл банку с маслом. В раннем детстве он одно время кроме арахисового масла и желейного мармелада вообще ничего не ел. — Еще как углядишь.

— Серьезно? Тогда докажи.

Сэм с улыбкой отломил от своего гренка половину и протянул ей. Подсев к нему за стойку, Мередит принялась есть гренок, запивая его чаем. Удовольствие мыть потом посуду они с обоюдного согласия приберегли для Синтии.

— Спасибо. — Мередит, откровенно говоря, терпеть не могла арахисовое масло. — Ты был прав.

— Ну вот. — Сэм улыбнулся еще шире. — Хоть раз в жизни хоть в чем-нибудь прав.

На зоомагазин Бланка с Мередит набрели, когда шли по Главной улице, направляясь в книжную лавку. «Сноу Зоо». Раньше Мередит как-то его не замечала. На витрине были выставлены щенята-бассеты.

— Какая прелесть! — Бланка постучала по стеклу, и один из малышей приблизился лизнуть стеклянный палец. — О-о-й! — ворковала Бланка. — Вот этот! Сэм в него просто влюбится!

— Сэм не хочет заводить щенка, — сообщила своей подопечной Мередит.

— Ты посмотри, какие ушки! Такой длины, что путаются в ногах!

Решено было зайти и просто посмотреть. Звякнул колокольчик на двери, и мужчина, занятый мытьем аквариума, поднял голову. Джордж Сноу. Он открыл зоомагазин три года назад, зная, что все равно этим кончит рано или поздно. Он обещал Арли, что не будет специально искать встреч с Бланкой, — правда, ходил иногда смотреть, сидя в заднем ряду, выступления балетной школы и много раз наблюдал, как девочка играет в футбол.

Подчас он спрашивал себя, правильно ли поступил, что дал такое обещание, — но Арли, схватив его тогда за руку, не выпускала ее, пока он не дал ей слово…

— Крикните мне, если буду нужен.

— Спасибо, скорее всего — нет, — отозвалась Мередит.

— Да, вы уже нужны! — одновременно с ней отозвалась Бланка.

Джордж Сноу рассмеялся и подошел смотреть вместе с ними на щенков. Невероятно, как Бланка вытянулась, отметил он, и держится с осанкой балерины, и не дичится посторонних.

— Того, в уголке, оставлю себе, — сказал им Джордж. — Самого маленького из всего помета. У меня был пес, колли, но умер от старости. Так что я созрел для щенка.

— Хорошенький, — серьезно одобрила Бланка. — Но мне больше нравится вот этот.

Глупыш, который лизнул зеркальное стекло витрины.

— А есть такой, чтобы тебе не нравился? — поинтересовалась Мередит.

— Тебе я уступлю дешевле, — сказал Джордж Сноу. — Или, знаешь что, — бери даром. Все равно мне такую ораву не продать.

Мередит бросилось в глаза сходство между Бланкой и хозяином магазина. Оба — кареглазые, с длинными ресницами, белокурые и узколицые.

— Вы, часом, не родня семейству Муди? — спросила она. — Мы правда не можем принять от вас такой подарок.

— Лишь пользуюсь случаем отдать его в самые лучшие руки.

Джордж взял щенка и вложил его в руки девочки.

— Его зовут Шустрик. — Бланка сконфузилась, что как бы заявила свои права на этого щенка. — Ой, нет, это Сэм должен выбрать ему кличку.

— Зачем же. Шустрик — в самый раз! — сказал Джордж Сноу. — А я, пожалуй, назову своего Рыжиком. — Он взял пакет с собачьим кормом и прибавил к нему ошейник и поводок. — Понадобятся уроки воспитания, приводи его сюда, я помогу.

— Мама поднимет крик, — заметила Мередит.

— Мачеха, — поправил ее Джордж Сноу. — Я был когда-то давно знаком с этой семьей, — прибавил он, прочтя в глазах Мередит немой вопрос.

— И как это я тебе позволила, не понимаю, — сказала Мередит по пути домой.

— Ты ничего не позволяла. Я не маленькая, сама могу решать.

— Ну да. Только не жалуйся, если тебе не дадут его оставить…

— Вы что, шутите? — сказала Синтия, увидев, как они входят в дом.

— Это для Сэма, — сказала Бланка, целуя бассета в носик.

— Бескорыстная любовь, — пояснила Мередит.

— Что, от такой любви какашки исчезнут со двора? — спросила Синтия. — Потому что я лично близко не подойду к этому животному. Так и знайте.

Бланка и Мередит отправились вручать щенка Сэму. Постучались. Бланка со щенком в руках спряталась за спину Мередит. Сэм приоткрыл дверь. Наружу вырвался тошнотворный смрад — затхлая смесь нестираного белья, курева и гниющих объедков.

— Не знаю, с чем вы пришли, но мне этого не надо.

Сэм с трудом ворочал языком. Незадолго до того он вколол себе дозу, и у него пересохло во рту. Беда шла по нарастающей. Это знали все. Ему было нужно только одно — тот самый сон без сновидений…

— Оп-па! — Бланка, держа в руках Шустрика, подскочила к брату.

— Притащили-таки мне живность? Кажется, ясно было сказано — никаких щенков! Я не могу брать на себя ответственность ни за какую долбаную тварь. Вы что, не знаете меня? Забуду его где-нибудь, и подохнет к чертям от голода.

— Его зовут Шустрик, — сказала Бланка. — Я думала, ты его полюбишь.

— Сама давай люби, — сказал ей Сэм. — Я по природе к этому не приспособлен.

Мередит и Бланка вернулись со щенком на кухню.

— Можно будет подобрать для него еще кого-нибудь, — сказала Бланка. — Найдем такого, что подойдет.

Щенок тем временем устремился к Синтии, стоящей у плиты за приготовлением обеда. Наступил на собственное ухо и споткнулся.

— Ах ты, бедненький!

Синтия нагнулась и, взяв Шустрика, стала скармливать ему с руки кусочки котлетного фарша.

— Сэм его не берет, — сказала Бланка, складывая вместе пакет с кормом и собачьи миски. — Придется везти назад в магазин.

— То есть что значит — «везти назад»? — Синтия, как видно, сама не ожидала от себя такой горячности и потому сочла нужным прибавить: — Это бесчеловечно! Он к нам уже привык!

— А мне казалось, вы были против, — заметила Мередит.

— Я — против, — твердо сказала Синтия. — И тем не менее он не вернется в паршивый зоомагазин, где с ними жутко обращаются.

— Совсем не жутко, — возразила Бланка. — Мистер Сноу — как раз симпатичный. Сказал, что без всяких денег поможет воспитывать Шустрика, если надо.

— Да ну? Так и сказал? Не знаю, у меня в детстве были ньюфаундленды, и я уж как-нибудь сама справлюсь с воспитанием одного маленького бассета.

— А как же какашки во дворе и на коврах? — напомнила ей Мередит.

— Иди, Шустрик, попей водички. — Синтия поставила на пол миску с водой, и стало ясно, что разговор окончен.

— Надо придумать что-то, — повторяла потом целую неделю Бланка. — Найти кого-нибудь, кто Сэму подойдет. — Видно было, что она придает этому серьезное значение. — Кого он полюбит.

Однажды, выбрав время, когда Бланка была в школе, а Сэм спал у себя в комнате, Мередит еще раз побывала в зоомагазине. Зашла взглянуть, что там имеется, — может быть, присмотреть жевательную игрушку для щенка, который взял себе привычку обгрызать ножки кухонного стола.

— А, это вы, — встретил ее Джордж Сноу, когда она вошла в магазин. — Ну как поживает Шустрик?

Все щенки уже были распроданы, не считая того, которого он оставил себе: тот сейчас спал в коробке за витринкой, где был выставлен собачий корм.

— Шустрик — прекрасно, в те редкие минуты, когда не гадит или не обгрызает мебель, — сказала Мередит. — И Рыжик, смотрю, — тоже не хуже.

— Сегодня пришли без Бланки?

Мередит мысленно отметила, что мистер Сноу сдвигает брови в точности как Бланка, когда бывает чем-то озабочена — что с нею, для десятилетней девочки, случалось слишком уж часто.

— Вас что-то связывает с Бланкой? — спросила она. — Вы потому подарили ей щенка?

— Я дружил с ее матерью. Друг семьи, как говорится. Вам отпустить еще собачьего корма?

— Мне бы найти кого-нибудь подходящего для брата Бланки. Он не большой любитель щенят.

— Сэм, вы хотите сказать.

— Да. Сэм.

— Не общего разлива паренек, — сказал Джордж. — Его мать любила рассказывать о жителях Коннектикута, наделенных способностью летать в случае надобности. Может быть, он — один из них. Тех, у кого отрастают крылья, когда настанет пора спасаться бегством. Когда тонет судно или в доме случится пожар.

— Мы, кажется, вплотную подошли к такой ступени.

Джордж повел Мередит в заднюю комнату, где была оборудована кухонька и стоял столик, чтобы присесть перекусить. В углу сидел на насесте небольшой попугай. Зеленый, с ультрамариновыми, красными и оранжевыми вкраплениями.

— Вон отсюда, — приветствовал он их, так похоже на Сэма, что Мередит не могла сдержать смех.

— Это не я его научил, честное слово. Он подкидыш. В коробке оставили у порога. Наверное, не могли больше выдержать. Звать — «Конни», уменьшительное от «Коннектикут».

— Синтия меня убьет…

— Мачеха. Как же, знаю. Бегунья. Жила в соседнем доме.

— Теперь перешла на теннис. Но, по-моему, и от него отказывается потихоньку.

— Попугая она в доме и замечать не будет. Прогуливать не нужно, мячик ему бросать — тоже. — Джордж угостил птицу арахисовым орешком. — Конни еще ребенок. Попугай Уинстона Черчилля дожил до ста лет. С таким не страшно, что вдруг отдаст концы и станет для Сэма лишним источником горя, когда ему и так хватает. — Джордж Сноу прочистил горло с неловким чувством, что завел такой серьезный разговор с чужим человеком. — Я, знаете, слышал о том происшествии возле магазина.

— Ну да… — Мередит не была готова обсуждать с ним Сэма. — Мне попугай не по карману. А Джон Муди — как вы должны понимать, раз знакомы с этой семьей, — никогда не раскошелится ни на что подобное, да и в принципе не одобрит.

— Но я Конни так отдам.

Мередит внимательнее всмотрелась в черты лица мистера Сноу. Какое доброе, приветливое лицо…

— Не следует ли Бланке знать, каким именно другом вы были ее матери?

— Она уже знает обо мне все, что нужно. Я — хозяин зоомагазина.

Мередит погрузила попугая со всем его приданым в «фольксваген». Всю дорогу, демонстрируя свой скверный характер, птица перемежала скрипучие вопли недовольным бормотанием. Мередит подмывало развернуться и сдать это сокровище обратно в зоомагазин, но она все же продолжала ехать к дому. Думая о том, какой покладистой и легкой уродилась Бланка, как мало в ней общего с Сэмом и Джоном Муди. Добрая девочка, которая болеет за других и слишком многое принимает близко к сердцу.

— Ну нет, такому в моем доме не бывать, — заявила Синтия при виде Мередит с насестом, ночной клеткой, колокольчиками, пакетами с птичьим кормом и каракатичьими костями. — На сей раз это не слова. Птицы разносят заразу.

— Вон отсюда, — сказал попугай.

— Как мило. Тащили бы уж стервятника, чего там. — Синтия готовилась стряпать обед, и в стеклянном сотейнике на плите лежала сырая тушка ощипанной курицы. Маленький бассет, покинув насиженное место у ног Синтии, засеменил обнюхивать птичью клетку. — Шустрик, — назад, туда нельзя!

— Может быть, комнатная птичка вырвет Сэма из мира, в который он ушел, и возвратит назад, в наш мир.

— А был он в нашем когда-нибудь?

— Давайте попробуем! Хоть что-то попробуем, пока вообще не потеряли его к такой-то матери!

Женщины впились друг в друга глазами. Шустрик стоял, виляя уже не только хвостиком, а всем своим существом.

Синтия покивала головой.

— Уверена, что Сэм очень скоро научит птичку называть меня душегубкой, но, возможно, это доставит ему удовольствие. — Она еще не опомнилась от того, что сейчас произошло между нею и Мередит. — Услышать брань из ваших-то уст! Как будто это я во всем виновата!

Синтия измучилась от того, что творилось в доме. В ней мало что напоминало теперь ту женщину, какой она запомнилась Джорджу Сноу. Теннис был заброшен окончательно. Ее хватало еще на утреннюю прогулку с Шустриком, но не более того. На глазах у нее то и дело без видимой причины наворачивались слезы.

— Это не вы виноваты, — сказала Мередит.

— Ну ладно, — сдалась Синтия. — Даю неделю. Будет летать по всему дому и гадить — прогоню. —

Она вернулась к своей стряпне, подкладывая в сотейник с курицей луку и грибов. — У меня, представьте, тоже есть сердце.

— Никто не говорил, что нет.

— Вы не любите меня, я знаю. Вы приняли их сторону. Но я не такая уж злодейка. Когда у нас с Джоном все началось, я не знала, что она умирает. Он мне сказал только через два месяца после того, как ей поставили диагноз. И так рыдал, что я его пожалела. Что ж — видно, мне поделом досталось терпеть наркотики да попугаев. Это расплата. И кстати, Сэм с утра исчез, не сказав куда. Хотя не трудно догадаться, к сожалению.

Бланка, придя из школы, приняла явление попугая с восторгом.

— Самое то, что надо! — воскликнула она, хотя ответом на дружески протянутую руку ей было поползновение незамедлительно клюнуть. — Этот придется Сэму по душе!

Догадаться, что если Сэм не сидит у себя — значит, укатил в Нью-Йорк, не составляло труда ни для кого. В Бриджпорте он задолжал деньги, и в последний раз вернулся оттуда весь в крови. После чего таскал дома у всех из кошельков, копилок, карманов пальто — и ехал в Нью-Йорк. Сегодня прихватил серебряные разливатель-

ные ложки: тоже наследство Синтии от первого брака.

К тому времени, как Сэм объявился, на такси, Бланка давным-давно легла спать. Время перевалило за полночь. Мередит в ночной рубашке сидела на ступеньках крыльца. Сэм брел с полузакрытыми глазами, едва волоча ноги, целиком погруженный в мир, где нет сновидений. В самую сердцевину глубокого и темного небытия.

— Привет, — бросил он, словно было вполне естественно, что Мередит сидит в два часа ночи на ступеньках. — Чего не спится?

— Мы с Бланкой тебе приготовили кое-что. Она очень старалась тебя дождаться.

От Сэма разило потом; с его лица будто стерло все краски. Он обошел Мередит и стал подниматься по лестнице. Мередит пошла за ним.

— Не хочешь рассказать, где ты был?

— Думаете, я скажу вам правду?

Они дошли до дверей его комнаты.

— Если тебе не понравится, подарок можно вернуть назад.

— Да я заранее его ненавижу. Для вас это что, новость?

— Поживем — увидим.

Сэм открыл дверь; перед ним был попугай,

сидящий на насесте.

— Ух ты! — вырвалось у него.

— Хозяин в зоомагазине велел сказать, что этот — уж точно из старого племени летучих коннектикутцев.

— Ну да?

— Джордж Сноу, — пояснила Мередит.

— А-а — тот, чувствительный горемыка. Помню. Все глаза себе выплакал. Думаете, он любил мою мать?

— Не знаю. — На самом деле ей это было очевидно.

Сэм вошел в комнату и протянул к попугаю руку. Тот оглядел его и бочком переместился на руку с насеста.

— Тяжелый, — с удивлением отметил Сэм. — А ну, скажи что-нибудь тете, — предложил он попугаю.

— Вон отсюда, — сказал попугай.

Сэм запрокинул голову и расхохотался.

— А он мне нравится! Ей-богу!

У Мередит екнуло сердце.

— Он еще что-нибудь говорит? Можно его научить еще чему-то?

— Попробуй. Уж не знаю, каков его словарный запас. Его подкинули. Джордж назвал его

«Конни».

— Душегубке известно про него?

— У Синтии, представь себе, есть сердце, — сказала Мередит. — Где-то там, в закромах.

— А как отнесется старый хрен?

— Сэм, — остановила его Мередит. — Отца-то Синтия уговорит. Важно, хочешь ли ты его оставить.

Сэм сел на кровать, разглядывая попугая.

— То, чем ты занимаешься, Сэм, чересчур опасно. Если эта возня с наркотиками не прекратится, я перейду на другую сторону. Скажу, что тебя необходимо снова отправить на реабилитацию.

— Все, с этим покончено. Даю слово. — В эту минуту Сэм искренне верил, что так и будет. Но он верил в это уже не первый раз. А вот другое действительно было правдой: — Я в любом случае не могу это себе позволить. У меня ни гроша, а тут нужны бешеные деньги.

— Итак, для полной ясности. Попугай — это взятка.

Сэм глянул на нее с усмешкой.

— И причем — экстра-класса!

Привычный шум у него в голове немного утих, пробудилась способность чувствовать. Чувство смахивало на счастье, только неясное, расплыв-

чатое. А так — нечто близкое к счастью. Очень близкое.

Сэм позволил Мередит потискать себя немного.

— Ну хватит, — объявил он, отстраняя ее, когда пошли нежности в его адрес. — Хорошенького понемножку.

Мередит спустилась вниз выпить чашку чая. И остановилась, увидев, что в гостиной сидит Джон Муди. Сначала подумала, что он узнал от Синтии о попугае и бодрствует, собираясь устроить ей выволочку или, быть может, даже выставить на все четыре стороны, — однако его занимало другое. Напротив него сидела женщина в белом платье. Чтобы увидеть ее, потребовалось сосредоточиться, отбросить прочь все лишнее, но — да, она там присутствовала. Туманной дымкой, невесомой, как налет копоти.

Мередит села на нижнюю ступеньку и заглянула в гостиную из-под перил. Джон Муди плакал — беззвучно, закрывая руками искаженное гримасой лицо. Это был час, когда трава во дворе отливает серебром, а время замедляет свой ход почти до полной остановки. Целую вечность длилась эта секунда — потом, столь же внезапно, прошла. Первая жена Джона Муди таяла на

глазах, как облачко, сливаясь со спинкой стула. Грива рыжих волос — и та испарялась, не оставляя следа. Предрассветные сумерки размыли собою комнату, и, не сощурясь, ничего было уже не разглядеть. Единственным цветным пятном выделялось лишь темно-синее перышко на полу — цвета небес, когда они расколоты надвое и обнажается ядро вселенной.

— Если любовь способна накрепко привязать вас к дорогому месту, то не резонно ли допустить, что после вашей смерти она способна равным образом привязать к этому месту атомы, составляющие вас?

С таким вопросом Дэниел Финч — физик, что был помоложе, аспирант Йельского университета — обратился к своей аудитории: двенадцати слушающим его вполуха посетителям читального зала в местной библиотеке. Мозг, как таковой, функционирует благодаря электрическим импульсам. Где сказано, что эти импульсы прекращаются с наступлением смерти? А если не прекращаются, то не естественнее ли им оставаться с наступлением смерти на прежнем месте, нежели сопровождать куда-то бездыханное тело, не более чем пустую скорлупу, коль скоро в нее уже не вдыхает жизни та сила, что в нас заклю-

чена, как там ее ни назови: душа ли, внутренняя сущность, а точнее — хитросплетение нейтронов и протонов у корня жизни?

Физик постарше, Эллери Розен, издал тяжелый вздох. Он повидал на своем веку достаточно молодых людей с горячей верой в то или иное. Чем старше становишься, тем вера дается труднее.

— Достоверных свидетельств, что электрические импульсы могут в нетронутом виде сохраняться вне тела, не существует.

Оба лектора печатали статьи в одном и том же журнале. Оба придерживались столь непримиримо противоположных взглядов, что всякий счел бы их врагами — а между тем Дэниел в бытность свою студентом учился у Эллери Розена, теперь же они как минимум два раза в неделю сходились вместе за ланчем.

Профессор Розен начал ссылаться на работы, опровергающие теорию Дэниела. Пошла довольно сухая материя: статистика и все такое прочее, что тотчас же привело к утрате лекторами частицы их аудитории — Майры Бродерик, которой предстояло забрать сына с тренировки на футбольном поле.

— Пока, до следующей недели, — уходя, бросила Майра библиотекарям.

На следующей неделе намечалась лекция астролога, который выпустил книгу «Звезды у вас в глазах». Все заранее предвкушали это событие.

— А разве есть свидетельство, что существует Бог? — спросил Финч. — По большей части, догматы нашей культуры и просвещения зиждятся на теоретической основе. Почему, если не придумано правильное название для силы, вдыхающей в человека жизнь, — значит, существование этой силы требует доказательств? И почему мы априори утверждаем, что эта сила не продолжает действовать после смерти?

На этом они лишились еще одного члена аудитории — Генри Беллингема: его жена как раз подала мужу знак, что набрала уже все нужные на неделю книги и кассеты. И — вовремя, так как у Генри вызвало неудовольствие упоминание о Боге с подозрительно негативным подтекстом.

— Ладно, тогда скажите мне вот что, — предложил оппоненту Розен, подводя черту под дискуссией. Содержание ее определенно вызывало куда больше интереса у самих выступающих, чем у слушателей. По рядам этих последних пробежало движение. — Доводилось ли вам хоть раз непосредственно наблюдать, как обнаружило себя привидение, или, иначе, энергия вне пределов

человеческого тела?

— Откровенно говоря, нет, — отвечал Дэниел Финч. И бодро оговорился: — Во всяком случае — пока еще!

Лекция окончилась, сопровождаемая из вежливости жидкими аплодисментами. Физики складывали свои портфели, собираясь в обратный путь на розеновском старом «лендкрузере».

— А вот мне — доводилось наблюдать.

Рядом с Дэниелом Финчем стояла, подойдя к кафедре, Мередит Уайс. Дэниел от неожиданности обернулся так резко, что, оступясь, едва не упал с возвышения. Он и не слышал, как она подошла.

— Тревога! — шепнул своему бывшему студенту Розен. — Осторожно — псих!

— Почему дух непременно должен быть привязан к месту? — сказала Мередит. — Если вы вообще склонны именовать это духом — но хорошо, сойдемся удобства ради на таком названии. Место переменилось. Оно уже не то, каким было, когда там действовали энергетические импульсы данной личности. Моя теория — не логичнее ли предположить, что элементом, к которому привязан дух, будет время? Тогда это означает, что дух есть объект, не способный расстаться с тем, что было и чего более нет.

Мередит говорила, а Дэниел Финч разглядывал ее. Первыми заметил поразительно темные глаза. Возраст — примерно тот же, что у него, плюс-минус года два, но выглядит она моложе. Возможно, причина — волосы, туго связанные сзади, или отсутствие косметики. Лет тридцати, а на вид — совсем студентка, каким он читает лекции. Только намного серьезнее. И красивей. И ко всему — женщина с собственной теорией. Это надо же, как повезло!

— Вот-вот, — сказал Эллери Розен. — Остается прибавить, что призраки обожают мороженое с шоколадным сиропом. Ну что, идем? — поторопил он Дэниела. — Нью-Хейвен ждет не дождется.

— Хотите, могу подвезти вас в Нью-Хейвен, и мы продолжим эту тему? — До Мередит вдруг дошло, какой навязчивой она должна им казаться. — А нет — не надо…

— Не покупайся на ее внешность, — сказал Розен, ошибочно полагая, что все еще говорит шепотом. — Вполне может быть с большим приветом.

— Ничуть. — Мередит была в шерстяном строгом пальто и с подходящим к сезону шарфом на шее. В последнее время она пристрастилась к

вязанию, находя, что оно успокаивает нервы. — Я Браун заканчивала, по истории искусств.

— Я, пожалуй, задержусь, — сказал Эллери Розену Дэниел Финч.

Розен хлопнул его по спине.

— Ну и дурак! — заметил он ласково. И — к Мередит: — Он в прошлом — мой любимый студент. Даете слово, что вы не чокнутая?

Мередит осенила себя крестом:

— Клянусь!

— Что ж, продолжая говорить ученым языком, — можно принять это заявление как свидетельство истины. Желаю вам получить удовольствие от обоюдных электрических импульсов!

С чем Эллери и удалился. Дэниел и Мередит уселись за ближайшим столом.

— Этот ваш интерес к данной тематике носит личный характер? — спросил Дэниел.

Не рассчитав, что у Мередит такие длинные ноги, он стукнулся с ней коленями и с неохотой заставил себя отодвинуться к спинке стула, чтобы такое не повторилось.

— Я, кажется, живу в доме с привидением, — сказала Мередит.

Ну вот, а так — плохо слышно. Дэниел опять придвинулся ближе.

— Умственное расстройство тут не примешано?

— Простите? — У Мередит запылали щеки.

— Не обязательно у вас. Есть мнение, что неуравновешенные люди могут производить то же действие, что и истинные духи. Случаи полтергейста, говорят, главным образом наблюдаются там, где есть злой или обиженный подросток.

— Ну, такое у нас имеется, но только наш подросток, судя по всему, к происходящему не имеет отношения. Я — няня в этом доме. С образованием, не соответствующим должности.

Дэниел пустился в разъяснения взаимосвязи между живыми и мертвыми при наличии истинных привидений. У живых, подверженных контактам с ними, чаще всего наблюдаются ограниченность, меланхолия, чувство своей вины. Мередит кивала головой, ловя каждое слово. Таких темных глаз, как у нее, Дэниел еще не встречал.

— Здесь можно пойти куда-нибудь выпить кофе? — спросил он.

— Нельзя. В девять все закрывается. Провинция, знаете, — объяснила Мередит.

Дэниел заметил, что библиотекари поглядывают в их сторону.

— Что также относится и к библиотеке, — прибавила Мередит виновато. — Работает до девяти. Причем сегодня у них еще длинный день. Обыкновенно закрывают в шесть вечера. Боюсь, нам дают понять, что мы слишком засиделись.

Они попрощались с библиотекарями и вышли, толкнув стеклянную дверь. На парковке стояли всего три машины, одна из них — «фольксваген» Мередит.

— Я лично наблюдала физические свидетельства, — сказала Мередит. — И голоса были, и разбитая посуда, и копоть.

— Приметы сходятся. — Дэниел кивнул головой. — Считается, что духам нередко сопутствуют птицы. Буквально на днях читал об этом. Ласточки в печной трубе. Скворец, неожиданно пойманный в комнате. По-видимому, птицы реагируют на скачки в электрических импульсах.

— У нас по утрам столько птиц на газоне — иной раз за ними травы не видно.

— И как же вы набрели на теорию «дух-во-времени»?

— Дух во времени. Звучит красиво. Да потому что я каждый раз ее вижу в другом месте. По-моему, ее привязывает к себе отрезок времени. Она повсюду следует за некоторыми членами семьи.

— А за вами?

— За мною — нет. При том, что видеть ее — я вижу. Следует, главным образом, за своим мужем.

— Любовь, — сказал Дэниел.

— Или наоборот. — Они прошли почти всю парковку, и Мередит отперла «фольксваген». — Так что́ — отвезти вас в Нью-Хейвен?

— Честно говоря, мне хотелось бы взглянуть на ваш дом. Если можно.

По дороге они притихли. Посмеялись, отметив, как запотевает от их дыхания ветровое стекло, и замолкли. Дэниел готов был бы ехать так без конца. Ближе к дому Мередит, чтобы никого не потревожить, выключила фары. Доехали в темноте; из-за самшитовой изгороди, подобный айсбергу, встал Стеклянный Башмак. Потрясающее зрелище — даже для тех, кто тут жил.

— Ого! — сказал Дэниел. — Ультра-модерн! Не то, что я ожидал…

Такой, как Мередит, он тоже не ожидал. Обоим не хотелось выходить из машины. Вокруг них как бы сомкнулся воздушный пузырь. Сквозь сумерки ранней ночи опадали желтые листья. Перепархивали от фонаря к фонарю редкие запоздалые капустницы.

— Рисовали себе обитель призраков как угрю-

мое строение? Знакомьтесь: Стеклянный Башмак! Знаменитость, между прочим. Хозяин дома — архитектор, а проектировал Стеклянный Башмак его отец, тоже архитектор. Птицы, о которых я говорила, все норовят пролететь это здание прямо насквозь.

Они вышли из машины и направились в тени самшита к дорожке, ведущей к дому.

— Сколько лет было вашему привидению в год смерти? — спросил Дэниел.

— Лет что-нибудь двадцать пять.

— Молодая.

Они двинулись в темноте по мощенной камнем дорожке.

Мередит держалась за рукав Дэниела Финча — чтобы не споткнуться, как она пролопотала. Не исключено, что причина была совсем не та. Ее влекло к Дэниелу, непривычно и властно. К высокому темноволосому человеку с щедрым очерком губ и свободной манерой держаться. Который умеет слушать, когда с ним говоришь. Мередит ощущала себя невесомой, как бабочка. Трепетной. Смятенной. К ночи похолодало — похоже было, что вот-вот хватит мороз. Дэниел с бьющимся сердцем придвинулся ближе к Мередит.

— Тсс, — шепнула она. — Тихо!

На миг к Дэниелу закралось сомнение. Он был все же физик-теоретик, а не специалист по изгнанию духов. Что, если его бывший учитель угадал? Тогда он — в компании безумной, а ему даже смыться отсюда не на чем…

— Вы гляньте под ноги, — сказала ему Мередит.

По дорожке, словно указывая им путь, тянулась лента черной сажи. Они свернули к заднему дворику. Хотелось взяться за руки, однако ничья рука не шевельнулась первой. И все-таки они сейчас делали вместе шаг куда-то, и оба это знали, — шаг в нечто большее, чем лужицы темноты, разлитые студеной ночью. Впереди могло ждать всякое. Духи, призванные из ниоткуда; духи, изгнанные в никуда. Донеслись еле слышные голоса. У Дэниела мурашки пробежали по коже. Однако ничто сверхъестественное их впереди не ожидало — всего лишь двое ребят, сидящих за столом на заднем дворике: худой, высокого роста паренек лет семнадцати с попугаем, примостившимся на его плече, и одиннадцатилетняя белокурая девочка с раскрытой книгой Эдварда Игера «Чудеса у озера». Издали — очаровательная картинка. Пока вы не замечали, какое угрюмое лицо у паренька.

Едва Мередит с Дэниелом показались из темноты, как девочка, вскочив на ноги, бросилась обнимать Мередит.

— Сэм сказал, что нам надо выйти из дома, — объяснила Бланка.

Сэм в последнее время целыми днями спал. Глаза ему обвели темные круги. Чем дольше он спал, тем резче обозначивались эти круги под глазами. Среди домашних, включая в их число и Мередит, его состояние больше не обсуждалось. Он честно пробовал слезть, как и обещал, с иглы, но не смог. Снова взялся за старое. Мередит знала, что он роется в ее кошельке, тащит из дому то одно, то другое. Подсвечники. Серебряный чайный сервис. Все, до чего дотянутся руки. Лишь бы только раздобыть наркоту — ничто другое его не занимало. За исключением попугая. Он нарезал для птицы дольки апельсина, покупал ей свежий салат, следил, чтобы ей всегда хватало зерен и галет; часами просиживал, стараясь обучить ее отборной брани. Последним достижением Конни было, *Одно говно.*

— А, кавалера привели, — сказал Сэм, когда Мередит с Дэниелом подошли ближе. — И где же его подцепили — на обочине?

— В библиотеке.

— Вон отсюда, — сказал попугай. — Одно говно.

— Я-то пытался прибавить к этому, *ты, Синтия,* — придать высказыванию личный характер, содержательность, — но он ни в какую.

— Он только *ты* освоил, — сказала Бланка.

Попутно Сэм изучал Дэниела. Ростом примерно метр восемьдесят, косматый, в старом пальтеце, в руках — портфель. Не иначе, преподаватель.

— Бросайте этого типа, Мередит. Определенно не то. Ну гляньте сами! Кто в наше время разгуливает с портфелем?

— Я — физик. — Дэниел Финч сел за стол напротив Сэма. Он видел, как расширены у малого зрачки. Заметил струпья на лице у Сэма. Наркотики вызывают зуд.

— Ага, ну раз вы такой умный, не скажете, в чем цель того, что мы болтаемся тут на земле?

— Это уж пусть докапываются философы. Я занимаюсь не смыслом жизни, а лишь ее составляющими.

— Отлично! — сказал Сэм. — Одобряю. Действительно, на хрен он сдался, смысл? Кому он на хрен нужен?

— Сэм, — сказала Бланка.

— Ну пусть будет — на фиг. Так лучше? На самом

деле все мы знаем, в чем смысл, только сказать не хотим. Таков порядок в этой жизни. Любой ценой отгораживаться от правды.

Сэм сильно похудел с того дня, когда разыгралась история с цветными мелками. Он выглядел не так, как другие в его возрасте. Вид у него был потасканный, а в минуты, когда он раздражался, как теперь, — недобрый. Мередит подчас казалось, что в такие минуты по лицу его видно, каким он будет в старости. Когда он кололся, у него начинали дрожать руки; Мередит обратила внимание, что сейчас они дрожат.

— Так вы с ним сразу начнете трахаться или погодя? — спросил ее Сэм.

Бланка заткнула руками уши.

— Не смей так выражаться!

— Извини, Прутик. — Сэм забывал иногда, что Бланка еще ребенок. Она казалась такой взрослой. Наверно, он позволял себе говорить при ней лишнее. Выдавать слишком многое о том, что творится у него внутри. — Болтаю невесть что! Не обращайте внимания. — Последнее относилось уже ко всем.

— Он говорил, что Синтия может расправиться с нами, — пожаловалась Бланка. — И мы поэтому должны выйти из дома. Вот почему мы тут си-

дим. А Синтия — душегубка, она убьет нас, когда заснем.

— Я имел в виду духовную смерть, — сказал Сэм. — Способность чувствовать. Меня она уже прикончила в этом смысле.

— Ты говорил не то, — настаивала Бланка. — Ты говорил, она подкрадется ко мне с ножом, каким режут мясо. И нам, возможно, придется улететь.

— А что, с нее станется! — сказал Сэм. — Ей доверять нельзя, сама знаешь.

— Сэм! — остановила его Мередит. Не мудрено, что у бедной Бланки всегда такое тревожное выражение лица…

— Не важно, что я там наговорил, — сказал Сэм девочке. — Молол что-то, какая разница? Пустые предположения. Думаешь, я кого-нибудь подпустил бы к тебе с острым ножом? Да я такого первый разрежу пополам!

Бланка как будто приободрилась.

— Правда?

— А может, даже на три части!

— Пойду-ка я отведу их спать, — сказала Мередит Дэниелу. — Никуда не исчезайте.

— И правильно, — сказал Сэм. — Сестричка у меня — грудной младенец, а мне самому шесть лет. Веди нас в постельку, няня!

— А то, что Конни здесь мерзнет, тебе не приходило в голову? — спросила Мередит.

Сэм сунул попугая в карман пальто.

— Я думал, Коннектикут приучил тебя к холоду, — сказал он своему любимцу.

Покуда Мередит водворяла своих подопечных под крышу дома, Дэниел размышлял над ее теорией, что самая глубокая привязанность у человека — не к конкретному лицу и не к обстоятельствам, а ко времени. А еще — над тем, что он положительно не в силах оторвать от нее глаз.

— Вы уж нас извините, ради бога, — сказала Мередит, когда вернулась назад. Вернулась с бутылкой виски. Прихватить еще и стаканы сочла излишним. — Я полагаю, это нам не помешает… Сэм не такой, как вы могли подумать, — продолжала она, сделав глоток из горлышка. — Он, в сущности, хороший. И талантливый. Это его наркотики сбили с панталыку.

— Так мать могла бы говорить о сыне.

— Но я ему не мать.

— Ему бы нужно пройти реабилитацию.

— Ему много кой-чего нужно, — сказала Мередит устало. — А реабилитацию он уже проходил.

— Смотрите! — Дэниел показал наверх. Оттуда тонкой струйкой сыпался пепел. Похожий на

снежинки, только черного цвета. То ли зола из печной трубы, то ли гарь с пролетающего мимо самолета — или, возможно, редкое явление, вызванное погодой: откуда-то с дальнего берега подняло в воздух черный песок, перенесло сюда и высыпало на газон.

— А что случилось, когда ему было шесть лет? — спросил Дэниел. — Он почему-то упомянул этот возраст.

Мередит глотнула еще раз и передала ему бутылку.

— Тогда умерла его мать.

— Ах, вот как вы пришли к своей теории! Раз время держит в плену живых людей, то отчего бы ему не держать в плену и духов?

— Нет, — сказала Мередит. — Я пришла к этой теории, обнаружив, что не в силах уйти от своих шестнадцати лет.

Дэвиду было сейчас не важно, вернется ли он когда-нибудь в Нью-Хейвен, допишет ли до конца свою диссертацию. Для него настал момент совершенной чистоты, каких еще не было на его веку, как не было и тех чувств, что он испытывал. Будь ему надобность остаться в каком-то времени навеки, он выбрал бы этот миг. В котором — иссиня-черная ночь, желтые листья, еще держащиеся

кое-где на оголенных деревьях, и темноглазая красивая женщина, прихлебывающая виски. И ее взгляд, устремленный на него, — и то, что он при этом ощущает.

— А это что, плохо?

— Для меня — да. Из-за меня тогда погиб человек.

— Не верю.

— Вы просто ничего не знаете. Я в свое время была пловчихой, а теперь плавательные бассейны наводят на меня ужас. Никак не уйду от беды, которая тогда стряслась.

— Значит, и вы в плену у времени. Так же, как ваше привидение.

— Оно не мое. — Мередит взяла бутылку и приложилась к ней уже основательно. — Но мы похожи. Обе не можем сдвинуться с прежнего места.

Дэниел Финч задумался. Его пронизывало желание. Он потерял все свои ориентиры, но это ему было абсолютно все равно.

— Разбейте время, которое держит вас в плену. — Материя, когда ее разрушат, перерождается, приняв иное обличье. Так и ужасное прошлое Мередит могло переродиться в настоящее, в эти минуты здесь, с ним.

— Как это? — Лицо Мередит, сосредоточенное, с нахмуренными бровями, обратилось к нему.

— Сделайте то, чего больше всего боитесь.

— Вот прямо так?

— Не раздумывая. Мыслительный процесс слишком переоценивают.

— Слышать такое от ученого! Я, кстати, всегда считала, что переоценивают как раз чувства.

— И очень ошибались.

Мередит посмотрела на него внимательно.

— Что, так-таки взять и сделать?

Он кивнул.

— Главное — не задумывайтесь.

Мередит встала и подошла к бассейну. У нее перехватило дыхание от страха, от готовности совершить безрассудство. Она остановилась на краю бассейна. На поверхности черной воды лениво плавали там и сям желтые листья. Дэниел едва различал ее в темноте. Она сняла пальто, потом скинула с ног туфли. Стянула джинсы и трусики, свитер; расстегнула и сбросила лифчик. Старалась ни о чем не думать. Наэлектризованный мозг застыл в состоянии покоя, наполнился настоящим — желтыми листиками, водой; этим временем, этим мгновением.

Дэниел, пораженный, зачарованный, наблю-

дал, как она подходит к бортику бассейна. Никогда ему не освободиться от этой картины — да, впрочем, и желания такого не возникнет. Теперь он видел очертания ее тела. Чистые линии длинной спины. Разглядеть как следует, как хотелось бы, не удалось: она исчезла. Он согласился бы любоваться ею хоть целый век, но — всплеск, и она скрылась в чернильной тьме воды. Ему оставалось решить, что делать — последовать за ней или, уподобясь вот именно некоему призраку, тихо убраться подобру-поздорову, сквозь пепел и кусты самшита — в иное место, иное время.

Холод стоял собачий; видно было, как от дыхания идет пар. Дэниел был не ахти какой пловец, но об этом он сейчас не задумывался. Он разделся. Сбросил на портфель и на пальто ворох одежды — брюки, рубашку, нижнее белье, — перешел через дворик и ступил на край бассейна. Мередит уже всплыла наверх и держалась на воде в стоячем положении. Она видела, как Дэниел большой нескладной рыбиной плюхается в воду на каскадном конце бассейна, и рассмеялась, наблюдая его неуклюжие движения. Он зашлепал к ней.

— Пловец из вас никакой, — сообщила ему Мередит.

— Это правда. Зато я умею играть в пинг-понг.

И катаюсь на коньках.

Дэниел не мог унять дрожь. Только этого ему не хватало до полного комплекта! Все сошлось вместе — и холод, и виски, и странность этой ночи…

— Из-за меня когда-то один человек покончил с собой, — сказала Мередит.

— Люди кончают с собой из-за того, что происходит в них самих, а не из-за кого-то другого.

Дэниел безраздельно отдался во власть гипноза, разлитого в воздухе. Он не барахтался, перебирая ногами — просто лежал на воде.

— Это что, такой закон физики? Что причиной самоубийства может быть только лишь его автор?

— Так ведь на то оно и *само,* — сказал Дэниел.

— Ох, и все-то вы знаете!..

Дэниел подплыл ближе. Положил ладони ей на пояс. Он определенно чувствовал себя под током. Вот потешался бы сейчас его наставник, доктор Розен: выходит, токи и импульсы действительно неотделимы от человека! И не они ли — составляющее желания?

— Со мной такого не было столько лет… — сказала Мередит.

— Вы это о плавании?

Мередит весело покачала головой.

Он приблизился еще плотнее, сведя ладони за ее спиной, и лица их соприкоснулись. Легкое завихрение образовалось на черной поверхности воды. Бесшумно осыпалось в бассейн несколько кленовых листков.

— Я говорю о любви. Любовь отсутствовала.

Дэниел поцеловал ее и не мог остановиться. Пока она не отстранилась.

— Мы так утонем, чего доброго.

— Ну и пусть. Давай утонем.

Он поцеловал ее снова, а остальное произошло легко. Легче, чем столько лет назад, когда она была слишком испугана и слишком молода. Когда все то, чему не следовало бы случиться, — случилось, и она не в состоянии была ни воспрепятствовать этому, ни хотя бы это толком осмыслить.

В то лето она работала спасателем при городском бассейне; носила форменный красный купальник, хотя сама отдала бы предпочтение черному бикини. Она была капитаном школьной плавательной команды, чемпионом по двухсотметровке баттерфляем и чувствовала себя непобедимой, полной сил, готовой в любую минуту прыгнуть в воду и спасти. Со свистком, повешенным на шею, сидела целый день на вы-

соком деревянном белом стуле, и пахло от нее кокосовым маслом. Она не подозревала, какому количеству ребят в мечтах является в этом своем красном купальнике. Весь год она встречалась с Джошем Прентиссом, капитаном плавательной команды мальчиков, но вот теперь, этим летом, захотела освободиться. Ей было всего шестнадцать, не тот еще возраст, чтобы связывать себя.

— Признайся ему напрямик, — советовали ей подруги. — Скажи честно — хочу, чтобы мы были только друзьями.

Она и говорила, но он не слушал. Ночью звонил телефон, и Мерри цепенела в своей постели. Клялась родителям, что это просто кто-то хулиганит, но на самом деле все они знали, кто звонит. Джош взял себе моду околачиваться возле их дома, заглядывать в окна — раз как-то напугал до полусмерти ее мать, когда та наткнулась на него, выйдя на задний двор. Как до такого дошла любовь? До извращенного, темного? Эти его звонки, ее страх, выражение его лица, когда он проезжал мимо ее дома…

Друзья уверяли, что это у него пройдет, но они плохо знали Джоша. Не догадывались, что он изо дня в день следит за Мередит из машины, припаркованной у бассейна. Не думали, что она

разучилась спокойно спать, что сны ее — это темная вода, звонки по телефону, животный страх. Он подкладывал для нее к дверям женской раздевалки странные предметы: то ее фотографию с вырезанным лицом, то черный, весь изодранный носок, дохлую мышь-полевку, обмотанную скотчем…

А потом, в августе, прекрасным, ясным жарким утром, случилось непоправимое. Когда Мередит подошла к бассейну, возле входа стояли полицейские машины, на тротуаре — «скорая помощь». Она услышала, как переговариваются санитары: Джош ночью перелез через ограду, и Мередит знала, для чего. Искал способ причинить ей боль, такую же, как она — ему. Недаром он наблюдал за нею: он знал распорядок ее дня. Специально ради нее совершил все это в плавательном бассейне; из-за ворот ей видно было, как на глубоком конце бассейна что-то лежит под водой. Не то мешок с грязным бельем, не то куль, набитый булыжником. Потом стало понятно, что это человеческое тело. Полицейские оттеснили Мередит назад, повторяя, что ей тут находиться не положено, но она успела увидеть, как в воде изгибистой темной нитью тянется струйка крови.

Мередит рухнула на колени — с такой силой,

что на распоротой бетоном коже навсегда остались шрамы. Уронила наземь голову. В толпе, собравшейся вокруг, решили, что она молится. На самом же деле она молила судьбу о возможности перевести стрелку времени назад. Хотя бы на день. На несколько часов. Хватило бы времени отговорить его или уж на худой конец вернуться к нему опять.

В воздухе несло горечью, хлоркой вперемешку с кровью. Кто-то из полицейских помог ей подняться и отвел в буфет. Нашел в ее спортивной сумке удостоверение спасателя и позвонил ее матери. Сообщил миссис Уайс, что произошел несчастный случай; бассейн закрывают до конца сезона, и пусть она немедленно приезжает забрать дочь.

Миссис Уайс подъехала к воротам, и полицейский проводил Мередит к машине. Мередит, судя по всему, впала в шок — онемела, дрожа всем телом.

— Не смей только винить себя, — сказала ей мать. — Я тебе запрещаю, Мерри.

Но что тут было думать. Она и так знала правду. К бассейну она больше не подходила. Стоило ей закрыть глаза, как она видела мертвое тело. Хотела пойти на похороны, но побоялась встречи с его

родными. Вечером, когда, проводив покойного, все разошлись по домам, Мередит села в машину матери, хотя прав еще не получала. Водить худо-бедно умела, так как прошла водительские курсы. Она приехала к кладбищу и перелезла через забор. Надгробия в темноте казались либо черными, либо белыми; она не успокоилась, покуда не разыскала свежую могилу. Пахло сосной и вскопанной землей. Мередит слышала от знакомых ребят, что, если пойти на кладбище, когда стемнеет, и позвать покойника по имени, к тебе явится его дух. Она позвала. Имя Джоша звучало, как шелест ветра; она звала снова и снова, но никто так и не явился. Не отозвался на ее зов. Неправильно, что все так вышло. Им бы еще обоим жить и жить.

В Мередит словно что-то щелкнуло и отключилось. Заело ключ в замке. Кануло на дно живое тело. Он хотел проучить ее и добился своего. Остаток времени в школе прошел как во сне, Мередит не сочла нужным даже пойти на вручение аттестатов. Еще до окончания школы подала в Брауновский университет; добросовестно там училась, получала хорошие оценки и ни разу не ходила на свидание. Почти ни с кем из однокашников не общалась, кроме разве что соседки

по комнате на первом курсе — жизнерадостной Эллен Дули, которая не давала ей по субботам и воскресеньям целыми днями спать.

В семье ее произошли изменения: родители сперва прекратили друг с другом разговаривать, а потом и вовсе расстались, переехав жить в разные штаты. Казалось бы, Мередит не для чего было больше ездить домой, и все-таки она ездила. Возвращалась туда каждый год. Держала эти поездки в тайне, не делясь ею ни с кем. Она ездила на кладбище — не в годовщину смерти Джоша и не в день его рождения, когда была вероятность столкнуться там с его родными, — а в день, когда они познакомились. И всякий раз, приезжая, звала его. По слухам, дух усопшего не может не откликнуться на зов, однако этот дух — мог. Ей нужно было лишь прощение, но доставалось одно молчанье. Она задерживалась надолго: не раз, уходя, находила ворота кладбища закрытыми и выбиралась оттуда через забор.

В этом году Мередит отпросилась у четы Муди с работы в апреле. Она уже несколько месяцев встречалась в каждые выходные с Дэниелом Финчем. Регулярно ходила плавать в бассейн Йельского университета и вместе с плаванием вновь обрела способность чувствовать. Она почти

разделалась с прошлым — почти, но не совсем.

В очередную пятницу Дэниел позвонил, но лишь затем, чтоб услышать от Синтии, что Мередит уехала в родной город.

— Но она не говорила ни о какой поездке! И даже не упоминала о том, где родилась…

— В Аннаполисе, штат Мэриленд. Остановится в гостинице Балтиморского аэровокзала. Назад вернется завтра.

Обычно, отметясь в гостинице, Мередит сразу же ехала на кладбище — на этот раз было иначе. На этот раз она, не доезжая, свернула с шоссе. По пути думала о Дэниеле, вспоминая, как он выглядит, когда спит. Спал он крепко и поутру, на вопрос, что видел во сне, отвечал неизменно, *Тебя!*

В Аннаполисе она заехала в полицейский участок. Там не сразу взяли в толк, чего ей от них надо — кого-нибудь, кто что-то знает об одном давнем происшествии в городском плавательном бассейне. Кого-нибудь, кто при том присутствовал. Ее направили к сержанту, очевидцу происшествия; ныне — начальнику участка, а тогда — одному из молодых полицейских, видевших, как она, упав на колени, молится на бетонной мостовой.

— Я не молилась. Просто хотела повернуть

назад время.

— Это и значит молиться. — Сержант достал досье с нужным ей делом: теперь эта информация была общедоступной. — Не скажете, что именно вы ищете в его бумагах? Потому что ничего особого досье вам не даст. Лишь голые факты. Он даже записки не оставил. Но не для протокола скажу, что то обращение в полицию в связи с ним было не первым.

— Да нет, я никогда не звонила в полицию.

— Я говорю, это была не первая его попытка. Нас еще за год до того случая два раза вызывали к нему домой.

То есть — до того как он начал с ней встречаться.

— Вы это только что сочинили, — сказала она.

— С чего бы мне сочинять?

Мередит окинула сержанта взглядом. Обыкновенный — такой, как все.

— С того, что повидали много людского горя. С того, что вы — хороший человек.

— С того, что это истинная правда.

Тогда, много лет назад, ей было не до того, чтобы разглядывать полицейского, который вел ее к машине, когда за ней приехала мать; теперь была возможность рассмотреть его лучше.

— Я вас не стал бы обманывать, — прибавил он.

— Да я и сама вижу.

В тот день Мередит так и не доехала до кладбища. Дэниел оказался прав. Джош пришел к своему решению в одиночку, лишь он один был причастен к своим страданьям — она не разделяла с ним этой ноши.

До вечера она каталась по окрестным местам; когда стемнело, возвратилась в гостиницу. Войдя к себе в номер, увидела, как мигает телефон. Дэниел оставил ей сообщение. Утром, если она не позвонит с возражениями, он будет встречать ее в аэропорту. Мередит долго стояла под душем, потом легла и раз в кои-то веки спала отлично. Поездка не прошла без пользы: она знаменовала собой конец. Проснулась Мередит раньше, чем зазвонил будильник, и с чистой совестью еще до рассвета приготовилась к отъезду.

Для Джона Муди и Синтии настала десятая годовщина совместной жизни — событие, которое требовалось отметить. Причиной для праздника служила не просто знаменательная дата; самое главное — что после десяти лет бесплодных попыток Синтия забеременела. Синтия пребывала на вершине блаженства, преобразилась до

неузнаваемости — ни озлобленности, ни острых углов. Готовиться к торжеству она начала за много месяцев. Шатры на газоне, джаз-оркестр, обед от ресторана «Орлиное гнездо»: на каждом столике — ведерки с бутылками шампанского на льду, хотя сама Синтия больше в рот не брала спиртного. Прочла до корки абсолютно все по части питания в предродовой период и лишь сама дивилась, сколь ревностно относится к своей беременности. Неукоснительно два раза в день совершала в сопровождении Шустрика прогулки, а ближе к вечеру занималась специальной йоговской гимнастикой для беременных. Джон, обычно погруженный в меланхолию, — и тот как будто повеселел в ожидании ребенка. Второй в его жизни шанс сделать что-то как следует.

Он и Синтия упрашивали Мередит остаться у них, но она уже переехала жить в Нью-Хейвен, к Дэниелу Финчу. Приезжала к ним помогать на неполный рабочий день. Жаль было покидать Сэма и Бланку, но Сэму уже почти сравнялось восемнадцать, а Бланка — очень толковая, самостоятельная для своих двенадцати лет — вполне могла добираться до балетной школы и на уроки рисования сама, на велосипеде.

Сидя за столом у бассейна, Мередит надпи-

сывала красивым почерком карточки — кому из гостей где сидеть. Бассейна ей тоже будет не хватать. Дэниел, впрочем, божился, что в Вирджинии, где он получил место преподавателя в университете, он позаботится, чтобы там, где бы они ни поселились, непременно был бассейн. Чего бы это ни стоило. Собственный или общий. При кондоминиуме или же при своем доме. Пусть даже выплачивать придется потом до конца жизни.

Дэниел сделал ей предложение, но она отвечала, что ей нужно время.

— У нас с тобой со времени все и началось, — сказал Дэниел. — Ты полагала, что человек так прочно может быть привязан ко времени, что разорвать эту связь бессильна даже смерть. Ты что, серьезно веришь, что если сейчас не знаешь ответа, то он придет к тебе со временем?

— Возможно. Либо да, либо нет.

Дэвид подарил ей кольцо с бриллиантом, оправленным в платину. Колечко было старинное и раньше принадлежало его матери.

— Носить буду, — сказала Мередит. — Но это меня ни к чему не обязывает.

И все же, помогая Джону и Синтии с организацией их праздника, она нет-нет да и задумывалась,

как вела бы себя, если б речь шла не о юбилее супругов Муди, а о ее собственной свадьбе. Начать с того, что не собирала бы такую уйму народа. Никого, кроме тех, кто ей действительно дорог. Ни толп подвыпивших гостей, ни танцев до утра.

— Вы хотя бы сознаете, что наприглашали к себе весь город? — спросила она, когда посидеть с нею рядом вышла Синтия.

Весна в тот год выдалась на славу. В меру дождей. В меру комаров. Следом за Синтией явился, наступая себе же на уши, и Шустрик. Пес был предан Синтии безраздельно. Стоило ей отлучиться из дому без него, как он провожал ее воем, и никакими силами не удавалось Джону Муди отвадить пса от привычки располагаться на ночь в их спальне — спасибо хоть, что короткие ноги не позволяли ему прыгнуть в супружескую постель!

— Миленький мой! — Синтия сгребла Шустрика в объятия. — Не бойся, не заброшу тебя, когда родится ребеночек. Буду по-прежнему угощать тебя гамбургерами. — Она пробежала глазами ответы на разосланные приглашения. — Вообще-то я позвала не всех. Начиная с того же Джорджа Сноу.

Мередит на мгновение оторвалась от своих

карточек.

— Джон, может быть, и слеп, — продолжала Синтия. — Я — нет. Когда Арлин умирала, Джордж здесь дневал и ночевал. Мы с вами обе знаем правду. Достаточно только бросить взгляд на Бланку. В ней ничегошеньки нет от Джона.

— Есть хорошая голова и способности. В этом они похожи… А Элин и Арта Джеффризов вы пригласили?

Владельцы «Орлиного гнезда» всегда рассчитывали быть приглашенными на мероприятие, которое обслуживают.

— Вот хорошо, что напомнили! Сегодня же позвоню им вечером! И что я без вас буду делать?

Они с Синтией никогда не питали друг к другу большой симпатии и тем не менее сработались совсем недурно.

— Наймете кого-нибудь другого. Не пропадете.

— В решающий день приезжайте на всякий случай пораньше, — сказала Синтия. — Мало ли что — вдруг Сэм выкинет коленце.

Сэм за последнее время еще больше отгородился от окружающих. Живя с ними под одной крышей, существовал отдельно. Его не трогали — и он их не трогал. Это устраивало обе стороны. Меньше стычек, меньше скандалов. Живи

и дай жить другим. Но постоянно оставалась тревога, как бы все это вдруг не сорвалось. Как бы он не учинил чего-то, что вдребезги разобьет налаженную жизнь, оставив их барахтаться во тьме и мраке.

— Еще, не дай бог, свекровь расстроится по его милости, — прибавила Синтия.

Дианы Муди хватило на то, чтобы приехать по такому случаю из Флориды, но со здоровьем у нее обстояло неважно. Заметно убавилось сил после инсульта, а ко всему недавно обнаружился и диабет.

— Мы-то подумывали отправить его на реабилитацию еще до юбилея — как раз получилось бы вовремя, да это каким-то образом дошло до Дианы и всполошило ее невероятно. Она все принимает его за ребенка.

— Не знаю, что будет, если не начнете его срочно лечить, — сказала Мередит. — Исполнится ему восемнадцать, и вы лишаетесь права решать это за него.

— Дайте только отпраздновать спокойно юбилей, и мы сразу же начнем думать, что делать дальше.

— Я все надеялась, что смогу его спасти, — сказала Мередит.

— Никто не может, — вздохнула Синтия. — Но вы, по крайней мере, пытались…

Сказать об этом позвонила Бланка — сказать про этот срыв, этот сбой в размеренном течении их жизни. Естественно, в день праздника, в субботу. Мередит с Дэниелом еще не вставали. Рассчитывали поспать подольше, пока Мередит не придет время собираться и ехать к Муди помогать с приемом гостей. Телефон зазвонил в шесть тридцать утра.

— Не отвечай, — сказал Дэниел.

Мередит все-таки взяла трубку.

— А вдруг кто-нибудь умер?

— Ну так узнаем немного позже. Или завтра.

Но Мередит сказала, *Слушаю.* В трубке кто-то дышал. Да — видно, Дэниел был прав.

Оказалось, что это Бланка. Очень тихая, подавленная.

— Он исчез.

Мередит смотрела, как пробивается сквозь ставни солнце. В воздухе, кружась, роились пылинки.

— С ним такое бывает, Би. Не первый раз, ты же знаешь, — успокоила она Бланку. — Он вернется.

— Сейчас — не то. Синтия нашла наркотики и спустила их в унитаз. Сэм взвился до небес. В та-

кое бешенство пришел, просто страшно. Кричал, что она не смеет трогать то, что принадлежит ему. Что нарушает его права. Толкнул ее, она упала. Он не нарочно, не думай. Просто хотел пройти мимо. А она стала в дверях и не дает, загородила ему проход. Мне он сказал, что уезжает в Нью-Йорк. Назад больше не вернется. Настала пора улетать. Так ему на роду написано.

— Ах, блин, — сказала Мередит.

— Бабушка так расстроилась, что к ней пришлось вызывать врача. Говорила, что Синтия никогда не понимала Сэма, даже и не старалась. Они теперь не разговаривают. И Конни остался один. Чем его кормить, не представляю.

— Нарежь попугаю яблочка и дай зерен из пакета, что на кухне.

Дэниел к этому времени проснулся окончательно. *Сэм?* проговорил он одними губами и, когда Мередит кивнула, продолжал:

— Скажи, пусть Бланка нажмет на «повтор» на телефоне в его комнате — узнает, кому он последнему звонил.

Вскоре Бланка перезвонила и назвала этот последний номер.

— Твой папа уже занят розысками? — спросила ее Мередит.

— Ты шутишь? Когда Сэм толкнул Синтию, папа его ударил!

Бланка говорила сквозь слезы. Она старалась это скрыть, но Мередит слышала, как девочка хлюпает носом.

— Бланка, успокойся. Я с этим разберусь.

— Вряд ли у тебя получится…

— До того как начну искать его, заеду поговорить с твоим отцом. Обещаю.

Мередит положила трубку и пошла одеваться.

— Может, пора уже подключить полицию, — предположил Дэниел. — Для его же пользы.

— Он не совершал никаких преступлений. И потом, надо знать Сэма — чем упорнее за ним гоняться, тем дальше он убежит.

— Тогда звони по этому телефону, который дала Бланка.

На первый звонок никто не отозвался. Что, впрочем, неудивительно, когда звонишь кому-то раньше семи утра. Мередит попробовала еще раз.

Ответил молодой женский голос. Сонным: «Алло».

— Сэма, будьте добры.

Тишина. Отдаленное бормотание. Потом:

— Какого Сэма?

— Сэма из племени коннектикутцев, которые умеют летать.

— Умеют, говорите. Ну хорошо.

Невнятные звуки на заднем плане, потом Сэм взял трубку.

— Я туда больше не вернусь.

Ни *«Здравствуйте»*, разумеется. Ни *«Кто говорит?»* — и уж конечно, никаких извинений, что вызвал такой переполох.

— Понятно. Но можно, по крайней мере, я привезу тебе вещи? А Конни? Ты же его не бросишь?

Он, что ни говори, действительно любил попугая, а ей нужно было пробиться к нему — не важно, каким способом.

— Ишь ты, какая хитрая…

Голос Сэма звучал словно откуда-то издалека. Из наркотического тумана.

— А что это за девушка подходила к телефону?

— …и нос сует, куда не просят. Неугомонная Мерри, которая все норовит исправить этот мир… Ну хорошо, везите — но с условием не задавать дурацких вопросов. И не сообщать моему папочке, где я нахожусь.

Мередит записала адрес. Манхэттен. Девятнадцатая улица. Квартира 4В.

Она оделась, стараясь не шуметь.

— Вообразила, что я тебя отпущу одну? — Дэниел уже встал и натягивал на себя брюки. — Не пойму, честно говоря, чего ты с такой силой вмешиваешься в чужую жизнь.

— Я знаю, что бывает, когда не вмешиваешься.

— Ну извини. — Дэниел подошел и привлек ее к себе. Она даже не нашла минуты причесаться. Так рвалась скорее ехать на помощь. — Понимаешь, необязательно во всем, что происходит в мире скверного, должна быть твоя вина.

— Как знать.

— А я вот знаю, — сказал он.

Они подъехали к дому Муди. Во дворе уже поставили шатры, и они желтыми и белыми облаками полоскались на ветру. Но только маковку каждого шатра покрывала сажа, а обслуга из ресторана громко возмущалась, что завезенная с вечера посуда вся перебита. Плюс к этому, в шалаши залетели с десяток птиц, и их никак не удавалось выгнать оттуда.

— Птицы, копоть, битая посуда, — сказал Дэниел. — Похоже, с праздником дело швах…

Из дома вышла Синтия, белая как мел. За нею по пятам следовал Шустрик.

— Я не пущу его обратно, и Джон со мной согласен, — сказала она. — Толкнуть беременную

женщину! Чего от него ждать дальше?

— Ну что ж, — сказала Мередит. — Вас можно понять.

Оставив Дэниела на улице, Мередит зашла в дом. У Сэма в комнате, на кровати, сидела Бланка со своей бабушкой. Бланка уже нарядилась в морозно-голубое платье, заплела волосы в длинную косу. Она заметно вытянулась за последнее время. Диана Муди сидела все еще в халате. Она и раньше ждала этого праздника без особого восторга, а теперь и вовсе решила, что скажется больной и проведет день в постели — хоть и приехала ради него в такую даль.

— Это все Синтия, мерзавка, — сказала Диана Муди. — И надо же было Джону на ней жениться!..

Покуда у Дианы не пошатнулось здоровье, Джон обычно посылал к ней детей на пасхальные каникулы. Как ни странно, Сэм никогда этому не противился. Диана до сих пор видела в нем мальчика, которого недолюбливала, пока он не завоевал ее сердце во время поездки на кладбище. Она негодовала, что с ним так обошлись, в чем бы он там ни провинился.

В Диане вообще с некоторых пор до смешного развилась чувствительность. Любая малость,

связанная с внуками, трогала ее за живое. Ей было жаль, что слишком уж рано ушла из жизни Арлин. Вновь и вновь ей снился тот день, когда она застала Сэма на заднем сиденье своей машины. Снилось, что она смотрит, как мальчик лезет на высокое дерево, а дома в это время умирает его мать.

— Пойду соберу Сэму угощенье, — сказала она. — Я знаю, что он любит.

Пока Диана ходила на кухню, Мередит с Бланкой складывали в дорожную сумку его вещи.

— Не хочу здесь жить без Сэма, — сказала Бланка. — Я сбегу.

— Сэм уже почти взрослый человек. Ему нужно жить отдельно. Как знать, быть может, он и выровняется в другой обстановке. — Попугай тем временем без умолку орал дурным скрипучим голосом. — Заткнись ты! — прикрикнула на него Мередит.

— Вон отсюда! — ответил ей попугай.

Голос Конни наводил мрак на окружающих — птица привыкла, что ее не балуют вниманием; общался с нею только Сэм. Словарный запас у попугая обогатился незначительно: все те же немногие слова, *Одно говно* да *Вон отсюда!* Пес Шустрик очень печалился, что у попугая такой

неуживчивый нрав.

Мередит хватала все подряд: кроссовки, джинсы, теплое пальто, не забыв присоединить ко всему этому акварель и цветные мелки. Взяла со стола бумажник Сэма, взяла электрическую зубную щетку. Кинула в другую сумку причиндалы и корм попугая. Бланка, опустив голову, возилась в стенном шкафу. Все равно видно было, что она плачет. Мередит как-то внезапно обессилела. Она не успела хотя бы выпить кофе с утра, и у нее дрожали руки.

— Сэм есть Сэм, — сказала она Бланке. — Он будет поступать по-своему, а мы — все-таки любить его. Как было всегда.

Бланка кивнула. У нее еще вздрагивали плечи. Она отерла глаза подолом платья. Опротивело ей это платье. Не в первый раз подумалось — вот остричь бы себе косу или хоть взять другое имя. Надоело все время быть примерной девочкой. Надоело, что ей двенадцать лет.

— Надо взять вот что. — Она вынула из шкафа старую, стянутую крест-накрест скотчем коробку из-под обуви и сунула ее в сумку. — Сэм говорил, что держит здесь все самое дорогое.

В последнюю минуту Мередит захватила для Сэма и подушку с одеялом. Вдруг он там зябнет…

— Хорошая мысль, — одобрила Бланка.

Обе взглянули на набор старинных ножей.

— А вот без них обойдемся, — сказала Мередит, и у них даже хватило духу обменяться по этому поводу улыбками.

Внизу их ждала Диана с корзинкой продуктов.

— Передайте, что я люблю его…

Она приготовила для Сэма пару сандвичей с арахисовым маслом, любимых им с детских лет. Положила коробку печенья с шоколадной крошкой, банки фасоли, банки супа, упаковку рулета и увесистую головку сыра, конфискованную у присланной рестораном обслуги.

Бланка помогла Дэниелу сложить вещи в машину. Мередит заметила в отдалении, за плавательным бассейном, Джона Муди.

— Погодите, я сейчас.

Она прошла мимо шатров, мимо танцевальной площадки на газоне. Джон Муди был в сером щегольском костюме. Почти два года прожила Мередит в этой семье, а Джон так и остался для нее совсем чужим. Даже Арлин казалась ей как-то ближе, хотя Арлин двенадцать лет как не было в живых.

— Я еду отвезти Сэму кой-какие пожитки. Ему сейчас нужно время. Что до материальной сторо-

ны — думаю, вам следует оказать ему поддержку. От безденежья с ним может стать только хуже.

— Да-да, конечно, — сказал Джон Муди.

— Едва ли он толкнул Синтию намеренно. На Сэма это не похоже.

— Мне не поехать с вами?

— Учитывая ваше вчерашнее столкновение, видимо, лучше ехать мне одной.

Джон не настаивал. Он был в смятении. До сих пор ему не приходилось пускать в ход руки, а Сэма он ударил, и больно. Когда умирала Арлин, он тоже терялся в сумбуре своих чувств. Вышел из дома и плакал, стоя на этом самом месте, — при том, что у постели его жены сидел в эти минуты Джордж Сноу. И вот стоит здесь опять, потерянный, как и прежде.

— Просто не знаю, как мне быть, — признался он.

— Да, положение трудное.

Мередит посмотрела на деревья вдалеке. Там смутно проступали очертания женской фигуры.

— Вы ее видите, ведь правда? — сказал Джон Муди.

— Думаю, вижу потому, что ее видите вы. Не знаю, понятно ли я выразилась. То есть как бы вижу вашу тоску о ней.

— Я даже не гадал, что так случится. С первого дня лишь тяготился этой женитьбой.

— Что ее держит здесь, вы полагаете? Время, место, человек?

— Это вопрос не ко мне. Я представления не имею. Чего только не делал, откровенно говоря, чтобы избавиться от нее, — так нет же, не уходит. Это все, что мне известно. Я знаю, Сэм не стал бы таким, будь она еще жива. Если увидитесь с ним, скажите, что я не хотел его ударить…

Мередит пошла обратно к машине. Подойдя, обнаружила, что на заднем сиденье, с раскрытой книжкой в руках, сидит Бланка. В клетке рядом с ней исходил хриплым криком попугай.

— Ты куда собралась? — спросила Мередит.

Взгляд Бланки упал на ее бриллиантовое кольцо.

— Ух ты!

— Это не то, что ты думаешь, — сказала Мередит. — Мы не обручены. Просто — знак дружеского внимания. И сделай милость, накинь на эту клетку платок, хватит уж Конни надрываться! А после — ступай домой. И платье побереги, а то погубишь.

— Я должна убедиться, что с Сэмом все в порядке.

Бланка вытянула из сумки с вещами рубашку и набросила на птичью клетку; Конни умолк.

Мередит оглянулась на Дэниела.

— Почему ты разрешил ей сесть в машину?

— Я не разрешал. Это она сама, незаметно.

— Я тоже еду, — настаивала Бланка. — И между прочим, наша мама сказала бы, что правильно делаю.

— Хороший ход, — ответила Мередит. — И все-таки ты не едешь.

— А вот она бы позволила! Любая мать поняла бы меня!

— И ведь не возразишь, — заметил Дэниел.

Мередит села на переднее сиденье.

— Ну хорошо, сдаюсь. Но если окажется, что это трущоба, ты остаешься сидеть в машине.

До Нью-Йорка они доехали в молчании, слушали радио. В городе, по счастью, с движением обстояло нормально. На Двадцать третьей улице им ни разу не встретился красный свет; Дэниел гнал с такой скоростью, что Мередит не успела разглядеть, есть ли еще на прежнем месте кафе, где ей впервые встретился Джон Муди. Улица, на которой нашел себе пристанище Сэм, выглядела вполне прилично, хотя как раз его дом был довольно обшарпанным.

— И никакая не трущоба, — заметила Бланка.

— Может быть, мне на всякий случай пойти вперед, проверить? — вызвался Дэниел, найдя место для стоянки.

— Да ладно, — сказала Мередит. — Мы же все равно туда войдем.

Забрав весь скарб, привезенный Сэму, они пошли к обветшалому особняку. Парадная дверь была незаперта, и они поднялись к квартире 4В. Позвонили несколько раз. Открыла девушка — примерно тех лет, что и Сэм. В джинсах и свитере, с черными, коротко стриженными, взъерошенными волосами. Впустила их, не спрашивая, кто они и зачем, — наверняка и так было ясно. Родственники привезли вещи. К тому же и попугай был при них, его бормотание слышалось из-под Сэмовой рубашки.

В квартире царил беспорядок — тарелки с остатками еды, чашки, которыми пользовались вместо пепельниц, разбросанные повсюду одежда и газеты — но само помещение было совсем неплохое. В гостиной, завернувшись в одеяла, спали двое. Определить их возраст, пол или хотя бы живы ли они, было невозможно. В комнате застоялся дух марихуаны и пота.

— Как вам хватает денег снимать такие хоро-

мы? — спросил Дэниел у девушки, которая им открыла. Квартира была намного лучше, чем его собственное нью-хейвенское жилье.

— Когда-то эту квартиру снимала моя бабушка. С несменяемой квартплатой. А я, когда понадобилось за ней ухаживать, жила у нее. Потом она умерла, и квартира перешла ко мне.

Сэма они застали в спальне, у телевизора. Он сидел на кровати, прислонясь спиной к стене, — уже заранее взвинченный, дерганый.

— Вы что, в уме? — бросил он им при виде Бланки. — С какого перепуга притащили ее в это логово?

— Может, сперва скажешь спасибо, что притащили сюда твое имущество? — отозвалась Мередит.

Бланка, положив на кровать аккуратную стопку глаженой одежды, забралась к брату. Сэм запустил руки в сумку с вещами.

— А, и электрощеточка здесь! — сказал он одобрительно.

— Это твоя девушка, да? — спросила Бланка.

— Ее звать Эми, — сказал Сэм.

Черноволосая Эми подошла и стала в дверях.

— Вот спасаю его…

Мередит обернулась, чтоб рассмотреть ее

внимательнее. Худенькая, в тяжелых черных ботинках, у свитера — дырки на локтях. Слегка асимметричное лицо. Серьезная. Хорошенькой не назовешь, но зато внушает доверие.

— Изменить меня задумала, — насмешливо сказал Сэм. — Не поймет, что я — человек конченый.

— А Мередит выходит замуж, — объявила Бланка. — Смотри, какое кольцо!

— Подарок друга, и только, — поправила ее Мередит.

Сэм все же взял ее за руку, глянул и вынес свое суждение:

— Невидное какое-то.

Мередит заметила ссадину на его лице. След, оставленный разъяренным отцом. Состязание в обоюдных пинках обречено было чем-то разрешиться, и на беду разрешилось вот чем.

— Плохо без тебя дома… — сказала брату Бланка.

— У тебя скоро появится новый родич. Вполне возможно, тоже единокровный братец. С легкостью заменит меня.

— Не важно, кто будет — брат или сестра, — угрюмо сказала Бланка. — Мне никто на фиг не нужен.

— Это ты от меня такого набралась. Перестань… Ага! — Сэм вынул из сумки старую коробку из-под обуви. — Умница, что привезла! Могу теперь отдать одну вещь, предназначенную тебе. Полагалось бы отдать, когда ты вырастешь, но ты и так уже совсем большая.

Бланка прижалась плечом к плечу брата, глядя, как он открывает коробку своих сокровищ. Она всегда мечтала посмотреть, что там хранится. Оказалось — всякая всячина: письма, фотографии, мелкие косточки.

— А это — мой бельчонок, — сказал Сэм. — Уильям.

— Бр-р, — поморщилась Бланка.

Была там и фотография их матери. Бланка подняла ее к свету. В доме у них не водилось фотографий. Не таков был дом…

— Смотри, какие веснушки!

— На лице — семьдесят четыре. Это она мне сказала. Она считала их.

Сэм вынул какой-то сверток в папиросной бумаге и протянул его Бланке.

— Опять беличьи косточки?

— Скелет дракона. Я как-то ночью на крыше убил дракона, а кости у него были сделаны из звезд!

— Очень остроумно, — фыркнула Бланка. — Чего ты, в самом деле!

Мередит тем временем обследовала помещение. На комоде лежала трубка и щепоть марихуаны, валялись порожние бутылки из-под виски. Она открыла ящик. Нижнее белье. Шприцы… Мередит мысленно пожелала девушке Эми больше удачи в спасении Сэма, чем выдалось им самим.

— Кончайте с этим, Мерри, — сказал Сэм, заметив, как она учиняет свою негласную проверку. — Данная территория — уже не в вашем подчинении.

Бланка развернула папиросную бумагу. В ней оказалась нитка черных бус, похожих на стеклянные шарики, какими играют дети. Бус, неожиданно теплых на ощупь, как она убедилась, взяв их в руки.

— Мамин жемчуг, — сказал Сэм. — Только он запылился.

Бланка поднесла ожерелье к лицу и дунула. Черная короста отделилась и рассыпалась в прах, подобно слою сажи.

— Какая прелесть! — воскликнула Мередит. — Смотри, они совсем другие!

Жемчужины были сливочной белизны — белизны облаков и снега.

— Только не реветь, — предупредил сестру Сэм.

— И не собираюсь. — Бланка скорчила ему рожу и высунула язык.

Правда, когда пришло время уезжать, она все-таки расплакалась. Дэниел незаметно сунул Сэму бумажку в сто долларов.

— Не на наркотики. На еду.

— Да я не наркоман, — сказал Сэм. — Это — так, способ расслабиться.

Мередит между тем перестилала постель, положив Сэму подушку и стеганое одеяло. Девушка Эми наблюдала.

— А говорил, у него нет матери, — заметила она.

— Вы это про меня? Я ему не мать. Его мать давным-давно умерла. Я ему никто.

— Получается — все же кто-то.

— Доброжелатель, — сказала Мередит.

В квартире было темно, но света сквозь опущенные шторы им хватало, чтобы видеть друг друга.

— Вот и я тоже, — сказала Эми.

Пора было прощаться. Мередит так и не удалось спасти Сэма, но она сделала все, что могла. С чем ей и предстояло жить дальше. Дэниел уже дожидался в машине. Сэм — босиком, в футболке

и джинсах — стоял на тротуаре, всклокоченный, озябший. Рядом, обхватив его обеими руками, стояла Бланка.

— Надо ехать, — сказала ей Мередит.

— А если я не хочу?

— Хочешь, не хочешь, а придется, — сказал ей Сэм. — Здесь по ночам выходят на улицу чудовища.

— Опять остроумно. — Бланка на всякий случай украдкой огляделась по сторонам.

— И пожирают девочек.

— Брось, Сэм, это не смешно!

Сэм крепко стиснул ее и проводил взглядом, когда она пошла садиться в машину.

— Отец не хотел тебя ударить, — сказала ему напоследок Мередит.

— Да знаю. Он и вообще-то, должно быть, никогда ничего не хотел. Все получалось само собой, без злого умысла, верно?

Мередит вынула деньги, посланные ему Джоном Муди.

— Вот, просил передать.

— Лишнее, Мерри. Дэниел дал мне немного денег. Отец ничего мне не должен, а я — ему. Вот так-то. Верните ему назад.

Впервые Сэм говорил как взрослый человек.

— Значит, ты все-таки остаешься? Уверен?

Сэм кивнул головой. Когда он задумал что-нибудь, его нелегко было сдвинуть с места. Он отличался этим с детских лет.

— Что ж, а я вынуждена принять твое решение. — Господи, чего бы она ни отдала ради его спасенья!.. — Нравится оно мне или нет.

— Какова вероятность, что я выживу?

Мередит знала, что Сэм терпеть не может, когда его трогают руками, и все-таки обняла его. Не ожидала, что у него, при такой худобе, есть мускулы — пожалуй, он был крепче, чем ей казалось. Он не ответил на ее объятие, но хоть по крайней мере не отстранился.

— Я буду скучать по тебе.

Сэм усмехнулся.

— Вопрос был задан не о том. Я серьезно. Каков шанс, по-вашему, — только честно?

Она дала свою оценку по максимуму:

— Пятьдесят на пятьдесят. Что, вероятно, справедливо для каждого из нас.

Сэм снова кивнул, с довольным видом.

— Принято. Это меня устраивает.

Обратно они поехали не прямо домой. По пути через Бронкс у Мередит созрело решение. Доехав до Гринвича, они при первой возможности

свернули с шоссе. Измученная Бланка спала на заднем сиденье так крепко, что не шелохнулась, пока Мередит не тряхнула ее за плечо.

— Би, я хочу взять тебя в свидетели.

Бланка протерла глаза, ощущая на своей шее тепло ожерелья. На жемчужинах проступило мягкое коралловое свечение.

— Ладно. В какие свидетели?

— Надо, чтобы при нашей женитьбе присутствовал близкий нам человек.

— Да, тогда это я, — сказала Бланка.

Они постучались в дверь к городскому нотариусу, одновременно — мировому судье. Тот сошел вниз, полагая, что в городе кто-то скончался. Жена уже доставала ему из стенного шкафа черный костюм.

— Примите мои соболезнования… — начал мировой судья.

— Нет-нет, — виновато перебил его Дэниел. — Мы хотим пожениться.

Вид у посетителей был встрепанный, в глазах читалась отчаянность — короче, судья предпочел согласиться. Звали судью Том Смит, и проводить обряд бракосочетания ему доводилось столько раз, что нужный текст он мог бы произнести хоть во сне. Порою, кстати, так и случалось — и жена

его, лежа рядом, должна была выслушивать весь текст с начала до конца, утешаясь сознанием, что выучены наизусть все же слова любви.

По окончании церемонии они отправились отметить втроем это событие в ресторанчике «Обеды», где круглые сутки подавали завтраки. Бланка позвонила домой извиниться перед отцом и Синтией, что так задержалась, и сказать, что скоро будет.

— Там у них все еще дым коромыслом. — У Бланки, умаявшейся за день, слипались глаза, но и не улеглось возбуждение от доверенной ей роли свидетеля. — У меня теперь есть особые обязанности? — спросила она у Мередит, когда Дэниел пошел расплачиваться.

— Никаких. От свидетеля требуется лишь присутствовать и потом запомнить.

— Хорошо, — сказала Бланка. — Я запомню.

Они вышли в сгущающиеся сумерки. Чувствовалось, что собирается дождь. Он уже принимался накрапывать, судя по каплям влаги на листьях и на асфальте. Но то будет позже, а пока небо было бескрайним и ясным. Бланка, несмотря на перевозбуждение и данное себе слово не спать весь вечер, вырубилась, едва машина тронулась с места. Ей снились устрицы и жемчужины. Снились

люди, умеющие летать. Снилось, будто она идет по проселку с незнакомой женщиной, которая хочет сказать ей что-то важное, но говорит на незнакомом языке. Когда они доехали до дому, юбилейное торжество уже сворачивалось. Час был поздний. Кое-кому из гостей, в подпитии, пришла фантазия при полном параде, не раздеваясь, бултыхнуться в бассейн.

— Просыпайся, — послышался Бланке чей-то голос.

Она открыла глаза и несколько мгновений не могла понять, где она.

Часть третья
Алая карта

Дом, в котором она жила в Лондоне, был полон жуков и книг. Первый этаж занимал обозреватель журнала «Гардиан», третий — профессор-историк, а этаж между ними — Бланка, владелица книжной лавки. Стоит ли удивляться, что у девочки, выросшей в доме по прозванию «Стеклянный Башмак», развилось пристрастие к сказкам; ее дипломная работа в университете носила название: «Потерянные и найденные» — исследование, посвященное тем, кому посчастливилось выбраться из дремучих дебрей, и другим, кто сгинул без следа, застрял в колючих зарослях, был закован в цепи, сварился на медленном огне.

Личная библиотека у Бланки хранилась в коробках на застекленной холодной веранде с видом на садик, где росла большая липа. Квартира ей досталась чудесная — просторная, с красивыми большими комнатами, — но Бланку и здесь не покидало чувство беспокойства. Из образцовой, серьезной, всегда озабоченной девочки выросла не слишком образцовая, но по-прежнему озабо-

ченная молодая женщина. Бланка верила твердо: при любых обстоятельствах тебе с гарантией обеспечена жестокость судьбы. Это и составляло тему ее диплома. Потерян ты или найден, но горя тебе не избежать. Вдребезги разобьется стекло, сломаются кости, сгниет яблоко.

Знамением собственных напастей Бланка сочла нашествие к ней в квартиру насекомых: жучков-пожирателей бумаги, *Paperii taxemi.* Дезинсекцию пришлось проводить по всему дому. В обществе литературного критика и профессора истории, ежась от холода запоздалой весны, Бланка сидела под липой и обсуждала сравнительные достоинства местных ресторанов, дожидаясь, когда им позволят вернуться в пропитанные едкой вонью квартиры. И в тот же день пришло известие, что умер ее отец. Телефон зазвонил, когда она смотрела, как из ее книг сыплются крохотные серебристо-черные шарики мертвой ткани, словно это сами слова отклеились от страниц.

Бланка и в детстве не расставалась с книжкой — но истинно запойным книгочеем сделалась во время последнего своего семестра за границей, в год смерти ее брата. Началось это с вечера, когда позвонила Мередит сообщить ей ужасную весть, и продолжалось до сих пор, когда с того време-

ни минуло пять лет. Бланка не возвратилась в Штаты, продлив свою учебу в Англии на год, чтобы завершить с получением ученой степени. Естественно, и теперь, когда раздался звонок, она держала в руках томик прозы — первое издание «Алой книги волшебных сказок» Эндрю Ланга[4], найденное ею недавно в ворохе разного барахла на благотворительном церковном базаре; немного траченное влагой, а в остальном — вполне ничего. И естественно, позвонила с печальным известием снова ее бывшая няня, а не кто-нибудь из членов семьи. Хотя, строго говоря, никого из них больше и не осталось. Теперь уже — никого. Умер Джон Муди утром, на заднем дворике своего дома. Попросил Синтию принести стакан воды, а когда она вернулась, то застала его с головой, поникшей на грудь. Похоже было — сидит и молится, делилась Синтия с Мередит, о чем та, в свою очередь, поведала Бланке. Как будто Джону в его последние мгновения явилось нечто, вызвавшее у него бурю эмоций, — не ангел ли, указующий прямо там, во дворе, дорогу к истинной вере…

На их газон, рассказывала Синтия, слетелась туча траурных голубей — десяток или дюжина,

[4] Примечания: 4

Эндрю Ланг (1844–1912) — шотландский поэт, новеллист и литературный критик.

может быть. Они всегда прилетают парочками и так неслышно, что их и не заметишь на траве, покуда не заворкуют. Синтия приняла голубей за посланцев с того света. Когда Джона увезли в похоронный зал, она вынесла на газон зерен, но голуби больше не вернулись.

— Можно подумать, к такому, как мой отец, явится ангел, — заметила Бланка, услышав от Мередит, как Синтия толкует кончину Джона Муди. — Да он никакого ангела в упор бы не распознал, даже у себя под носом.

Джон Муди до конца своих дней оставался все тем же — замкнутым, отчужденным. За все то время, что Бланка жила в Лондоне, ни разу ее не навестил. Звонил ей только по праздникам и в день рождения. Точнее, звонила Синтия, а в конце разговора на несколько тягостных минут передавала трубку Джону. Им с Бланкой не о чем было разговаривать. Ну, о погоде. О том, что́ нового. Заговорить о чем-то существенном было рискованно. Бланка не помнила случая, когда они с отцом хоть в чем-нибудь сошлись бы во мнениях.

— Не ангела он увидел, — сказала Мередит. — Это была она.

Телефонная связь барахлила, и Бланка реши-

ла, что ослышалась. Она любила Мередит Уайс и знала, что на нее можно положиться, когда другие подведут. У Мередит было теперь четверо детей, и все они в этом году приезжали к Бланке в Лондон справить Пасху. Бланка их обожала, в особенности — двух старших, которых часто оставляли на нее в те два года, когда она училась в Вирджинском университете. А поступила она туда, потому что там преподавал муж Мередит, Дэниел. Поехала за ними следом, тоскуя по семье — пусть даже и не родной. Диана, ее бабушка, к тому времени умерла, так что у Бланки и впрямь были основания чувствовать себя сиротой. Друзья-однокашники думали, что Мередит — ее мать, и Бланка, вполне сознавая, что надо бы возразить, *Нет, она всего лишь знакомая, работала у нас когда-то няней,* так и не заставила себя их разуверить.

О своей матери Бланка не помнила почти ничего. Напоминанием, что у нее вообще была мать, служили разве что рассказы брата — ну и, конечно, жемчужное ожерелье, которое она носила не снимая, даже когда мылась в ванне. Оно ей было своего рода талисманом — свидетельством, что в свое время кто-то ее любил.

— Сомневаюсь, чтобы мой отец увидел большее

чудо, чем, предположим, садовник или засохший сук на дереве. И самое трогательное, что мачеха позвонила первым делом не мне, а тебе. Любящее семейство, ничего не скажешь.

— Не в том была состоянии, чтобы звонить за границу. Ты знаешь, что с ней бывает в трудные минуты. Я сама вызвалась позвонить.

— Дело не только в звонке. Я просто чужая в этой семье.

— Приезжай на похороны. Я тебя встречу.

— У меня и здесь столько дел…

Нужно было, в конце концов, заняться книгами, набитыми дохлыми жучками, подрезать липу, обросшую за весну из-за обилия дождей, — да и вообще могло оказаться, что при ее нынешнем безденежье ей просто не на что будет купить билет. Тысяча поводов остаться — а так ли много причин поехать?

— Это случилось, когда Синтия с твоим отцом собирались позавтракать на открытом воздухе. Она пошла принести ему из дома стакан воды, а когда вернулась, он был уже мертвый. И все тарелки на столе — разбиты. И на газоне — голуби.

— Ну и что? Посуду разбил, когда упал замертво на стол. А голуби налетели склевать крошки. Это еще не значит, что к нему явился светлый ангел,

и отныне все ему прощается.

— Я оставлю детей и прилечу в Коннектикут встречать тебя. Останавливаться дома тебе не обязательно. Сниму нам по номеру в «Орлином гнезде». Можешь и своего молодого человека взять с собой.

То есть, надо понимать — Джеймса Бейлисса, за которого Бланка не соглашалась выйти замуж, при том что интерес ее к нему все возрастал. Джеймс приглашен был устанавливать полки в книжном магазинчике, открытом ею на скромное наследство, оставленное бабушкой Дианой. Он приглянулся Бланке не только высоким ростом и темной шевелюрой, но также умением справляться с практической работой, насущными повседневными делами: поднять ящик с книгами, раздавить пузатого юркого жука, который выползает из-под половицы. Особенно пленил ее Джеймс, когда, вооружась обувной коробкой, обрывком веревки и кусочком сыра, соорудил ловушку для нахально шныряющих по квартире мышей. Причем, поймав, даже не убивал их, а просто выносил наружу, в сад.

Однако решающее очко в его пользу определилось, когда он как-то утром встретился Бланке на улице, по пути в ее книжную лавку. Джеймс

наткнулся на пару подростков, с остервенением мутузящих друг друга. *А ну, отставить, паршивцы!* прикрикнул Джеймс, оттаскивая того из двоих, который был здоровее. Такой мужчина не спасует перед непредвиденными и неблагоприятными обстоятельствами: случись ему забрести в колючие заросли — вырубит их к чертям собачьим и пустит на растопку.

Весь тот день Бланка ждала, что Джеймс что-нибудь скажет об остановленной им потасовке, но он не проронил ни слова. Последнее в череде его достоинств: непоказная скромность. Бланка не выдержала и влюбилась по уши. Выход оставался один — пускай заканчивает устанавливать полки, берет заработанные деньги и исчезает с глаз долой. Однако Джеймс Бейлисс возился со своей работой так долго, что им грозило полное разорение, если только ей с ним не переспать. *Ну как — порядок?* сказала она потом. Они лежали в постели. В открытое окно вливалось благоухание липовой коры. *Теперь — все. Можешь идти домой.*

Но Джеймс все никак не уходил. Изобретал тысячи причин: то у него до́ма красят стены, то приехал погостить его брат, то сам он оступился и растянул себе лодыжку. Бланка и оглянуться

не успела, как он обосновался в ее квартире, где тоже имел намерение устанавливать книжные полки. Бланка, в принципе, не собиралась ехать на родину — но если бы уж пришлось, то даже не подумала бы брать с собой никакого Джеймса.

— Нечего Джеймсу делать в мире моего прошлого, — сказала она по телефону Мередит. — Ему вообще незачем тащиться в Коннектикут.

— Ты полагаешь, наши миры разделены между собой? Как разные уровни в преисподней?

— Я это точно знаю. Кроме того, и бизнес требует моего присутствия здесь.

Сущая ерунда. В книжной лавочке «Счастливый поворот» если что и удавалось продать, так одни только сказки; предприятие держалось на чистой любви к искусству, при полном отсутствии барышей и с весьма шаткими видами на появление таковых. Джеймс соорудил два низеньких стола и приставил к ним стулья для постоянных посетителей — соседских ребятишек, которые чаще приходили не покупать, а почитать любимую сказку, сидя в магазине. Чтобы хоть не вести дело себе в убыток, Бланке понадобилось бы сбыть как минимум тысячу «Волшебных сказок» Эндрю Ланга, от «Алой книги» до «Розовой», да еще и с «Оливковой» в придачу.

— Не жалеешь, что не приезжала на панихиду по Сэму? — спросила Мередит.

— Ничуть. Ее отслужили вопреки его воле. Лишь потому, что так хотели отец и Синтия.

— Приезжай во вторник. Похороны назначены на следующее утро. Лавку свою закроешь. Я закажу места в гостинице. Приедешь — расскажу, что твой отец увидел на газоне.

Бланка усмехнулась.

— Откуда тебе знать? Тебя же при этом не было.

Но Мередит уже повесила трубку, и в ответ послышалось только размытое потрескивание мертвой линии — сигнал, что на другом конце никого нет.

Бланка несла домой книги из мусорных ящиков, с блошиных рынков и благотворительных распродаж, как другие подбирают брошенных сироток. Держала стопочку книг в ванной комнате, чтобы читать, принимая ванну, хотя края страниц от этого плесневели. Читала в поезде и в автобусе, из-за чего нередко опаздывала, проезжая нужную остановку. Без книжки не умела сидеть в ресторане и могла, поглощенная чтением, начисто забыть иной раз о своей котлете, о спагетти или о сотрапезнике. Джесамин Банкс,

близкая и верная подруга — с которой Бланка делила комнату в общежитии во время того страшного семестра, когда погиб Сэм, — мягко заметила ей как-то, что этим она, быть может, воздвигает буфер между реальным миром и воображаемым. В ответ Бланка рассмеялась, что подруга наблюдала за ней довольно редко:

— Ну и прекрасно! Как раз то, что мне надо!

Для Бланки и впрямь существовали раздельные, разъединенные миры. До и после, темное и светлое, реальное и воображаемое, придуманные истории в книжках и собственная житейская история — ну и, понятно, потерянное и найденное. Прелесть сказок заключалась в том, как четко проходили в них эти разграничения: страны подразделялись на королевства, королевства — на княжества, дворцы — на вышки и на поварни. Сказки были картами; картами из крови, из костей и волос — распутанными клубками подсознательного. Каждое слово в сказке было живое, осязаемое, как яблоко или камень. Каждое вело от текста к подтексту.

Сказка, которую Бланка читала в тот вечер, когда погиб Сэм, называлась «Ежик Ганс». В сказках на каждом шагу вам попадались нелюбимые дети; одни из них выживали, другие — нет. Гансом

звалось горемычное создание, которое ютилось в закутке за печкой, так как родитель этого ежа видеть не мог своего отпрыска. Ганс уродился не таким, как хотелось отцу, — и тот не замечал его, забыв неудачного детеныша, как забывал своего сына Джон Муди. В глазах отца, что бы ни сделал бедный Сэм, — все тоже было не так. Есть у ребенка усы и хвост или нет — какая разница? В обоих случаях — одно и то же. Полное сходство.

Годы прошли с тех пор, как Бланка последний раз видела брата, и все равно мир без него продолжал оставаться чужим, невозможным. А вдруг произошла ошибка? Бывало же, что человек, которого считали пропавшим, все-таки выходил из дремучего леса, весь в колючках, приставших к его одежде! Да только в случае с Сэмом дремучий лес был повсюду и слишком глубоко вонзались колючки. Такое высилось нагромождение камней, что не перелезешь; такая горькая гниль таилась в сердцевине яблок, что в рот их не возьмешь. Он не сумел выбраться на дорогу.

И все же какой-то след по себе Сэм оставил — Икаровы рисунки, граффити, подписанные изображением крылатого человека; картины, написанные цветными мелками и краской; произведения искусства, разбросанные по всему

Нью-Йорку. Вот только автора было не найти. Он потерялся там, куда другим путь заказан: на извилистой тропе, ведущей по воздуху.

Изредка Сэм звонил Мередит попросить денег, и она посылала ему в Манхэттен до востребования почтовый перевод. Изредка вламывался незваным гостем к знакомым, показываясь то в Бриджпорте, то в Нью-Хейвене или в богемных кварталах на Ист-Сайде, — а нет, так жил на улице. Бывал и в Челси, навещая свою прежнюю подружку Эми, — и как-то раз, когда вышел на крышу покурить, его любимый попугай Конни, которого он держал при себе столько лет, взял и ни с того ни с сего улетел. Обыкновенно сидел у Сэма на плече, а тут — то ли снесло порывом ветра, то ли неодолимо поманила даль… Сэм погнался за ним, опасаясь, как бы с непривычки попугай, взлетев на мгновение, не разбился, упав на мостовую.

А вышло, что так случилось с ним самим.

Эми передала родным волю Сэма: чтобы его кремировали, а прах развеяли по Манхэттену; однако Джон Муди об этом и слышать не хотел. Он принял решение похоронить Сэма рядом с матерью. Развеивать чей-то прах над городской территорией не разрешалось — уж кто-кто, а

Джон Муди все правила, инструкции и нормы знал досконально. Эми могла просить и убеждать сколько угодно: по закону никаких прав у нее не было. Они с Сэмом так и не собрались пожениться. Ближайшим его родственником был отец.

— Да поступайте вы как знаете, — закончила Эми свой телефонный разговор. Они с Джоном Муди ни разу лично даже не встречались. — Испеките пирог, задуйте свечу — и радуйтесь, что его больше нет. Вы никогда не понимали, кем он был.

Каким хотел бы видеть Сэма Джон Муди? Конечно уж, не такого сына желал бы он себе: колючий, как еж; эти ночные кошмары и чьи-то косточки, выбеленные временем… Джону в иные минуты действительно приходило в голову, что хорошо бы Сэм притулился где-нибудь за печкой, свернувшись в клубок, — да подцепить бы его за хвост, да выкинуть в мусорный ящик и забыть… Эми сказала правду. Он и в самом деле не раз мечтал, чтобы Сэм исчез — улетучился, как ни кощунственно это теперь звучало; спокойно и тихо скрылся из их жизни. Тем не менее, не кто иной как Джон Муди отправился на правах ближайшего родственника в Нью-Йорк опознавать по лицу и отпечаткам пальцев тело сына — не

важно, понимал он или нет, кем тот был.

Поскольку отец не посчитался с волей Сэма — как не считался, впрочем, никогда, — Бланка и не поехала на похороны брата, осталась в Лондоне. Решила, что не вернется домой. Вообще. Решение пришло, когда она сидела, поджав ноги, на кровати в студенческом общежитии и плакала, читая сказку «Ежик Ганс». Во всяком случае — не вернется наблюдать, как Сэма закапывают в землю. *Если б он только улетел!* думала она. Был бы сейчас не в земле, а на воздухе, где ему — истинное место.

Она отслужила панихиду по-своему, на берегах реки Темзы. Написала имя брата на листке бумаги и привязала его черной атласной лентой к камню. Размахнулась, забросила со всей силы, и камень с громким плеском канул на дно. Она и не предполагала, что такой мелкий предмет произведет столько шума. Мелькнула шальная мысль: не Сэм ли это поднимается со дна реки в ответ на свое имя — до нитки промокший Сэм, вызволенный из небытия силою слов и течений? Сэм, перепачканный чернилами, вновь возрожденный к жизни на этих топких берегах, в такой дали от родного дома? Проделав этот обряд, Бланка потом, когда ходила по городу, вглядывалась в

лица бездомных, если на них было пальто вроде того, какое носил зимой в Нью-Йорке Сэм: поношенное, серого цвета, истрепанное по обшлагам и подолу. Она заметила, что ее тянет бродить по кварталам, которых она раньше избегала: по беспорядочно застроенным портовым районам, ища глазами людей, напоминающих ее брата.

День ото дня искала она его — и в своем садике, и на улице, и во сне. Но Сэма не было. Со временем Бланке все трудней становилось восстанавливать в памяти его лицо. Неизменными оставались лишь это его серое пальто, его граффити и шепот в ответ на вопрос, заданный ею, когда они виделись в последний раз: как ему удается держаться. *Лучше тебе не знать.*

Панихида в Коннектикуте, как рассказывала Мередит, состояла из нескольких слов, произнесенных у гроба священником, которого никто из семьи до того не знал. Эми, многолетняя подружка Сэма, на службу не явилась. Бланка подумала, что Сэм, будь его воля, вылез бы из гроба и прогнал такого священника, запуская в него комьями грязи и шариками жеваной бумаги. Сэм был всегда большой любитель стращать. Умел поднять тарарам, перевернуть вверх дном весь дом на ночь глядя, решиться на передозировку,

свернуть не туда с дороги, нагнать страху на случайного, ни в чем не повинного прохожего. Сэм верил в искусство для искусства, в боль ради чистой остроты ощущений — и неизменно питал слабость к обиженным, раненым, безответным, к осиротевшим и потерянным, к доведенным до погибели.

Сожгите меня, сказал бы он. *Дайте мне свободу. Не мешайте слететь с высоты — с крыши дома, с самого высокого дерева.*

— Расскажи мне о своем брате, — попросил ее как-то Джеймс, наткнувшись в ее письменном столе на фотографию Сэма — растрепанного, в сером изношенном пальто, — но Бланка отказалась. Сохранилась единственная фотография, на которой они были вдвоем: семнадцатилетний Сэм и она — в одиннадцать лет; моментальный снимок, сделанный Мередит во время их совместной вылазки к морю, незадолго до того, как Сэм подался в Нью-Йорк. Дул сильный ветер, трепля им волосы по лицу — по этим лицам с сощуренными глазами и улыбкой, такой широкой, словно все было замечательно. Хотя, наверное, так оно и было для брата и сестры в тот единственный день у моря, под порывами ветра такой силы, что странно, как их не подхватило и не унесло.

Чаще всего в воспоминаниях Бланка видела, как ее брат, раскинув руки, стоит на крыше их дома. Страшноватый и бесстрашный. Аистенок, чужак; человек, тоскующий о полете. Как было объяснить такое Джеймсу? *Что, если он не удержится на ветру?* думала она в те минуты. *Что, если поскользнется, оступится?*

Ребенком она готова была поверить, что Сэму не составит труда взмыть в воздух над кровлей дома, как те герои его рассказов о тайном племени коннектикутцев, которые в критический момент — когда уходит на дно корабль, когда объято пламенем здание — обнаруживают свою способность летать. Взмах черного или серого крыла — и в воздух, в облака! Откуда он такой взялся, ее брат — удивительное создание, которому нипочем вытянуться во весь рост, цепляясь о стекло, не испугаться того, что страшно другим людям? Невольно придет в голову, что кости у Сэма полые, как у птицы, а на спине — ряды черных вороновых перьев.

Однажды, когда Бланке было лет шесть, обкуренный Сэм позвал ее с собой на крышу. Мередит в то время у них еще не жила, и дети были большей частью предоставлены самим себе. Прогулка на крышу выглядела заманчиво — но это, пока

они туда не поднялись. Тогда Бланку охватил ужас.

Смотри не поскользнись — разобьешься, предупредил ее Сэм.

Бланка с усилием заставила себя успокоиться, и ужас сменился вдруг пьянящим восторгом. Она в эту минуту поняла, отчего люди порой решаются на роковой прыжок с высоты — необязательно из жажды покончить на асфальте счеты с жизнью, а потому что повлекло воспарить, исчезнуть, найти, быть может, некий другой мир, смутно маячащий вдалеке.

Она никогда не рассказывала ни отцу с мачехой, ни даже Мередит, что побывала с братом на крыше. Не выдавала им и доли того, что слышала от Сэма или чего навидалась, находясь с ним вместе. Молчала о том, сколько раз ездила с ним на автобусе в Бриджпорт и оставалась ждать на остановке, пока он ходил покупать наркотики. О том, как далеко они заплывали в океан, пользуясь тем, что Синтия, занятая на пляже болтовней с друзьями, не замечает, как непозволительно они отдалились от берега и качаются на воде во владениях утесов и котиков.

Ну как, Прутик? Выбирай — возвращаемся мы в Коннектикут или же остаемся здесь?

В Коннектикут! неизменно отвечала Бланка, со смехом читая по лицу брата, как ему жаль, что она не соглашается утонуть.

С Сэмом немудрено было набраться страху, но его общество стоило того. Бланка в детские годы ни на что не променяла бы возможность проводить с ним время, хотя нередко ее бросало в дрожь от его выходок. Чего только они не вытворяли — дух захватывало! — воруя в местной лавочке конфеты, сигая в мягкую траву с плоской крыши кафе-мороженого; но память Бланки хранила и другое. Ночи, когда она слышала, как он рыдает. Сначала она думала, что это ветер или какая-нибудь живность. Зверек, который угодил в стеклянную западню и бьется, обезумев от ужаса и боли. Кто бы там ни находился в его комнате, что бы там ни происходило, но звуки были нечеловеческие — или, быть может, слишком уж человеческие. Душераздирающие звуки.

Бланка всегда любила книги, но самыми захватывающими историями ее детства были те, что она слушала, приходя в комнату к Сэму, — пусть даже это были очень страшные истории. О том, как он колол себя булавками, проверяя, может ли научиться терпеть боль; о статистической вероятности того, что солнце со временем сгорит

дотла и все живое на земле вымрет от холода. Легенды, которые были, в сущности, пересказами снов, навеянных гашишем и кокаином, — долгие, запутанные, исполненные поэзии и безнадежности. Но лучше всего были рассказы, посвященные их матери: о том, какие кроваво-рыжие были у нее волосы, какое множество веснушек — целых семьдесят четыре! — было рассыпано по лицу; о том, что она была дочерью капитана с паромной переправы, который верил, что люди могут летать.

А после наступил день, когда Сэм перестал рассказывать. Это произошло, когда к ним уже приехала жить Мередит, когда дела с наркотиками приняли такой скверный оборот, что Сэма насильно отправили на реабилитацию. Когда он вернулся из больницы, Бланка не отставала от него с просьбами вернуться и к прежним историям.

Расскажи мне о том, как может снова наступить ледниковый период и все живое замерзнет. Расскажи, как птицы, совершая перелеты в шесть тысяч миль, находят дорогу в те места, где никогда раньше не бывали. Расскажи мне про нашу маму — как она умела объясняться с бельчонками на их беличьем языке.

Как ты не понимаешь? отвечал на это ее некогда бесстрашный брат, раздавленный и опустошенный. *У меня осталась теперь всего одна история.*

Этой историей был героин. Историей, сложенной из ощущений, а не слов, невидимой, пагубной и неотвратимой. Сэм исчезал от нее понемногу, истаивал, подобно снеговику, покуда для Бланки не осталось ничего, кроме голубоватой лужицы стылой воды — ледяной, окрашенной горестью и с каждым годом все более сходящей на нет. Она всеми силами старалась удержать его, но это было невозможно, как невозможно сохранить в целости лед, шагая по раскаленной пустыне, или остановить ход времени. Когда Сэм после финального столкновения ушел из дому, Бланке все реже удавалось с ним видеться. Сэм утратил эффект присутствия, он стал похож на очертания человека — не полноценное существо, а отброшенную им тень.

Отец разговаривать о Сэме отказывался, а вскоре у него появился и новый ребенок: их с Синтией дочь. В жизни Бланки, казалось бы, должна была наступить относительно спокойная пора — однако чем больше радовался своей второй жене и маленькой дочке Джон Муди, тем больше злости

кипело в душе у Бланки. К тринадцати годам от прежней милой, примерной девочки не осталось и следа. Примерное поведение было для сосунков вроде Лайзы, ее новорожденной сестры. Покладистый нрав — для притвор и недорослтков. Для Бланки такие дни прошли. Теперь в ней — близко к поверхности, под самой кожей — копилась ядовито-зеленая желчь.

Она скучала по Мередит, хотя, звоня ей по телефону во время самых яростных стычек с отцом и Синтией, подчас не знала, как выразить в словах свое отчаяние. Просто звонила и плакала.

— Мне тоже тебя недостает, — говорила ей Мередит. — Тебя — и его.

В отчаяние Бланку повергали мысли, связанные с братом. Она взглянуть не могла на отца, чтоб не подумать о Сэме. *Как ты смеешь о нем забывать? Жить-поживать, словно ни в чем не бывало? Как смеешь полагать, будто твое семейное счастье стоит такой цены?*

Однажды, во время обеда в честь Дня благодарения, когда за общим весельем и умильным самодовольством о Сэме ни разу никто не вспомнил, Бланка обрушилась на отца с обвинениями, что он выжил Сэма из дому. Синтия поспешила отвести ее в сторону.

— Твой отец делал все возможное и невозможное для этого малого, — заявила она.

— Что, конкретно?

За столом Бланка сидела с книгой *«Мы всегда жили в замке»*[5]. Уже тогда предпочитала не мясо с кровью, а бумагу с типографской краской.

— Послушай, милая, ты многого не знаешь, — сказала Синтия. — Очень многого.

Лайза — сводная сестра Бланки, жизнерадостная и пухленькая — только еще училась ходить и сейчас сидела, ковыряясь в размазне из картофельного пюре. Как было бы хорошо, если б она исчезла, а на ее месте снова оказался Сэм! Он, правда, терпеть не мог День благодарения. Фуфло империалистическое, этот праздник. *За наши с вами грехи поплатилась жизнью эта индейка,* сказал бы он Синтии и отцу. *За ваши грехи, за то, как вы со мной обошлись.*

— Того, например, что ты — стерва? И только рада, что Сэм ушел и больше тебя не беспокоит?

Синтия дала ей пощечину, и в то же мгновение Бланка поняла, что того-то она и желала. Теперь ей можно было ненавидеть мачеху. Отныне — с полным правом.

---

[5] Примечания: 5
Роман американской писательницы Ширли Джексон (1916–1965).

— Прости, я не хотела! — спохватилась Синтия, сама потрясенная своим поступком. — На меня такое не похоже…

— Очень даже похоже.

У Бланки горели щеки. Ей доставляло странное удовольствие наблюдать, как Синтию корежит. Она к этому времени уже обогнала мачеху ростом. Ничто не привязывало ее к Синтии, у нее не было никаких причин что-либо ей спускать. Сэм всегда повторял, что стоит им зазеваться, и Синтия не погнушается замахнуться на них ножом. *Хрю-хрю — и поминай как звали,* говорил он. Бланка потом много лет боялась ножей для мяса. *Вот она кем нас видит, поняла?* говорил ей Сэм. *Поросятами в своем хлеву.*

— Ты знаешь, во что его превратили наркотики, — продолжала Синтия. — Чем бы мы ни пытались ему помочь, он лишь сопротивлялся, и тебе это известно. Любой мой шаг он принимал в штыки.

С первой молодостью Синтия давно распрощалась, а красотой не блистала никогда. Не то что, судя по рассказам Сэма, их мать, с ее розово-рыжей, кроваво-рыжей головой. Никакие силы не вернули бы Бланку к праздничному столу. В открытую дверь видно было, как ее отец вытирает

Лайзе пальцы, вымазанные картофельным пюре. Просто смотреть тошно! Бланку охватило чувство легкости, собственной власти; мстительное и сиротливое чувство.

— Почему ты не скажешь правду? — спросила она у Синтии и не узнала собственного голоса. Столько яда скопилось в ней за все те годы, пока она не говорила ничего, пока была примерной пай-девочкой. — Мы тебе даром были не нужны. По тебе, лучше б у моего отца, когда вы встретились, вовсе бы не было детей. Ручаюсь, что вы с ним не стали дожидаться, когда моя мама умрет. Наверняка спали вместе, когда она еще боролась за каждый вздох.

— Ах, вот как Сэм это тебе изобразил? Потому что можно бы сюда еще много кой-чего прибавить! Мы-то с твоим отцом как раз ждали. Мы поступили по отношению к Арлин как порядочные люди, хотя о том, что в это время творилось в его доме, лучше помолчать.

— Поздновато ты собралась занимать меня сказками. Катились бы вы все куда подальше!

Бланка выскочила из дома, хлопнув дверью. Села на поезд до Манхэттена и там, глотая слезы, позвонила с телефона-автомата Сэму. Он тогда еще жил у Эми, был еще досягаем. На дворе

как-никак был праздник, пусть даже империалистический, и ей не хватало рядом брата. Ей было тринадцать лет. Да, высокого роста и взрослая на вид, но все-таки еще ребенок. Бланке было страшно одной в шумном и многолюдном Нью-Йорке.

— Я никуда не хожу отмечать День благодарения. Индейки еще крыльями хлопают, а их уже потрошат вовсю, сволочи! И это мне предлагают праздновать? Хоть ты-то не заставляй! — сказал ей Сэм по телефону. У него назревали нелады с Эми, и чтоб и от нее не выгнали, объяснил он Бланке, приходилось изображать, что он нормально относится к праздникам. Судя по голосу, Сэм уже набрался наркоты. У него слишком быстро скакали мысли и слишком медленно выговаривались слова.

— Но ты мне нужен, — настаивала Бланка.

— Большую ошибку делаешь, что идешь за помощью ко мне.

— Только к тебе одному, — сказала Бланка. — Больше мне не к кому.

— Хорошо, никуда не уходи. И не рассчитывай, что я буду есть индейку.

Он появился — с опозданием, естественно, но все-таки появился наконец. Пришел встретиться с нею в забегаловке напротив вокзала — нече-

саный, в затасканном сером пальто, которое пристрастился носить, похожий на оборванцев, с которыми невольно брезгуешь садиться рядом. Покуда Бланка изливала душу, рассказывая, какая невыносимая обстановка у них дома, Сэм вертел в руках вилку, втыкая себе в кончики пальцев ее зубцы. Глаза его от расширенных зрачков казались совершенно черными. Словно колодец, куда бросаешь камень, чтоб никогда его больше не увидеть. Словно вода на дне колодца — недвижная, темная и мертвенной тишины. Даже Бланке нетрудно было понять, что он обколот героином. И еще: он скреб себя по щеке и не почувствовал, когда расцарапал ее до крови. На пластиковую столешницу капала кровь, а он ничего не замечал.

Им нужно довести тебя до слез, сказал ей Сэм в тот день. *Слезы оставляют по себе след. Если ты плачешь, такие, как наш папаша, могут тебя при желании достать в любой момент. Тебе тогда уже не скрыться. Как ты не понимаешь?*

Бланка по нему так соскучилась, что сил не было. Она не очень понимала, о чем он ей толкует, но плакать все же перестала. В одном он был прав: искать у него помощь значило даром тратить время. Сэм заказал себе гренок и черный

кофе. Со смехом объяснил, что сидит на диете, хоть от него и так остались кожа да кости. На руках видны были гнойнички. *Расплатишься за меня, Прутик,* шепнул он Бланке. Он распахнул полу пальто: во внутреннем кармане дремал попугай Конни. *С зверьем не пускают,* сказал Сэм.

Поглаживая Конни по зеленым перышкам, Сэм обращался к нему с какой-то гортанной тарабарщиной — на птичьем языке, пояснил он, — в которой Бланке не удавалось разобрать ни слова. Апломб, заторможенность, одержимость смешались в его поведении. Есть в этом мире такое, что недоступно ее пониманию, говорил он Бланке, — такое, чего он ей не может объяснить.

Когда-нибудь ты поймешь. Все сводится, в сущности, к одному. Такая вот паскудная математика. Вся эта их брехня. Тебе внушают, что разумный порядок наступит, если сломить, подмять под себя, — но это неправда.

Сэм пробыл с ней от силы минут двадцать. Его ждала дома Эми, которой стали уже надоедать его выкрутасы. *Она считает, что я — ненадежная личность,* сказал Сэм, и это развеселило их обоих. У Бланки на уроках лексики в школе как раз проходили слово *ненадежный,* и ей слишком хорошо было известно, что оно означает. К своему гренку

Сэм в спешке даже не притронулся. Перед Бланкой лежал горячий сандвич с индейкой, но еда не лезла к ней в горло. Возможно, и тут Сэм был прав. Возможно, эта индейка поплатилась собой за ее грехи. За грех небрежения, грех ревности, за грех обманчиво примерной девочки.

Когда Сэм ушел, Бланка почувствовала, что озябла. Она выскочила из дома без пальто, в одном толстом свитере. Ей уже не терпелось поскорее убраться из Нью-Йорка. Она расплатилась и пошла садиться в поезд на Коннектикут. Приехав в Мэдисон, почти до полуночи просидела на вокзальной скамейке. Потом побрела домой. Вот дуб, кусты сирени, знакомый газон. Траву на газоне схватило инеем; Бланка дрожала от холода, но все-таки, сидя на заднем дворике, ждала, когда во всем доме погаснет свет и можно будет незамеченной шмыгнуть в дверь и подняться к себе.

После этого она виделась с Сэмом все реже, и это с каждым разом становилось все тяжелей. Синтия не ошибалась насчет наркотиков: они сказались на нем, и как! Кажется, кроме них его ничто больше не занимало. Характер сделался просто невозможным. Сэм ввязывался в потасовки, его сажали в кутузку за нарушение общественного порядка, за порчу общественного имущества. То,

что таилось в его душе, выплескивалось теперь наружу в изображениях крылатых людей, разбросанных им по всему нижнему Манхэттену. Люди с огромными крыльями низвергались в преисподнюю, горели на костре, обращаясь в прах. Его прозвали Икаром, и подписывал он свои граффити знаком V — птичкой с детского рисунка.

А потом, когда Бланке исполнилось четырнадцать, Сэм вообще пропал. Исчез. Она пришла на квартиру, где он жил с Эми, но оказалось, что их там больше нет. Впустил ее хозяин дома. Квартира была в чудовищном состоянии: посреди комнаты валялась большая птичья клетка, сквозь ее металлические прутья зловонным, грязным месивом вываливались наружу обрывки газет. На полу — разбросанные матрасы, в ванной комнате — использованные шприцы, повсюду — протухшие объедки пищи. И при всем этом — пиршество красок на стенах, покрытых рисунками и полыхающих цветом. Бланка потом не один год обшаривала улицы нижнего Манхэттена; при первой возможности, под любым ложным предлогом, придуманным для отца и мачехи, отправлялась разыскивать Икаровы граффити, свидетельства того, что Сэм все еще жив. Время от времени ей попадались-таки его

художества, чаще всего — выглядывая из-под слоя свежей краски где-нибудь на кирпичной стене кулинарии или на боковой стенке автобуса. Но даже замазанные побелкой, творения Икара оставались узнаваемы по привычным уже сюжетам — согласно его трактовке, коннектикутцам, способным якобы благополучно улетать от бедствий, спасаться не удавалось: все они неизменно погибали в цепких сетях катастрофы.

Однажды Бланка сама оставила ему послание в глухом закоулке у Канал-стрит, где наткнулась на изображение мужчины, опутанного терниями. Правда, значка V на нем не было, но она все-таки решила, что рисунок принадлежит Икару. Иначе быть не могло. Этот исступленный восторг на лице мужчины, эта пелена алой пастели поверх краски… Бланка достала из своего рюкзачка черный фломастер и написала на стене свое имя и номер телефона. Месяцами потом ее донимали телефонными звонками. Грязными, оскорбительными — но Сэм не позвонил ни разу. А если бы позвонил, то уж ни в коем случае не так. Он сказал бы ей, *Осторожней, сестренка, не оступись, а обо мне не беспокойся, дай мне сгореть дотла, отойди и не мешай падать вниз.*

Возможно, другая на ее месте повернулась бы

лицом к своей какой-никакой, но семье, подружилась с сестричкой, что была с нею рядом, а не хранила упрямую привязанность к брату, которого и след простыл. Другая — возможно; Бланка — нет. Она устранилась. Даже когда бывала дома, отсутствовала. Проводила выходные дни у друзей, на лето уезжала вожатой в какой-нибудь лагерь, во время школьных каникул гостила у Мередит, записывалась в школу танцев, в футбольную команду, в редколлегию школьной малотиражки — куда угодно, лишь бы не оставаться дома. По вечерам часто сидела во дворе, дожидаясь, покуда все уснут. Смотрела на звезды, но остерегалась кинуть взгляд на крышу. Его там не было. Тогда — зачем?

Стеклянный Башмак — сколько б ни воздавали ему по-прежнему хвалу в воскресных выпусках местной газеты и в журналах по искусству — Бланка, конечно, не воспринимала как свой домашний очаг. Здесь все было чужое. Все не мило. Даже застав однажды у себя в комнате Лайзу, нарядившуюся в ее платье и размалеванную ее косметикой, Бланка без звука повернулась и ушла. *Бери, ради бога,* подумалось ей. *Хоть все забирай.*

— Ой, прости! — крикнула ей вдогонку Лай-

за, но таким обиженным тоном, словно это ее вещами распорядились без спроса. Лайза — девочка-головастик, долговязая и нескладная, с большими голубыми глазами и явно отцовская любимица. Джон Муди, которого редко видели дома, когда подрастали Сэм и Бланка, теперь исправно посещал все родительские собрания, все музыкальные утренники в Лайзиной школе. Возил Лайзу на рождественские каникулы в Диснейленд, оставив Синтию приглядывать за Бланкой. Как раз в то время Бланка отбилась от рук, искала случая сбежать куда-нибудь из дому, ночевала где придется — озлобленная, колючая, маясь черной завистью и чувствуя себя сиротой. Холодная, жесткая девица, которая только и ждала возможности распрощаться с Коннектикутом и уехать: сперва в Вирджинию, в университет, потом — в Лондон. Которая зареклась ехать назад и выковыривала сейчас жучков из книжных страниц с таким остервенением, что перепачкала все пальцы их иссиня-черной кровью, словно чернилами, которых, сколько руки ни мой, все равно не отмыть.

Джон Муди умер во дворе дома, построенного его отцом — увенчанного наградами здания, состоящего из прямых углов, стекла и неба. Дома,

который Джон ненавидел, но покинуть не мог — отчасти из-за его архитектурной и исторической значимости, отчасти из-за того, что здесь вырос, но главным образом — потому, что стал пленником собственного неуспеха. День ото дня, стоило Джону лишь открыть глаза поутру, отцовский дом служил ему напоминанием, что сам он ничего стоящего на своем веку не создал. Вся его работа была вторичной — перепевом того, что создано отцом. Спроси его кто-нибудь, и он сказал бы, что не верит ни в какие там предназначения, что неотвратимость участи — это выдумка, каша, намешанная из смутных чаяний и предрассудков, что люди сами хозяева своей судьбы. И что же? Увяз, застрял, не в состоянии переменить хотя бы такую малость, как собственный адрес! Как будто жизнь Джона Муди была заранее описана в некой книге — словами, которые невозможно стереть. Нанесена кровавыми чернилами, невидимыми чернилами жизни и смерти. Начертана неколебимой рукой.

Один-единственный раз позволил себе Джон отклониться от лежащего перед ним пути — когда заплутал, направляясь на вечеринку. Такой туман, такая мгла стояли тогда, что вся поездка на пароме из Бриджпорта напоминала сон. Куда

угодно способен завести один неверный шаг в подобный вечер: и постучишься в дверь к незнакомке, и окажешься с ней в одной постели. Даже такой, как Джон, может свернуть со своей дороги в такую даль, откуда уже не возвратиться назад. К своей настоящей жизни. Той жизни, которая ждала его — и распалась в пыль из-за единственного вечера, единственного неверного поворота, из-за рыжеволосой девушки, стоящей на крыльце.

Что, если б он все же совершил намеченное, стал все же молодым человеком, который едет учиться в Италию? Обнаружилось бы у него на этой стезе иное «я»? Любящий, теплый муж, хороший отец? Или ничто бы не изменилось? В конечном итоге, вероятно, какие бы ни представились ему возможности, он оставался бы таким, как есть. Джон жил так долго под бременем своих ошибок, что, отягощенный ими, почти забыл, как все могло бы у него сложиться при других обстоятельствах. Дети от первого брака разлетелись куда-то, словно птицы. Да и чем были для Джона Муди птицы? Кем-то, кто бьется о стеклянную крышу и пачкает окна; непрошеными созданиями, от которых не знаешь, чего ждать. В доме его не было фотографий первой жены, не было никаких свидетельств, что она

вообще существовала, — а между тем он всякий раз видел ее, спускаясь в сумерках раннего утра на кухню. Видел по вечерам на газоне. Замечал, сидя в самолете, — то в облаках, то прямо рядом, на соседнем сиденье. Джон искренне не верил во все такое — всяческих духов, призраков. И тем не менее — вот она, Арлин Сингер, точь-в-точь такая, как при первой их встрече. Никогда ничего не говорит, лишь смотрит на него, не сводя глаз. Возможно, ей было что-то нужно от него, но что — он не знал. Всегда в том же тонком белом платье, сквозь которое все видно. Первое время он думал, что сходит с ума, — обращался к экстрасенсам, к психологам, но в конце концов признал тот факт, что его преследует призрак.

Не отпускала его Арли, никак не давала спокойно жить своей жизнью. Чего она добивалась? Чтоб он страдал? В конце концов, где он был, когда она испускала последний вздох? По соседству, у Синтии? Или прогуливался по травке на свежем воздухе? Или лежал, закрыв глаза, в своем кабинете и ждал, когда уснет? Больше он уже много лет такого не ждал. Он страшился сна, гнал его от себя, сон был пустым пространством, где тебя подхватит и несет куда-то помимо твоей воли. Когда Джон все-таки засыпал, его преследовало

всегда одно и то же неотвязное сновиденье. Что он идет по Стеклянному Башмаку; кругом во всех комнатах темно. Он движется по стеклянному коридору и никак не может дойти до цели. Джон просыпался с ощущением потери, судорожно хватая ртом воздух. Еще два шага, и ему открылось бы что-то, однако в самую последнюю минуту он всякий раз терял верное направление.

В последние недели жизни Джон часто уставал, чувствовал боли в сердце, но не обращал на это внимания. Он не привык следить за своим здоровьем. Был постоянно занят — работой, семьей. Взялся учить свою дочь Лайзу водить машину — дочка у него всем удалась, но никуда не годилась как водитель. За две последние отпущенные ему недели Джон выезжал с нею тренироваться несколько раз, и как-то, на полпути к Гринвичу, его от напряжения так прихватило, что он попросил Лайзу остановиться. Вышел и встал, весь дрожа, на краю дороги. Совершенно не понимая, где находится. Замахал рукой, останавливая проезжающую машину, в уверенности, что они заехали бог весть куда.

По счастью, Лайза обладала прекрасным чувством ориентации. Ее вообще отличали трезвость ума и деловая хватка. Лайза вылезла из машины

и повела отца назад.

Все в порядке, папа, сказала она. *Я знаю, где мы. Мы в двух шагах от дома.*

Джон сел на пассажирское место и положил ногу на ногу, охваченный слабостью, очень тихий — не потрудился даже сделать Лайзе втык, что едва не проскочила стоп-сигнал. Приехав домой, Лайза рассказала матери о странностях в поведении отца. Синтия хотела было звонить врачу, но Джон заявил, что чувствует себя прекрасно. Это было не так. Он вышел за раздвижную стеклянную дверь; в отдалении, у бассейна, возникла его первая жена — обнаженная, молочно-белая, какой стояла на кухне в тот вечер, когда они впервые встретились. И Джона опять потянуло к ней. Он пошел во двор. Сердце у него колотилось.

Синтия была хорошей женой, с этим ему повезло. Связь с нею он завел, движимый страхом — страхом перед болезнью Арлин, перед самою смертью, перед своими детьми. Честно говоря, на месте его соседки могла быть любая другая — он и к той постучался бы посреди ночи, ища утешения, просто тоскуя по человеческому общению. В этом смысле с его вторым браком все обстояло благополучно. Но вот теперь он чувствовал, что отдаляется куда-то. Ему нужна была Арлин. Он

заметил, что на газон слетелась стайка траурных голубей.

А до того он подмечал следы копоти на кухонных стойках, сколы и трещины на фарфоровой посуде. С некоторых пор к нему явилось чувство, что нечто требует его внимания. Он поднялся к комнате Сэма, давно стоящей под замком, достал ключ и вошел внутрь. Присел на краешек кровати. Здесь тоже присутствовал прах, словно не вытравить было до конца отсюда Сэма: окурки, шприцы, нестиранное затхлое белье. Сэма больше не было — и все-таки кое в чем он оставался. Лежала в стенном шкафу сумка с его детскими вещами, купленными еще Арлин: комбинезончики, свитерочки. На стенах сохранились его рисунки…

Странность, связанная с опознанием его тела, была не в том, что Сэм всегда казался Джону чужим, — самое странное, что мертвым он словно бы возвратился к отцу. Он и внешне-то выглядел точно таким, как в раннем детстве, когда они еще жили на Двадцать третьей улице, — хорошим, серьезным мальчиком, на которого у Джона никогда не хватало времени. Арли обожала Сэма; Джон решительно не понимал, почему нужно любить его с таким исступлением. Он был ужас-

ным отцом и, вероятно, не заслуживал права горевать; тем не менее, выйдя тогда из морга, сел на скамейку возле двери и заплакал. Он и не подозревал за собою способности издавать подобные звуки. Не знал, что может питать какие-либо чувства к своему сыну. Не был уверен, что его вообще как-либо тронет процедура опознания.

Из морга он направился по последнему адресу, оставленному Сэмом. Вдруг нужно будет забрать оттуда какие-то пожитки? Отцу, наверное, полагается дать ключи? Надо будет, наверно, обратиться к технику-смотрителю. С крыши этого здания Сэм упал вниз… В подъезде было темно; на стенах лестничной клетки виднелись мазки, оставленные краской и цветными мелками, — черные, алые, синие кляксы сумбурных изображений: людские фигуры, птицы, облака. Меньше всего подходило Джону Муди быть в таком подъезде, меньше всего — иметь такого сына, как Сэм. Никоим образом не подходило человеку его правил заблудиться в тот первый вечер…

Почти одиннадцать лет минуло с тех пор, как Сэм ушел из дома. Страшно сказать, но Джон был только рад, что его нет. Вздохнул с облегчением, хоть и ни разу в том не признался вслух. Ушел — ну и с плеч долой, не его забота; так-то оно и

лучше… Он задохнулся сейчас, одолев пешком четыре этажа. Никто не позаботился привести это здание в приемлемый вид. Глухая, безликая бетонная коробка. Типичный пример того, с чем воевал всю жизнь Джон Муди: убожества и непорядка. Но это был тот самый дом. Последний прижизненный адрес его сына — и Джон постучался в дверь. Дверь была металлическая, он больно ушиб костяшки пальцев. *Еще не поздно уйти,* пронеслось у него в голове.

Открыл дверь мальчик лет десяти. Джон Муди узнал его с первого взгляда. Перед ним стоял Сэм, хотя это было невозможно.

Сэм? вырвалось у Джона.

Моего отца нет, сказал мальчик. *Я — Уилл.* Серьезного вида паренек, которого не помешало бы сводить к парикмахеру. *Может, зайдете? Скоро мама должна прийти.*

Сэм — такой, каким бы тот мог быть. Без этого его взгляда — взгляда уличного оборванца, бездомного бродяги, неуправляемого и необузданного. Просто обычный мальчуган.

Нет — кажется, мне нужно не сюда. Перепутал номер дома…

Джон Муди через две ступеньки сбежал вниз. Поспешно остановил такси. Он уже знал, что

сохранит эту встречу в тайне, даже от самого себя. То, о чем не было сказано, быстро поблекло и исчезло, во всяком случае — снаружи, позволяя как-то жить изо дня в день. За то, о чем не думаешь, на тебе и ответственности нет. Джон находил способы отвлечься. Подолгу совершал прогулки. Не пропускал выступлений Лайзы на детских концертах. Советовался в школе, куда ей лучше поступить по окончании; следил за ее расписанием, за выбором учебных предметов — но что-то постоянно мешало ему сосредоточиться на всем этом. Он слишком много размышлял о том подъезде в Нью-Йорке. Вел мысленно разговоры с внуком, о котором ничего не знал. Он взял за правило носить с собой в кармане магнитофон. Синтия на него записывала не только, какие встречи назначены у мужа на каждый день, но и указания, как на эти встречи добираться. Вот до чего он стал несобран.

Зато он не забывал раз в месяц наведываться на кладбище. Старинное, Архангелово, где лежала Арлин. Никто ему этого не подсказал — никто даже не знал, что он там бывает. Он ставил машину и подолгу смотрел на большое дерево, которое называл про себя платаном, хотя и мало что смыслил в деревьях. Судил по коре

— крапчатой и облезающей лоскутами со ствола. Джон разбирался в другом: в стекле, в стали. Еще он знал, каково бывает, когда в тебе — пустота. И постоянно тосковал по Арлин. Носил в бумажнике ее фотографию — снимок, сделанный им на пароме, когда она уговорила его однажды навестить снова дом, в котором выросла. Одета была не по погоде: в белое платье, купленное Джоном ей в подарок. Он не принадлежал к числу мужей, которым свойственно думать о подарках, — и все же, увидев это платье, сразу понял, что оно подойдет Арли. Небо над ними тогда нахмурилось, потемнело, и Джон на мгновение испугался, как бы его жену не снесло за борт на таком ветру.

Глупости! крикнула она ему, ухватясь за перила. *Никуда меня не унесет!*

В день накануне смерти Джону стало трудно дышать. Он вышел на свежий воздух и увидел Арлин, окруженную стайкой траурных голубей. Наверное, он все же с самого начала свернул как раз куда надо, подумал он. Ему, вероятно, как раз назначено было заблудиться в тот вечер, застать Арли на кухне, стать отцом такого, как Сэм, единственный их общий ребенок. Он знал, что — единственный. Знал, почему у постели Арли просиживал дни и ночи Джордж Сноу, хоть

оттого и не любил меньше Бланку. Он даже не винил Арли. Нисколько. Он сбился с верного направления — вот в чем дело; отсутствовал там, где был ей нужен, а попросить о помощи никогда в жизни не умел.

— Тебе серьезно пора бы больше отдыхать, — сказала ему Синтия вечером накануне его смерти. Он был рассеян, заторможен.

— Она стояла на кухне совсем нагая, — проговорил Джон Муди.

— Кто?

Джон опомнился.

— Да в кинофильме. Который по телевизору шел вчера вечером. Сплошная обнаженка.

— Не надо тебе сидеть допоздна у телевизора, — сказала Синтия.

В тот вечер Джон ее послушался. Он уснул. Ему приснилось, что он идет по коридору. Сон был не такой, как всегда. В нем слышалось чье-то дыхание, в нем пахло гарью. На пол в коридоре нанесло сажи. Наконец Джон подошел к комнате, о существовании которой не подозревал, — и это прямо посреди дома, в котором он родился и вырос! Комнате, которую он искал всегда. Дверь была закрыта, но он слышал, что внутри что-то летает. Со стуком натыкается на стены, шумно

хлопает крыльями. Крылья хлопают размеренно, как бьется сердце, но только громче — так громко, что эти звуки отдаются в голове.

Ключ от комнаты был стеклянный. Джон до крови порезал о него руку. Кровь тоже капала на пол ритмично, с правильными интервалами. Что-то летало во мраке — большое, темное, с кожистыми крыльями. И с когтями. Оно находилось там все время. Перебило там все стекло — на потолке и в окнах; отовсюду падучими звездами сыпались осколки.

Джон зажег фонарик. И сразу увидел, в чем дело. Это была не птица, случайно залетевшая в комнату, — это был дракон. Израненный, весь в крови, бьющий крыльями. Дракон — прямехонько у него в доме!

Джон Муди продолжал сжимать в руке ключ, хотя с порезанной ладони текла кровь. Он слышал собственное дыхание — реальное дыхание спящего себя. А во сне видел, что задыхается. Боится шелохнуться. Ибо перед ним стала все та же извечная его проблема: он не знал, на что решиться — убить дракона или же выпустить на волю…

Проснулся Джон поутру с головной болью и решил, что не пойдет на работу. Редкий случай — и

повод для беспокойства. Синтия, пока готовила завтрак, позвонила врачу и записала мужа на прием. Лучше уж перестраховаться, зато не каяться после. Они уже не молоды, в конце концов. Пусть не всегда и не во всем соглашаются, но все же она ему — хорошая жена, а он ей — хороший муж. Синтия собрала на подносе завтрак: фрукты, яйца, кофе без кофеина, со снятым молоком.

Джон сошел вниз все еще в халате. Пожаловался, что ему нечем дышать и нужно выйти на свежий воздух.

Я принесу тебе воды, сказала Синтия. *Мы можем позавтракать на улице.*

Джон вышел на задний дворик; Синтия наблюдала, как он садится на стул, откуда хорошо виден газон. Ему всегда нравился этот вид. Даже сейчас Джон оставался красивым мужчиной — надо было отдать ему должное. *Отдыхает наконец-то,* подумала Синтия, но это было совсем не так. На самом деле Джон Муди ждал — и очень скоро она появилась. Он видел ее отчетливо и ясно. Длинные рыжие волосы, тонкое белое платье, просвечивающее насквозь. Она была прекрасна — как он мог забыть об этом! Теперь-то он понимал, почему остался в тот вечер!

Тогда, столько лет назад, проснувшись на

незнакомой кушетке в чужом доме, он тотчас сел и надел ботинки. Джон Муди вам не какой-нибудь лопух, который даст заморочить себе голову. Он взял ключи от машины и нашел на столике в гостиной карту. Так вот как ему следовало ехать — обозначено тонкой цветной линией, что тянется поперек северного побережья Лонг-Айленда! Проще простого. Легче легкого. Но тут послышалось нечто, привлекшее его внимание. Некий звук, который не пропустишь мимо ушей — то ли взмах крыльев, то ли шелест ткани, спадающей с женских плеч. Двадцать шагов до двери, ведущей на кухню. Потертый коврик, широкие половицы из желтой сосны. Как же он мог забыть, какое сумасшедшее желание бросило его к ней? У него буквально руки тряслись, когда он толкнул закрытую дверь. Большие белые руки, неловкие, молодые, — мужчина, рвущийся к тому, чего он жаждет. Вот где была его дорога, его будущее, его судьба! Чего стоила в сравнении с нею Италия? Все то, что могло бы быть, отпало, как шелуха…

Джон Муди глядел на газон и наконец все понял в самом себе. Десяток траурных голубей. Лужицы тени на траве. Она исчезла, но ее присутствие и не требовалось больше — он и без этого вспомнил. Как она повернулась к нему. Как подошла.

Как он ждал ее.

Теперь он помнил все.

Непросто держать путь, следуя алой карте. Всякое руководство, сработанное из крови и костей, обманчиво, ненадежно. Того и гляди, свернешь не туда, а дорога бывает то и дело завалена грудами камней. Нужно отбросить в сторону и годы, и пережитое горе, и все свои утраты. Если ты все-таки решишься, если отважишься, тропа непременно выведет тебя к тому, кого — или что — ты забыл: к девочке, заблудившейся в двух соснах, к ежику, нитке жемчуга, паромной переправе. К твоему настоящему отцу.

Каждому путнику нужна теплая одежда, удобная обувь, бутылка воды и точные часы, честный друг и хорошее зеркало заднего вида. Джеймс Бейлисс отвозил Бланку в аэропорт. Он был не в духе, что со стороны мог бы определить не каждый. Бланка — могла. Слишком хорошо изучила Джеймса, чтоб не заметить напряженные, шире обычного расправленные плечи, долгие минуты молчания, ожесточение, с которым жмут на газ и на сцепление его рабочие ботинки. Джеймс злился, что Бланка не берет его с собой. Не видел в этом ни малейшего резона.

— Не обижайся. Ты ничего не теряешь. Тебе

же будет лучше. — Бланка ехала налегке — всего одна ручная кладь: кое-что черное из одежды, шампунь, книжки. — Пожалуйста, Джеймс, — прибавила она, когда он не отозвался. Джеймс поискал глазами место для парковки, хотя Бланка и говорила, что ему не стоит возиться, ставить машину — пусть просто высадит ее, и все. — Вон туда, — сказала она, указывая на надпись «Вылет». — Они ведь, строго говоря, даже не родственники мне, — продолжала она, возвращаясь опять к тому же. — Так, серединка на половинку. Настоящей моей родни нет в живых.

— Хочешь, зайду с тобой в здание вокзала, подождем вместе?

— Послушай, ну какой смысл? Все равно к выходу тебя не пустят. Только зря потратишь время.

— Но я хочу. В том-то и суть, Бланка.

— А это — вообще глупо!

Джеймс покивал головой. Вот она, шпилька — намек на то, что он не учился в университетах.

— Вот именно.

— Я не в том смысле сказала «глупо».

— Ну да. Ты — в положительном смысле.

Они рассмеялись, хотя казалось, что эта минута, быть может, подвела их к конечной черте. Простились на тротуаре у аэровокзала «Британ-

ских авиалиний», посреди гама и толчеи. Джеймс не сделал к Бланке ни шагу: подал ей сумку и остался стоять, где был. Оба держались скованно. Джеймс в юности играл полупрофессионалом в футбол, и теперь кто-то узнал его и хлопнул по плечу. Такое случалось сплошь да рядом — подходили незнакомые люди, заговаривали с ним.

— Ты оглянуться не успеешь, как я вернусь. Обещаю. — Бланка обняла его и отступила назад. Он не ответил на ее объятие. — Нас это не касается. Касается моей поездки домой.

— Нельзя разделять миры, в которых живешь. — Джеймс продолжал держать руки в карманах. — Все это — единое большое месиво. И в нем мы либо вместе, либо нет.

Бланке хотелось одного: съездить, разделаться с этим, и точка. Потом можно будет вернуться и снова наладить отношения с Джеймсом. В конце концов, ее жизнь — здесь. Она прошла регистрацию и села в зале ожидания; когда объявили посадку, нашла свое место, приняла таблетку снотворного и закрыла глаза. Заснула мгновенно. Ей приснилась птица лебедь на газоне возле отцовского дома. Птица передвигалась медленно, с трудом, изнемогая, — а потом и вовсе легла на траву. Она собралась рожать, мучительно содро-

гаясь и тужась. Плод вырвался наружу внезапно, вылетел из утробы в могучем родовом усилии — готовый птенец в оболочке плотной слизи. *Но ведь лебеди кладут яйца,* подумала, просыпаясь, Бланка.

В салоне было темно; они пролетали над океаном; в голову Бланки вливался мерный гул моторов. Она думала о том, как стоял там, на тротуаре, Джеймс. О том, сколько у любви способов причинять боль. Она не была открытым человеком и знала это. И понадеялась, что Джеймс это о ней тоже знает.

В аэропорту «Кеннеди» Бланка взяла напрокат машину и, не слишком полагаясь, что помнит, как нужно ехать, заставила служителя несколько раз пройтись с нею по карте. И все равно нервничала всю дорогу. С паническим ужасом воображала, что вдруг поехала не в ту сторону, не могла собраться с мыслями и вообще была не в лучшей форме — даже и причесаться не потрудилась. Впрочем, стоило ей съехать со скоростного шоссе, как многое прояснилось в ее сознании. Левый поворот — и впереди торговый центр. Затем свернуть направо — и напрямик в родной город.

Поездке предшествовал короткий, натянутый разговор по телефону с мачехой. Спасибо, но она

предпочла бы остановиться не у них, а в «Орлином гнезде», что на другом конце города. Мередит уже забронировала ей номер. Подъезжая к гостинице, Бланка вспомнила этот белый дом на каменном фундаменте и с двориком позади. Маршрут школьного автобуса проходил как раз мимо него, но Бланка как-то никогда не присматривалась, что там находится за живой оградой.

Она поставила машину и пошла к входу в дом. С улицы доносилось пчелиное жужжание, шорох проезжающих автомобилей. Бланка вдруг пожалела, что не взяла с собой ничего из одежды, кроме черного платья, — она умирала от жары. До чего же здесь влажное лето! Давит, нечем дышать. Бланка была в рубашке с длинными рукавами и вельветовых брюках, которые, по-настоящему, следовало бы вообще убрать на летнее время.

Хозяйка гостиницы, Элин Джеффриз — сама из местных, и с недавних пор вдова — была, как выяснилось, знакома с семейством Муди.

— Сочувствую вам — такая потеря! — говорила она, регистрируя Бланку и протягивая ей ключ. — Чудесный был человек ваш папа…

По лестнице, застеленной ковровой дорожкой, Бланка поднялась в свой номер: постель,

украшенная оборкой, окно с видом на газон. Ей вспомнилась лебедка, которая приснилась ей в самолете. Кондиционер отсутствовал, в номере было душно. Отдельной ванной тоже не было, и, чтобы освежиться, пришлось идти по коридору. Платье, которое Бланка рассчитывала надеть на похороны, было шерстяное, абсолютно неподходящее для такой погоды. Она совсем забыла, какая здесь погода в июне. Она поджарится, сгорит, испепелится, стоя у могилы!

Бланка пустила холодную воду и плеснула себе на лицо. Открыть глаза — и вновь окажешься в своей квартире? Моргнуть — и будешь на дорожке, где столько лет назад цвела сирень?..

В ванную комнату постучались.

— Смотри, всю воду на себя не изведи!

Это ее поддразнивала Мередит. Бланка открыла дверь, и они обнялись.

— Дай-ка взгляну на тебя!

В глазах Мередит Бланка была по-прежнему десятилетней девочкой, за которой она когда-то приехала смотреть, — даже теперь, когда у самой Мередит младшему ребенку было девять лет, а старшему — тринадцать. Всего несколько часов пробыла она в Коннектикуте, но уже звонила домой детям. Всегда скучала по ним

безумно, сколько б они ни куролесили, сколько б ни донимали ее бесконечными требованиями. У нее в голове не укладывалось, как это можно расстаться с ребенком навсегда, знать, что не увидишь, каким он вырастет. И — вот она, Бланка: посмотрела бы на нее сейчас ее мать! — красивая женщина, у которой давно своя собственная жизнь.

— Потрясающе выглядишь — только, правда, не вредно бы причесаться!

— Черт, страшно представить себе, что меня ждет… — На ноги Бланка, в довершение всего, надела тяжелые черные ботинки. О чем только думала, собираясь сюда? О тундре, скованной морозом? Об Арктике, где могилу готовят, вгрызаясь ломом в оледенелую почву? Вот Мередит была одета в светло-серый костюмчик с черной отделкой и черную шелковую блузку…

Мередит — уже пятнадцать лет как замужем и мать четверых детей — вернулась в свое время в аспирантуру и теперь преподавала в средней школе английский. Занятий с лихвой хватало и без того, чтобы ехать на похороны человека, которого сто лет не видела, да и притом не слишком обожала. Она вглядывалась в лицо Бланки. Вспоминала свой первый день в их доме: Сэм,

стоящий на крыше в опасной близости к краю; Бланка, бегущая по дорожке.

Время, проведенное в Коннектикуте, позволило Мередит разобраться в самой себе и понять, что ей нужно. Так, например, лишь накануне вечером, в постели, она задала мужу вопрос, может ли он обещать, что после смерти вернется и будет являться к ней привидением.

— Зачем же мне учинять над тобой нечто подобное?

Дэниел давным-давно выкинул из головы всяческих привидений и призраков. Он возглавлял теперь кафедру в университете, и его больше занимала сфера реального.

— А если я так хочу?

Дэниел рассмеялся.

— Такого ты себе не пожелаешь!

Мередит обвила его руками. Она никогда не думала, что может полюбить так сильно.

— Нет уж, сделай одолжение!

— Так вот оно что, Мерри? Вот почему людей преследуют призраки?

К этой теме они возвращались не раз с того вечера, когда впервые встретились и Мередит утверждала, будто дом, где она работает, посещает призрак. Что же удерживает призрака на

этой земле? Любовь или ненависть, время или желание?

— Выходит — преследуют, потому что людям самим так хочется, — заключил Дэниел.

Мередит и сейчас недоставало мужа. Он не ошибся насчет призраков. Она действительно хотела бы, чтоб он к ней являлся — пусть даже привидением, лишь бы не отпускать его от себя…

— Ты поторапливайся, — сказала она Бланке. — Нам через десять минут выходить.

— Зачем так рано? Кладбище же совсем рядом, прямо за концом проселка.

— Да нет. Оно подальше.

— Разве не то, где такое огромное дерево? Не Архангелово? Меня туда Сэм возил один раз, на могилу нашей матери. У самого прав не было, так он взял без спроса машину Синтии. Ехали туда поздно вечером, при полной луне — я просто не дышала от страха!..

— Это другое кладбище, Би. Синтия выбирала.

— Ах, так. Значит, его хоронят не рядом с мамой. — Бланке вся кровь бросилась в лицо. Пары часов здесь не провела, и уже вне себя от злости! — И не там, где похоронен мой брат. Само собой. Логично. Он безусловно не пожелал бы

коротать веки вечные рядом с моей матерью или Сэмом.

Они вышли к нанятой Бланкой машине. Мередит приехала на такси, но сейчас настояла, что вести будет она: не перепутает хотя бы, по какой стороне дороги им ехать. В машине Бланка причесалась — с ожесточением, рывками. Волосы у нее сохранились те же: роскошные, светлые, но она лишь наскоро скрутила их узлом и яростно проткнула заколкой. Пока Мередит вела машину, она отвернулась к окну. Они влились в общий поток на скоростном шоссе, миновали два съезда с него и свернули на проселок. Предполагалось, что во время похорон отслужат панихиду, и на кладбище съехалось уже столько машин, что Мередит пришлось оставить свою за оградой. Бланка порылась в сумочке, доставая черную вязаную шапку. Идеальный головной убор для Антарктики. Спина у нее взмокла и чесалась от кусачего шерстяного платья. Спасибо хоть, что шею холодила нитка жемчуга. Они с Мередит двинулись по мощеной аллее.

— А знаешь, почему я пошла к вам работать? — спросила по дороге Мередит.

— Мазохисткой была в ту пору?

Мередит рассмеялась. Из толпы собравшихся

на них озирались.

— В общем, да. Была, вероятно. Я согласилась на эту работу, потому что видела призрак твоей матери.

— Слушай, Мередит, я ни во что такое не верю. Умер — значит, все, тебя больше нет. Так что, быть может, не так уж и важно, будут ли отец с матерью похоронены вместе.

— Твой отец пришел на прием к экстрасенсу. А там в это время устроили вечеринку в честь моей университетской соседки по общежитию, и я увидела ее. С длинными рыжими волосами. В белом платье. И почувствовала, что должна ехать в ее дом.

— Так вот как ты принимаешь решения? Боже мой! Я-то думала, у нас в доме есть хоть один разумный человек!

— Это было хорошее решение. — Мередит обняла Бланку за плечи. Для нее Бланка была дочерью — первой, на ком она проходила родительскую практику. — Я видела ее — и в доме, и на газоне, и на крыше. Твоя мать являлась там постоянно.

— Зачем, по-твоему? Что ей было нужно? Призракам ведь всегда что-то нужно, правда? Устранить несправедливость? Изменить прошлое? Свести счеты?

— Я полагала, им нужно, чтобы их помнили, чтоб не засунули куда-нибудь в шкаф, как пару старых чулок. Возможно, она хотела держать в поле зрения вас с Сэмом — но думаю, главным образом все это имело отношение к твоему отцу. Это ее он видел на газоне в день своей смерти.

— Ты этого знать не можешь, — сказала Бланка.

— Да — и все же имею основания так считать.

Из всех, кто собрался на кладбище, Бланка узнала только Синтию — в черном шелковом костюме и шляпе с вуалеткой. И догадалась, что девушка рядом с ней — лет шестнадцати, с медово-золотистыми волосами, вся заплаканная, — должно быть, Лайза. Ее было не узнать; последний раз Бланка видела свою сводную сестру еще ребенком, а тут — длинноногая барышня…

Коннектикутский зной палил нещадно. Сейчас, признаться, Бланка не возражала бы, если б с нею был Джеймс. Ей всегда нравилось чувствовать, что он рядом, даже когда он просто молчал.

— Жалко, что я тогда не видела маму, — сказала Бланка. — А то не помню даже, как она выглядела.

— Куда тебе было запомнить, такой малютке! Знаешь, я пришла к мысли, что духи не выбира-

ют, оставаться им или нет. Они потому остаются, что их не отпускают живые. Оттого-то и видел ее без конца твой отец.

— Ты хочешь сказать, это отец ее удерживал? Да он не пожелал даже, чтобы его похоронили рядом с ней!

Они вошли в кружок собравшихся; кое-кто здоровался с Бланкой, узнав ее, выражал ей соболезнование. Возможно, когда-то в детстве она и знала этих людей, но сейчас они были для нее лишь тягостным сборищем посторонних. Мередит подтолкнула ее в нужную сторону, и Бланка подошла к своей мачехе.

— Синтия, — проговорила она нерешительно, словно не слишком рассчитывая, что ее узнают.

— Ох! — Синтия подалась вперед и обняла ее. Видно было, что она в слезах не первый день. — Невозможно поверить, что его больше нет…

— Да, — согласилась Бланка, пораженная тем, какой хрупкой оказалась на ощупь Синтия. Они разняли руки; даже под вуалеткой, скрывающей лицо, было заметно, как постарела ее мачеха.

Бланка кивком поздоровалась со своей сводной сестрой, и Лайза ответила ей пристальным взглядом.

— Я, пожалуй, пойду стану с Мередит, — ска-

зала Бланка.

Синтия как будто не обратила на это внимания, и Бланка тихонько отошла обратно. К этому времени незагорелое лицо ее раскраснелось. Даже жемчужное ожерелье на шее — обычно такое освежающее, прохладное — и то обжигало, точно уголья. Она вспомнила, что, когда увидела его впервые, жемчужины были черными, покрытые слоем сажи.

Началась панихида, и Мередит взяла Бланку за руку, услышав, как зарыдали Синтия с Лайзой. Рыдали согласно, горестным дуэтом. Священник выговаривал слова так тихо, что Бланка с трудом разбирала, о чем он говорит. В траве щебетали малиновки, откуда-то издалека доносился стрекот газонокосилки. У Бланки больно стучало сердце.

— Нам будет недоставать его, — говорил священник. — И ныне, и вовеки веков.

Их ждали поминки, но к этому Бланка пока была не готова. Нужна была пауза, возможность перевести дух. Что страшного, если они опоздают? Ну, пусть их осудят — невелика беда.

— Давай прокатимся — просто так, — предложила она.

Они опустили стекла, чтобы машину продувало насквозь. Бланка расшнуровала и скинула с

ног ботинки. Стянула и чулки. Когда они остановились заправиться, Мередит вышла купить пару бутылок содовой, и они пили, не отъезжая от бензоколонки. Еще немного оттянуть время. Выиграть несколько минут до встречи со Стеклянным Башмаком. Босые ноги Бланки жгло на горячем асфальте, но ей было все равно. По крайней мере, что-то чувствуешь. Люди, наверное, уже начинали беспокоиться, куда они запропастились.

— Сорвать бы с себя всю одежду, — сказала Мередит, трогая свой шелковый костюм. — Вот уж не думала, что здесь такая жарища!

— Я бы с себя и кожу сорвала!

Они рассмеялись — и внезапно смех у Бланки перешел в слезы. Она была уверена, что никогда больше не заплачет, и вот теперь плакала навзрыд.

— Ах, Бланка, — сказала Мередит. — Как это все печально…

— Надо бы ехать и предаваться печали там, с ними, но я ведь даже их не знаю! Господи, почему нету Сэма! И что я за человек такой, что неспособна оплакивать своего отца?

— А ты его оплакиваешь, — сказала Мередит.

Они опять сели в машину, но Мередит, съехав

с шоссе, вместо того, чтобы повернуть налево, к дому, поехала вдоль городского сквера направо.

— Куда это мы?

— Ты ведь сказала, что хочешь к Сэму?

Когда Сэм в детстве тайком привел ее на крышу Стеклянного Башмака, он объяснил, что ходить по стеклу всегда лучше босиком. Меньше скользишь — и притом чувствуешь, как тебя до костей пробирает холодком.

Ты только попробуй, Прутик, сказал он ей.

Но Бланка, стоя на стекле, побоялась снять кроссовки.

— Еще как хочу! — сказала она теперь.

Мередит везла ее на другое кладбище — то, где росло высокое дерево и были чугунные ворота и куда Сэм с Бланкой сбежали из дому поздним вечером, когда Сэм без спроса увел у Синтии машину. Он гнал со скоростью восемьдесят миль в час, и Бланка, едва дыша от страха, ни разу все-таки не попросила его остановиться.

Вот что испытывают люди, когда летают, сказал ей Сэм.

Мередит и Бланка долго кружили по кладбищу. Все поперечные проходы между аллеями выглядели одинаково: тот же плющ и живые изгороди, те же длинные синие тени. Покуда Бланка не

узнала то самое большое дерево.

— Вот оно!

Они оставили машину и направились к могилам. Бланка ступала босиком по мягкой и прохладной траве.

— Сэм, когда мы сюда сбежали в тот вечер, забрался на самую маковку этого дерева. Темнота — хоть глаз выколи, его было совсем не видно. Я струсила ужасно. Вдруг упадет, разобьется — и как мне тогда добираться домой?

— Сумела бы, — сказала Мередит. — Ты была такая. Самостоятельная. Толковая.

Это правда: тогда Бланка была уверена в себе, но после вся эта твердость куда-то исчезла. Если это вообще была твердость, а не всего лишь тонкий слой показной отваги, скрывающий тайные страхи… На кладбище было свежо, трава с утра сохранила влагу. Ноги у Бланки стыли на сырой траве, ей становилось зябко. Насколько же легче было оплакивать брата на расстоянии, оттуда, с берегов Темзы! Одно дело — бумага, камни, вода; совсем другое — плоть и кровь. Чего не видишь, того не знаешь, не чувствуешь.

— Дай-ка я отдышусь. — У Бланки закружилась голова. Она сосчитала до пятидесяти, потом — обратно, до единицы.

Мередит ждала. Куда им было торопиться, в конце концов. Она сама знала, каково это: идти по траве к тому, кого ты потерял.

— Ну все, мне уже хорошо, — спустя две минуты сказала Бланка.

На самом деле она лукавила. Чем ближе подходила она к могиле, тем более каменистой становилась земля под ногами. Теперь она каялась, что не осталась в ботинках. Что не осталась там, где была: при своих книгах и жучках, при своей липе в саду — в краю, где нет никаких камней, а есть один только мох, до того мягкий, будто, можно подумать, ты движешься не по земле с ее бессчетными каменистыми тропами, а по воздуху, где-то в вышине, в облаках, где от холода индевеет дыхание, преображаясь в ледяную крупу даже в июньский жаркий день, когда, свернувшись по краям, опадает с ивы жухлая, сухая, точно пыль, листва…

Уиллу Роту должно было исполниться шестнадцать лет. Он уже продумал, как будет справлять свой день рождения. Таков он был — находчивый и четкий перед лицом невзгоды, легкий и радостный в часы удачи. Уилл был предусмотрителен и деятелен — друг, на которого можно смело положиться. Одноклассников в день его рождения

будут ждать боулинг, заказанная на дом пицца и общее веселье. На все это Уилл не один месяц откладывал деньги и скопил достаточно — на случай, если у матери не хватит; однако сложилось так, что он мог бы не волноваться. Его маме досталось наследство. Умерли ее родители, и теперь Уилл с мамой, можно сказать, разбогатели. Во всяком случае — не бедствовали. Раньше им года два приходилось перебиваться на пособие, а в самом раннем детстве Уилл жил у деда с бабушкой, пока его мать исправляла ошибки растраченной понапрасну юности. Понапрасну — исключая его. Самого дорогого, что было у нее в жизни, — ребенка, с которым ей так неслыханно повезло. Единственного, кто у нее теперь оставался из близких.

Полученным наследством Эми воспользовалась, чтобы купить кооперативную квартиру прямо напротив того дома, где когда-то жила с несменяемой квартплатой ее бабка и откуда саму ее и Сэма выставили, когда он в один прекрасный вечер, уснув, устроил там нечаянно пожар. Она расплатилась по всем счетам, купила Уиллу скейтборд, обновила свой гардероб и вернулась в университет завершать образование. За время, минувшее с тех пор, мама Уилла стала учитель-

ницей и работала в Бруклине, в частной школе — на замене других преподавателей. Вела биологию и почвоведение. Уилл же, вслед за своим отцом, тяготел к изобразительному искусству.

Смерть, как теперь убедился Уилл, приносит не одно лишь горе. Чего-то ты с нею лишаешься, но что-то другое — приобретаешь. Его дед с бабушкой, например, даже после своей кончины продолжали что-то давать: позаботились обеспечить Уилла и даже открыть для него в сберегательном банке специальный счет на высшее образование. Он их любил; летом обычно жил у них на Лонг-Айленде и вообще проводил больше времени с дедом и бабушкой, чем обыкновенно проводят дети, — поскольку его матери, когда он родился, было слишком уж мало лет: всего семнадцать, а отец… словом, рассчитывать на отца не приходилось. Это Уилл усвоил очень рано. Оттого, быть может, и продолжал до сих пор так аккуратно обращаться с деньгами. И во всем прочем тоже вести себя очень аккуратно. Он знал, с какой легкостью у тебя может все отняться, буквально выскользнуть прямо из рук.

Родители его жили когда вместе, когда порознь — и в конце концов отец, по сути дела, ушел от них. Но все равно приходил, по крайней мере

на какое-то время, и мама Уилла неизменно позволяла ему без всякого предупреждения сваливаться к ним на голову — даже когда их с Сэмом дороги, строго говоря, уже разошлись. Принимала вместе с Сэмом и попугая — с условием, что, когда случаются подобные налеты, под клеткой, извлекаемой из стенного шкафа, расстилали бы газету. Уилл мог оценить, как далеко простирается доброта его матери: она терпеть не могла этого попугая, и он в свою очередь отвечал ей тем же. *Ты!* гаркал он, стоило Эми к нему приблизиться. *Вон отсюда!* скрежетал он негодующе.

С приходом отца все оживало и вспыхивало ярким цветом. Был случай, когда Сэм взялся расписывать стены в ванной комнате и разрешил Уиллу помогать, что завершилось для них обоих превращением на много дней в ходячий калейдоскоп, перепачканный масляной краской, которая никак не отмывалась. Иной раз, когда отец приходил, это заканчивалось ссорой между родителями; мама плакала, твердя отцу, *Когда ж ты уже повзрослеешь?* а Уилл чувствовал себя виноватым. Корил себя, что любит проводить время с отцом, который его даже ботинки надевать не заставлял! Порою босые ноги обжигал горячий асфальт. Порой под ногами лежали лед и

снег, и очень кстати пришлась бы пара ботинок. Но Уилл никогда не жаловался. Он умел радоваться и тому, что ему все же выпадает. В итоге вырос уравновешенный и деловитый паренек, темноглазый, с каштановыми волосами. Худой, долговязый и серьезный.

— А как у папы насчет близких? — спросил он однажды у матери, и она отвечала:

— Попугай — вот его близкие. Была когда-то сестра, но что с ней стало, не знаю. Так что в основном — попугай. — А потом прибавила: — И мы.

Однажды вечером, когда Уилл и Эми возвращались из магазина с покупками, — дождливым сереньким вечером, когда в воздухе тянуло сладковатой гарью, — Эми внезапно стала как вкопанная посреди улицы, выронив из рук пакеты. Уилл в первое мгновение подумал, что у нее схватило сердце — но нет. Мама глядела наверх. Там, на крыше, стоял его отец.

— Смотри хорошенько, в кого влюбляться, — сказала Уиллу тогда его мать. *Шу-у, полетели,* мелькнуло у него в голове. *И полетели только вниз…* — Не обязательно что́ тебе любо — то и благо. Запомни это.

У матери Уилла были черные, коротко стриженные волосы, и ходила она — кроме как на

работу — в джинсах и в футболке. На плече ее красовалась татуировка в виде розы: ошибка молодости, которую она не могла себе простить.

— Память о том времени, когда я дурью маялась, — говорила она Уиллу. — Ты только не вздумай себе-то завести такое. Тебе еще рано.

Уилл знал, что его родители в свое время пристрастились к наркотикам, что полюбили они друг друга безоглядно, не задумываясь о последствиях. Он видел, что мать потом сумела взять себя в руки, но отцу — так и не удалось, поэтому Уилл ничего от него и не ждал. Мать часто принималась возмущаться тем, какое тот безответственное существо; Уилл принимал это как данность, факт жизни — вроде того, что бывают птицы сизые, а бывают черные. Его отец был самим собой, вот и все.

Время от времени происходили неприятности. Сэм иногда показывался в школе, где учился Уилл, и это всякий раз оборачивалось скандалом. Когда он был в первом классе, Сэма пришлось выдворять насильно, с помощью полицейских. Во всяком случае, утверждали, что пришлось. Уилл мог бы и без них утихомирить одурманенного наркотиками отца — он уже пробовал и ему удавалось. *А ну-ка, два шага — и убежим, и спрячемся*

на лестничной клетке, в подземке, в подвале, в закусочной. Сэм был параноик. Уилл выучил это слово с малолетства. Он знал, что это значит, когда Сэм стоит на тротуаре напротив школы и кричит, что его сына собираются убить, что ему отовсюду грозит опасность. Уилл тогда подошел к окошку и наблюдал, как забирают его отца. Шуми, кричи, хоть надорвись — будет только хуже. Если бы можно было составить для отца памятку: *пригнись пониже, разожми и свесь руки, чтоб не сломались как спички, — не сопротивляйся…*

Когда отец Уилла не подчинился, его повалили на землю; один полицейский уселся на него верхом, другой, заломив ему руки назад, надел наручники. На тротуаре виднелась кровь — или, быть может, это остались следы краски. Потому что отец Уилла был замечательный художник — правда, денег ему за это не платили. Уилл надеялся, что в полиции его отцу не причинят вреда, что там поймут, кто он такой. У папы Уилла имелась собственная система верований. Он верил в существование лиходеев, в карты, составленные из слез, в города, порожденные белым порошком, в укрытия, подаренные тебе иглой. Веровал в то, что существуют небеса — там, в вышине, поверх царства повседневности, — не могут не

существовать. Ибо то, что есть здесь, вокруг, — не подлинный мир. Эта кошмарная площадка бытия. Эта равнина, по которой мы топаем.

Папа Уилла мучился, он терзался, страдал. Он совершал дурные поступки — такие как воровство; он был рабом героина. Уилл понимал, что́ совершают с человеком наркотики: они разнимают его на части, раз за разом, покуда от него не останется одно лишь сердце. И все же — у кого еще найдется такой отец, который из-за тревоги о сыне бежит вверх по школьной лестнице с криком, что готовится злодейское похищение? Какой другой отец пойдет на то, чтобы его поволокли прочь, затолкали в полицейскую машину, заковали в наручники, скрутив ему руки, словно крылья, — а он будет оглядываться из окна и все рваться на защиту любимого сына?

А потом отец Уилла погиб. Без предупреждения, без видимого повода. Был обычный день; Уилл сидел у себя в комнате и готовил уроки. Писал сочинение о великих религиях мира — и вдруг увидел, как что-то пролетело за окном. Самые дикие догадки пронеслись у него в голове — что обрушилось небо, что наступил конец света. Или на город напали враги. Такое уже случалось — а значит, могло случиться снова. Отец рассказывал

ему, что находился тогда так близко от Центра международной торговли, что его засыпало пеплом, и он хранил баночку с этим пеплом в своем рюкзаке как напоминание о том, насколько близок был конец. Возможно, то же происходило и теперь. Десятая авеню стала линией фронта. На грузовики, на автобусы, на тротуары падают обломки неба, калеча каждого, кто сдуру решился выйти из дому.

На что ему употребить немногие последние минуты, если это и правда окажется конец света? Уж конечно, не на домашнее задание. Это понятно. Уилл вернулся к письменному столу и написал, *Я люблю тебя,* не вполне сознавая, кому оставляет это послание. Оно просто взялось откуда-то само собой. Обращенное ко всей вселенной — ко всему, что было до сих пор и чего больше нет. К каждому дню, каждой минуте, каждой молекуле.

Кто-то забарабанил в парадную дверь, и Уилл услышал, что ее открыли. А после услышал рыдания своей матери. Чужие звуки, исходящие словно бы не от нее. Напоминающие скорее о стекле, разбитом вдребезги, на мелкие осколки. Звуки, несвойственные человеческому горлу. Уилл замер, слыша, как у него бьется сердце. Там, за стеной, происходило что-то неладное. К нему

постучали. Комната у него была маленькая, с одним окошком и широкой постелью-голубятней, сооруженная из двух стенных шкафов, между которыми убрали перегородку. Уилл сидел за письменным столом под этой голубятней, глядя на то, что написал. Тут даже почерк был не его. Он вдруг подумал — а вдруг это послание не от него, а к нему?.. В дверь вошла мать. Уиллу было в ту пору десять лет, но всякий при взгляде на него в эту минуту решил бы, что он старше. Он поднял глаза на Эми. Теперь он знал, что это рухнуло вниз не небо.

Назавтра его мама пошла к врачу за лекарством, которое помогло бы ей унять слезы. За одну ночь она стала выглядеть на столько лет, сколько ей было на самом деле, — возможно, разом догнав свой возраст и внутренне. С Сэмом Муди судьба свела ее, когда ей было пятнадцать, — на автобусной остановке на Сорок третьей улице. Казалось, минуты не прошло с того дня, когда она сидела там, прислонясь к стене, — в солдатских башмаках, зеленой, в шотландскую клетку, юбке и свитере, украденном в магазине «Лорд и Тейлор», — подумывая, не завести ли себе татуировку на плече, подумывая, что хорошо бы влюбиться, но так, чтобы по уши, без памяти.

Тогда-то он и сел рядом с ней — вот так, словно пришел на ее зов. Сэм улыбнулся, и ей подумалось — уж не таким ли образом ангелы заявляют о себе простым смертным? Садятся рядом и переворачивают вверх дном твою жизнь. Сэм сказал, *Привет, кольнуться не хочешь?* А Эми услышала, *Ух ты, погибнешь с такой красоткой!* Теперь же, после его смерти, вышло наоборот. Это она теперь погибла вместе с ним — безвозвратно. Сэм приходил к ним ночевать на их диване, жил вроде бы с ними, а вроде нет. Она привыкла полагаться на его непредсказуемость, хоть это и несколько своеобразный способ планировать свою жизнь. Но он всегда возвращался. По крайней мере — до сих пор. Вот почему, вероятно, ей сейчас не удавалось остановить свои слезы: утратив Сэма, она утратила и себя, ту девочку, какой была когда-то, — бесстрашную, которая очертя голову, без тени колебаний влюбилась на автобусной остановке «Порт-Оторити».

Когда Эми ушла к врачу, Уилл приготовил себе поесть, но выяснилось, что есть он не может. Желудок не принимает. К Уиллу упрямо возвращались мысли о несбыточном. Упрямо представлялось, будто вот-вот в дверь постучится отец, и все снова пойдет по-прежнему. Уилл

никогда не рассказывал матери, что знает, где живет его отец, когда исчезает от них. Сэм один раз водил его туда — и даже такому, как Уилл, ясно было, что это просто жалкая дыра. Сначала там нужно было спуститься в подвал и уж оттуда взбираться наверх по металлической лестнице. Люди там жили в комнатах без дверей. Уилл и Сэм все поднимались без конца на самый верх. Сэм нес с собой попугая; попугайчик был маленький и умещался в кармане пальто. Его семья, поверенный его дум. Сэм часто разговаривал с попугаем, и прохожие на улице шарахались от него.

Ну, выбирай себе дверь — любую, сказал ему отец, когда подниматься стало больше некуда. Но никаких дверей не было — были загаженные клетушки без дверей. На полу валялись тюфяки, кое-где прикрытые постельным тряпьем; из батарей отопления сочилась вода. Воняло плесенью и мочой.

Куда пойдешь ты, папа, — туда и я.

А знаешь, такого я еще никогда ни от кого не слыхал. Отец прямо в прихожей опустился на пол. Уилл сел напротив. Он знал, что другой никогда не привел бы своего сына в такое место, но его отец мог быть лишь самим собой — таким, какой есть.

Здесь могут сотворить что-нибудь над тобой, сказал Уилл. *Я не хочу, чтобы ты пострадал.*

Ну, а назавтра после несчастного случая — в день, когда Уилл приготовил себе сандвич, который так и не смог взять в рот, — к нему пришел незнакомый человек. В дверь постучали, и на мгновенье у Уилла блеснула безумная надежда, что это вернулся отец, хотя он и знал, что такого быть не может. Он пошел открывать; на площадке стоял высокого роста мужчина в сером костюме. Мужчина, старше его отца и какой-то усталый, словно пешком одолел миллион ступенек. В нем смутно чудилось что-то знакомое, но что именно, Уилл не понял.

Мужчина назвал его отцовским именем.

Отца здесь нет, сказал Уилл. *Может, зайдете? Скоро мама должна прийти.*

Мужчина пробормотал что-то неразборчивое, повернулся и пошел прочь. Уилл шагнул было следом, но тот уже успел спуститься с лестницы. Уилл подумал, что это, может быть, кто-нибудь из отцовских приятелей — вид у него был потерянный и он трудно дышал. Уилл вернулся назад в квартиру и выглянул в окно. Пожилого мужчины видно не было — зато он заметил краем глаза, как в воздухе промелькнуло что-то зеленое.

Даже теперь, через пять с лишним лет, он нет-нет да и попадался Уиллу на глаза. Вспышка красок, взмах перышек. В день, когда погиб отец, его попугайчик улетел на волю. Притом Уилл был не одинок. В Челси люди видели попугая на крышах по всей Двадцать третьей улице; где-то еще люди божились, что он был замечен в вестибюле их дома, где-то — что спал у них в подъезде по ночам, когда на улице шел снег; другие наблюдали, как он примостился на оконном карнизе или использовал в качестве насеста водонапорную башню.

Попугаи, как Уиллу было известно, могут жить до ста лет, а то и дольше — взять хотя бы знаменитого любимца Черчилля. Уилл долгое время расставлял на крыше своего дома западню: прилаживал под опрокинутой бельевой корзиной банку с зернами, виноградинами и кусочками моркови — сядет птица, а корзина упадет и накроет ее. Один раз попалась крыса, другой — парочка голубей и горлица, и на том Уилл поставил точку. Не мчался больше в Бруклин или Квинз в ответ на каждое сообщение о залетном попугае. Был случай, когда он обнаружил гнездо, но попугайчики в нем жили красного цвета — совсем, совсем не то. И все равно он не переставал смотреть на

небо. Постоянно. Друзья даже прозвали его звездочетом — хотя какие уж там звезды увидишь в Челси, — но Уилл поглядывал все-таки наверх, это правда. Ему просто свойственно было не терять надежды — не теряя при этом, впрочем, и головы.

Мать сказала ему, что произошел несчастный случай, и Уилл делал вид, будто верит. Таков уж он был по натуре, и Эми была ему благодарна. Она полагала, что Сэм знал, какой у них потрясающий сын. Вопреки всему, они принесли в этот мир нечто доброкачественное. В том, быть может, и состояло их назначение, их общая задача: произвести на свет такого парня, как Уилл.

А сегодня был день его рождения. Ему исполнялось шестнадцать — на год больше, чем было Эми, когда на автобусной остановке она приняла решение, перевернувшее вверх дном ее жизнь. Уилл, по сравнению с ней, был куда более чистым. И куда более цельным. Почти шесть лет без отца. Едва ли назовешь ребенком. Каждый год с наступлением весны Эми и Уилл, взяв напрокат машину, ехали в Коннектикут — на кладбище, где был похоронен Сэм. Он-то хотел, чтоб его сожгли, но они с Эми так и не собрались пожениться, и у нее по закону не было права решать; эту заботу

взял на себя его отец — отец, который никогда в жизни не брал на себя никаких забот, тем более — заботы о сыне.

Во время первой их поездки на Архангелово кладбище Эми предложила, чтобы Уилл, как принято у евреев, оставил на могиле отца камушек. Так они делали, бывая на могиле ее родителей на Лонг-Айленде. С тех пор Уилл каждый год привозил своему отцу камень, причем не просто какой попало. Это был всякий раз чудо-камень, плод многодневных поисков — камень, который отец оценил бы по достоинству. Сначала — белый, найденный в Нью-Гэмпшире, где они с мамой гостили у одного ее знакомого, за которого она вроде бы собиралась замуж, но что-то там у них не сладилось. Потом — зеленый, с Кейп-кода; черненький из Центрального парка; голубоватый, переливчатый, выковырнутый им из-под сосны во время прогулки с дедом на Лонг-Айленде. А еще — кусок гранита с тротуара на Десятой авеню. Последний камень — серебристый, блестящий — был найден на полу в Музее естественной истории. Возможно — какая-нибудь важная деталь, отвалившаяся от экспоната: от образца лунной породы или доисторической окаменелости, а может быть, и уличный, бросовый, приставший

к подошве какого-нибудь посетителя. Во всяком случае — загадка, вот что главное. Отцу он должен был понравиться больше всего.

— Как жаль, что Сэм тебя не видит, — сказала Уиллу мать в день его рождения. — Такого взрослого. — Все его товарищи уже явились в полном составе и собрались за столом. Заказаны были шесть пицц с разнообразной начинкой. Уилл подошел обнять свою маму, и она почему-то всплакнула.

— Балда, вот почему, — объяснила Эми, с улыбкой утирая слезы. Вся дурь, которой она маялась в юности, давным-давно выветрилась. Сегодня думать о том, чем она была в ту пору и что вытворяла — мотаясь по всей стране автостопом, живя у чужих людей, глотая таблетки, то увеличиваясь под действием наркотиков, то съеживаясь, лишь бы не оставаться такой, как есть, — было все равно что вспоминать полузабытую от долгой разлуки сестру. Шалую. Без царя в голове. Какой она, чего доброго, оставалась бы и по сю пору, если б не забеременела Уиллом.

— Нормальная сумасшедшая мама, — сказал Уилл.

Он знал, что мама у него — хороший, душевный человек. Может быть, не всегда и не во всем пра-

ва, но уж конечно не балда. Просто отказывается подчас смотреть в глаза правде. Как, например, — правде насчет его отца. Отец случайно сорвался с крыши. Так ей хотелось думать. В день, когда Сэм повел Уилла в обшарпанную дыру — в здание без дверей и с лестницей, ведущей в никуда, в трущобу, где он обитал, когда исчезал от них, когда способен был думать только о наркотиках, — в тот день, когда они, соприкасаясь коленями, сидели там в прихожей на грязном полу, Сэм наклонился очень близко к сыну. Пахло от него — учитывая, что он тогда едва ли часто мылся — очень приятно. Свежим воздухом, зеленой травой.

Куда пойду я — тебе нельзя, сказал он Уиллу. *Ты это знаешь, правда? И никому нельзя.*

Возможно, это был минутный порыв, возможно — план, продуманный заранее, а может быть, это сбылась мечта.

Туда нужно идти в одиночку, сказал в тот день Уиллу отец там, в прихожей.

Ниже этажом кто-то буянил — то ли спьяну, то ли от наркоты, — но Уилл с Сэмом не обращали внимания на галдеж. Уилл кивнул в ответ отцу; он все понял. У кого-то есть выбор, а у кого-то — нет. Он понял это тогда, понимал и теперь, спус-

каясь весело по лестнице в шумной компании своих отяжелевших от пиццы гостей — праздновать дальше день рождения. Отпраздновать еще один год, так славно прожитый в этом мире.

Бланка все-таки явилась в дом, где справляли поминки, но машину тогда вела Мередит. Теперь же, на следующий день, Мередит уехала, вернулась в лоно собственного семейства, и добираться до этого дома одной было сущее наказанье. Бланка моментально заблудилась. Старалась придерживаться пути, который когда-то знала наизусть, находя верную дорогу даже в потемках, когда катила домой на своем велосипеде. Однако сейчас все изменилось. Старые деревья — срубили, понастроили новых зданий; по тем местам, где прежде расстилались луга, пролегли шоссе, ведущие к жилым кварталам; все, что было на одной стороне, словно бы переместилось на другую.

Бланке нынче, вместе с ее мачехой и сводной сестрой, предстояла встреча с Дэвидом Хиллом, отцовским адвокатом. На дворе по-прежнему держалась жара, и Бланка обзавелась в городе подходящим к случаю платьем, а заодно — белыми боносожками-шлепанцами и кое-чем еще из летней одежды. Распустила волосы. Шею ей

каменными каплями холодили жемчужины материнского ожерелья. Ей дважды звонил в гостиницу Джеймс, но оба раза не заставал ее. В разлуке с ним было пусто и тоскливо, и все же Бланка ему не отзвонила. Она была в воздушном пузыре. Совсем одна. Ехала в дом своего детства, опустив окна из опасения пропустить нужный указатель, — и все-таки опоздала на час с лишним. Ее пугала эта встреча. Одно дело — из года в год избегать общения с отцом, и другое — вернуться в дом, где его больше нет.

Стеклянный Башмак в этот летний день горел на солнце, слепя глаза. Бланка поставила машину и пошла к дверям. Дорожка была все так же выложена белой галькой, округлыми камешками, которые похрустывали под Бланкиными шлепанцами и скользили, мешая удерживать равновесие. Сегодня должны были обнародовать завещание Джона Муди. Занятно: она как-то не задумывалась о другом значении этого слова — наказ, воля, заветное желание.

Она открыла дверь; Синтия обняла ее и потянула в прихожую. Единственное во всем доме темное, глухое помещение.

— Не самый счастливый день, — сказала Синтия.

— Не самый.

Разве в доме и раньше было эхо? Они ступали по коридору, и в воздухе явственно повторялись шлепанье по половицам ее босоножек и четкий стук Синтиевых каблучков.

Лайза и адвокат ждали их в гостиной. Вся обстановка выглядела в высшей степени официально. Чересчур официально для свободного платьица и белых шлепанцев. Все поздоровались, кроме Лайзы. Лайза — долговязая и угловатая, словно поблекшая от горя — держалась так же, как раньше. Окинула Бланку взглядом и быстро отвела глаза.

— Итак, приступим, — сказал адвокат. — Свой дом и половину состояния Джон, как нетрудно догадаться, оставил Синтии. Другая половина его имущества разделена на равные части. Сумма весьма внушительная. Треть достается Лайзе, треть — Бланке.

— Но нас только двое, — сказала Лайза.

— Да, кто же третий? — спросила Синтия.

Дэвид Хилл протянул Бланке большой конверт.

— Этим поручено заняться вам. Так просил ваш отец.

— Какая-то ошибка, вероятно, — предположила

Бланка.

— Никакой ошибки нет.

Синтия и Лайза промолчали — только придвинулись ближе друг к другу. Ясно было, что обе думают одно и то же. При чем тут Бланка? Или у Джона Муди были соображения, о которых им неизвестно? Может быть, он оплачивал содержание в инвалидном доме старушки-тетки своей первой жены? Или же это что-нибудь и того хуже? Любовница, ребенок на стороне?..

— Вскрыть можете здесь, а можете — наедине с собой, — продолжал Дэвид Хилл. — Это на ваше усмотрение. Как только все формальности, связанные с имуществом, будут улажены, на каждое из трех упомянутых лиц будет открыт счет в банке. Для Лайзы, помимо этого, особо предусмотрены средства на обучение — таковых, на сегодняшний день, с избытком хватит, чтобы получить желаемое образование, ни в чем себя не ограничивая.

Бланка сунула конверт в сумочку. Его не только скололи скоросшивателем, но и заклеили скотчем. Что-то скрывалось за подобными предосторожностями. *Держи кота в мешке, не выпускай. Он царапается, он кусается, мышку схрупает — не раскается.*

— Ты не вскроешь конверт? — Лайза всем телом подалась вперед. Она была одета в ту же, что и на похоронах, черную юбку с черной блузкой. Высоким ростом Лайза пошла в Джона Муди, но ей досталась от матери тонкая кость. Сочетание получилось необычное, трудно было сказать — о хрупкости оно свидетельствует или о недюжинной силе.

— Потом, наверное, — сказала Бланка. — Сейчас, по-моему, не очень кстати.

— Но мы же имеем право знать, что это за третье лицо, — сказала Лайза матери. — Ведь правда?

— Я думаю, нам пора закусить, вот что. — Синтия поднялась и знаком пригласила всех за собой на кухню.

— Но, мам! Бланка ведь даже не показывалась сюда к папе! Уехала — и с концами!

— Она была здесь, когда тебя еще в помине не было, — сказала Синтия. — Всему, что нужно знать о детях, я научилась, ухаживая за ней. Ей было всего восемь месяцев, когда я переехала в этот дом. Поэтому лучше помолчи.

— Серьезно, Синтия? Вот уж не догадывалась, что ты нам с Сэмом посвящала столько заботы!

Ты переехала в этот дом удобства ради, едва не сорвалось с языка у Бланки. *Чтобы отцу не*

нужно было таскаться к тебе тайком через газон среди ночи. Ей было холодно. Может быть, из-за жемчуга на шее. Или из-за того, как свирепо буравила ее глазами Лайза. Синтия, напротив, предпочла пропустить ее шпильку мимо ушей.

— У меня уже и сандвичи на ланч готовы с яичным салатом, — сказала Синтия. — Дэвид, вы как, останетесь? «Кровавые Мэри» тоже найдутся.

— Грех был бы отказаться, — отвечал Дэвид Хилл.

Адвокат, добродушный крупный мужчина, был партнером Джона Муди по гольфу с тридцатипятилетним стажем. Вдовцом, который рад был случаю угоститься домашними сандвичами и добрым стаканом «Кровавой Мэри» и уже положил глаз на Синтию.

— Что ж, ты добилась своего, — сказала Лайза. — Расстроила все-таки мою маму.

— Да неужели?

В Бланке шевельнулась совесть: как-никак, Синтия пробыла замужем за ее отцом гораздо дольше, чем ее родная мать. Ей вдруг припомнился случай с выступлением в балетной школе, к которому она готовилась буквально день и ночь. Было ей в то время лет шесть. Сэм мало-помалу выучил половину ее программы и — то на газоне,

то в гостиной — повторял следом за ней ее движения. И у нее тогда мелькнула ужасная мысль, *Хорошо бы он не пришел на выступление, а то ведь все испортит!* Перед тем как ехать на концерт, Синтия на минутку отвела ее в сторону. *Не волнуйся,* сказала она. *Сэм уснул. Его там не будет.*

— Веселишься, что папа завещал больше тебе, а не мне? — сказала Лайза.

— С чего ты взяла? Тебе же отойдет все то, что получила твоя мать, а та третья доля назначена не мне, кому-то другому. Так что ошибочка у тебя вышла, Лайза. Не надо передергивать.

Лайза подошла к ней вплотную. Бланке почудилось на миг, что сводная сестра развернется и залепит ей оплеуху. Поделом, откровенно говоря.

— Послушай, что я тебе сделала? — сказала Лайза.

— Ничего.

— Ты же со мной даже не разговаривала никогда! Вела себя так, словно меня здесь просто нет.

— Вообще-то, это меня здесь не было. По крайней мере, я только о том и мечтала.

— Хотя — какая разница! Его любимицей все равно была я, — сказала Лайза.

В эту минуту Бланка ненавидела свою сестру. Завидовала долговязой несчастливой девочке,

которую действительно любил ее отец.

— Ну что же, браво! — уронила она равнодушно. — Когда дойдет до твоего собственного памятника, рекомендую начертать, *Здесь лежит та, которую папочка любил больше.*

— Да и с чего бы ему любить тебя? Тебе же он, по-настоящему, и отцом-то не был.

Лайза, как видно, имела привычку грызть ногти: каждый ноготь окаймляла кровавая полоса. Нервы у девочки. Где-то поблизости косили траву, с улицы доносился приглушенный стрекот мотора. К горлу Бланки подкатила тошнота. Время разом остановилось.

— Ты ведь это знала, верно? — Лайза впилась в Бланку взглядом, ожидая ее реакции. Сама она услышала это от одной из приятельниц матери — оказывается, многие в городе сумели вычислить, каково истинное происхождение Бланки. Когда же Лайза потом подступила с расспросами к Синтии, та словно воды в рот набрала, и стало окончательно ясно, что это правда… Лайза всадила ножик еще глубже, подбираясь ближе к больному месту. — Да и кто ж этого не знал!

— Не зря я тогда не желала иметь с тобой дела, — сказала Бланка. — Ты была противным ребенком.

Вовсе нет. Лайза была покладистой, услужливой девочкой, готовой пойти за Бланкой хоть на край света, если б только ей дали шанс. И все-таки врезать ей стоило, чтобы вперед неповадно было врать.

— Твой настоящий отец занимался в городе уборкой помещений или чем-то вроде, — сказала Лайза. — А еще он продавал собак.

На Бланку вдруг повеяло правдой — она прочла ее по лицу Лайзы. *Худо дело. Кончай с ней разговаривать. Уходи.*

— Не веришь, спроси у моей мамы, — прибавила с явным удовольствием Лайза. — У кого хочешь спроси. Это правда.

— Лайза! — За ними пришла Синтия. Она держала поднос со стеблями сельдерея и оливками. Лицо у нее пошло пятнами. Лайза подскочила к матери.

— Скажи ей!

В небе скопились кучевые облака; сквозь портик в гостиной видно было, как они мчатся друг за другом, все ускоряя свой бег.

— Да, говори, — сказала Бланка. — Ну давай.

— Бланка, она еще ребенок!

— Не выставляй меня вруньей! — крикнула ей Лайза. — Скажи!

— Давай же, Синтия.

Синтия виновато пожала плечами. Бланка не сводила с нее глаз, пораженная ее замешательством.

— Синтия!

А что, может быть. Так значит, он и отцом мне не был… Бланка почувствовала, что спина у нее взмокла от пота — даже под легким летним платьем, даже при том, что в доме работал кондиционер.

— Ты скажешь или нет?

Синтия все молчала; Бланка схватила свою сумочку и вышла за дверь. Птицы в кустах живой изгороди расщебетались напропалую. Где-то над головой пролетал реактивный самолет. Бланка ничего не слышала. У нее наглухо, до боли, заложило уши. Из дома вслед за ней вышла Синтия. Бланка оглянулась.

— Это был Джордж Сноу. Твоя мать любила его. Но отцом тебе был Джон Муди. В этом — можешь не сомневаться. И он тебя любил.

Бланка отвернулась от мачехи и, огибая дом, пошла по выложенной камнями дорожке. В легкие ей словно попало битое стекло. Было ли ей когда-нибудь так трудно дышать? Как жарко в этом летнем платье. Вся кожа горит.

Вот задний дворик, где встретил свою кончину Джон Муди. Вот и газон, где с Бланкой танцевал как-то вечером Сэм. Здесь — перед тем как Мередит первый раз привела к их дому Дэниела и застала их сидящими в темноте за столиком — она наблюдала, как Сэм вкалывает в себя иглу. *Это совсем не больно,* сказал ей Сэм. *Кольнет, и все дела.*

Проклятье, думала Бланка. Все на поверку — не то и не так. В том числе — чья ты плоть и кровь. Вот куда приводит тебя алая карта — куда ты и вообразить не могла: в дом, где ты выросла, к началу твоих начал. Бланка положила свою сумку на край дворика и подошла к бассейну. Зеленая прохлада. Мередит рассказывала ей когда-то, что нашла правду о себе в бассейне, плавающей в темной воде. Бланка скинула шлепанцы и села у бассейна. Чему-то в этот день настал конец. Может быть, она сюда никогда уже не вернется. Больше всего сейчас Бланка жалела, что не помнит своей матери. Она расстегнула ожерелье и окунула его в воду. Что будет, если отпустить — поплывет или утонет? Выведет ли на поверхности воды имя того, кто был любовью ее матери, а ей — родным отцом, или просто поплавает немножко и камнем пойдет на дно?

Она разжала руку. Ожерелье сразу же погрузилось в воду и мгновенно потонуло. Бланка — прямо как была, в новом платье, — нырнула следом. Удивительно, как быстро можно чего-то лишиться. Она поплыла поперек бассейна по самому дну, заставляя себя продвигаться все дальше, хотя ей уже не хватало воздуха. Шарила рукой по бетону, покуда не нащупала свой жемчуг — последнее, что у нее еще оставалось; единственное свидетельство, что существует все-таки нечто прочное, неподдельное — такое, чего стоит искать.

Бланка вскрыла конверт не сразу — уже в гостинице, выйдя посидеть на задний двор. Вечерело; небо подернулось розоватым туманом. Промокшее платье она сняла и повесила сушиться в ванной комнате, а сама надела шорты и футболку. От волос, все еще влажных, пахло хлоркой. Она пока так и не согрелась до конца. Слишком уж густо ложились в Коннектикуте к вечеру синие тени; температура резко менялась за несколько минут. Бланка положила оставленный отцом конверт на кованый садовый столик и сперва полюбовалась пчелами, снующими в цветках рододендрона. *Любит — не любит.* Хорошо было остаться одной. Такая зелень разливалась вокруг.

Так благоухала трава повсюду.

Бланка не представляла себе, что́ находится в конверте. Там могло оказаться что угодно: змея, рубин, признание в совершенном преступлении, ключ, обломок угля. Письмо в конверте было написано от руки и датировано числом почти пятилетней давности, вскоре после гибели Сэма. Джон Муди хранил его в ящике письменного стола, а потом, за несколько месяцев до смерти, переправил в контору адвоката. В последний день, прожитый им на земле, сознание, что это письмо существует, служило ему утешением, как он на то и надеялся. Он мысленно рисовал его себе: конверт, лист тонкой бумаги, вложенный в него; синие чернила, слова, написанные его рукой.

В конверте было что-то еще. Бланка вытянула из него фотографию своей матери. Фотография была выцветшая, потрепанная: Джон Муди тридцать семь лет носил ее в своем бумажнике. Арлин в белом платье стояла, прислонясь к перилам, на палубе парома и улыбалась в объектив; за нею полоскались на ветру ее рыжие волосы. Ей было семнадцать лет — просто девчонка, но озаренная сияющей улыбкой. На обороте — надпись чернилами: *Арли на пароме в день после нашей*

свадьбы.

Бланка развернула письмо. С таким ощущением, будто сдирает кожу, обтягивающую плоть. Бумага потрескивала, как пламя пожара.

Я должен был поговорить с тобой, но не знал, как начать. Я хотел сказать тебе про Джорджа Сноу.

Когда Бланка ездила вместе с Мередит на кладбище, она заметила, что под деревом находятся три могилы. Одна — ее матери, с квадратной маленькой плитой, уложенной на землю; памятная Бланке с детства. Другая — Сэма, лишь с его именем и годами жизни, задуманная так же просто, но изукрашенная, наперекор задуманному, буйным разноцветьем камней, словно земля, в которой Сэм покоился, знала: такому, как он, требуется нечто большее, чем кусок серого гранита.

Погляди, сказала она Мередит. *Сэму это пришлось бы по вкусу. Стиль рок в камне.*

Третья могила была чуть отступя; Бланка решила походя, что она принадлежит какой-то другой семье и расположена так близко по чистой случайности. Не придала ей значения. Сейчас стало ясно, отчего ее отца похоронили не там. Его место занимал другой.

В молодости человек бывает глуп; со мною

это затянулось надолго. Взгляд твоей матери обратился к Джорджу Сноу. Он так и не был потом женат, не завел других детей. Три года назад он умер: лейкемия. Я был у него в больнице, принес показать твои фотографии. Он попросил оставить их ему.

Я говорил, что он может гордиться тобой. Оказалось, что для него это не новость. Он ходил на концерты, когда ты выступала, на школьные собрания, следил за каждым твоим шагом по жизни. Я не рассказал тебе об этом, потому что боялся тебя потерять. Сам я был, к сожалению, ужасным отцом.

Ты, судя по всему, умела понимать Сэма — так, может быть, отыщешь в своем сердце способность понять и меня.

У Сэма есть сын. Я видел его один раз. Я хочу оставить ему после себя столько же, сколько получат мои дочери. Адрес его ты найдешь на обороте этого письма.

Теперь — о том, чего я не говорил никому: когда твоя мать умерла, меня с ней не было. Я был на улице, во дворе. Светило солнце, день был прекрасный. Не верилось, что она действительно уходит. Я в это отказывался верить.

Наверху, в ее комнате, был Джордж Сноу, и я

слышал, как он рыдает. Посторонний, в сущности, человек. Но когда я оглянулся, то увидел, что она — рядом со мной, на траве. В том же платьице, что на фотографии. Она не проронила ни слова — ни тогда, ни потом, — но я знал, что она мне говорит: Отпусти меня.

Я и пытался, но ничего не получалось. В тот миг, увидев ее, я понял то, чего до тех пор не знал. Что с первой минуты и до последней это была она. Та самая, единственная, — а я об этом и не догадывался.

Я пробовал сделать то, о чем она просит, но не смог. Я так и не отпустил ее.

Твой отец.

Пока смеркалось, Бланка все сидела у стола. В гостиничном ресторане шло веселье. Кто-нибудь получил диплом или, возможно, обручился. Она думала о Джордже Сноу, который любил ее мать. Об отце — как он написал письмо и годами потом хранил его в своем столе. О том, как стоял на крыше Сэм, а Джон Муди топтался в растерянности на газоне.

Потом Бланка поднялась наверх и сожгла письмо в раковине ванной; на фарфоре остался голубой налет, который пришлось долго оттирать. Ей не хотелось, чтобы оно принесло кому-то

боль. Неудивительно, что конверт скололи скрепками и заклеили: письмо было меньше всего предназначено для глаз Синтии. Для нее брак с Джоном сложился удачно, а в жизни бывает такое, о чем разумнее умолчать. У всех и без этого хватает горя. Но фотографию Бланка сохранила. Положила ее к себе в бумажник.

Она припомнила, что на концертах в балетной школе и правда сидел в заднем ряду Джордж Сноу. Высокий блондин, который всегда ей хлопал. Естественно было бы, наверное, негодовать, что ее держали в таком неведении, но она поймала себя на том, что горюет по Джону Муди. Что пусть он и был ужасный отец, но все же здесь, в Коннектикуте, куда она отказывалась приезжать столько лет, ей без него так плохо, как она и подумать не могла.

Потом, когда она укладывала вещи, к ней в номер кто-то постучал. Лайза… Бланка в недоумении остановилась у двери.

— Если не пригласишь войти, я пойму, — сказала Лайза.

Иметь водительские права Лайзе было рано — стало быть, все семь миль до гостиницы она шла пешком. И вот стоит, расчесывая на себе комариные укусы. И выглядит моложе своих

шестнадцати лет.

— Ты хотела ужалить меня побольнее — и ужалила, — сказала Бланка. — Теперь дело сделано, так что давай уж заходи.

Бланка вернулась к своим сборам. Укладывать было, собственно, не так уж много. Она не предполагала задерживаться здесь ни на минуту дольше, чем надо.

Лайза подошла ближе. Озиралась исподлобья, распространяя аромат табачного дыма и средства от москитов.

— Прямо сейчас уезжаешь?

— Поеду в Нью-Йорк сегодня. Самолет у меня, правда, послезавтра. Охота, откровенно говоря, убраться к чертям из Коннектикута.

— Мне тоже, — хмуро бросила Лайза, плюхаясь в кресло с подголовником. Она вытащила пачку сигарет. — Я закурю, не возражаешь?

— Кури ради бога.

Бланка взяла с комода стакан вместо пепельницы.

— Не любил он меня больше, чем тебя, — сказала Лайза. — Такую гадость я ляпнула, что хуже некуда.

— Да нет, сказать, что он мне не отец, будет похуже.

— Ты права. Возможно, просто хотела привлечь твое внимание.

Бланка усмехнулась.

— Ну что же, привлекла.

Лайза глубоко затянулась.

— Тебе вредно курить, — заметила Бланка.

— А Сэм курил?

— Сэм делал все, что ему вредно.

Бланка подвинула к ней стакан; Лайза затянулась последний раз и погасила сигарету. Переменила положение, подобрав под себя ноги. Видно было, что она очень стесняется своего высокого роста.

— Все по очереди снялись с места и исчезли. Остались одни мы с собакой. Вообще, считалось, что это твой пес. Тебе его подарил этот Джордж Сноу, но когда ты укатила учиться, ты его бросила и за хозяйку осталась я. Я его любила. Ты хотя бы кличку-то его помнишь?

— А как же, — сказала Бланка.

— Его звали Шустрик. — Лайза заплакала. Она зажала рот рукой, заглушая свои рыданья.

— Да знаю я, как его звали! Просто вылетело на минуту из головы. Ну и что же случилось с Шустриком?

— Уже восемь лет как умер. Вот видишь? У тебя

даже мысли о нас не было!

— У меня была одна лишь мысль — как бы вырваться отсюда.

— И у меня сейчас такая же! Я ненавижу этот дом! Живешь в нем словно в птичьей клетке. Ну ничего, еще тринадцать месяцев — и тю-тю в университет. Тринадцать месяцев и четыре дня. Но это только при условии, что буду присутствовать на выпускном вечере. Не поприсутствуешь, так Син, пожалуй, такое мне устроит!

Обе прыснули. Лайза утерла слезы и высморкалась, пользуясь подолом футболки.

— Как мило, — сказала Бланка. — Мадам Утринос.

— Как же я только не старалась в детстве хоть чем-нибудь завоевать твое внимание! Ты была такая неподступная! Такая вредная!

— Я была очень несчастна.

— Это все Сэм. Ты тосковала по нему. — Лайза оглянулась по сторонам. — Бар тут у вас имеется?

— Ждешь, что я позволю тебе напиться?

— А что, ты не такого сорта сестра?

— Чаще всего — не такого.

В городе Бланка купила, помимо прочего, маленькую бутылку водки. Она плеснула из нее

немножко в два стакана.

— Ой, ужас! — Лайза отхлебнула самую малость и сморщила нос. — Содовой не найдется, разбавить?

Бланка принесла из ванной комнаты воды из-под крана и долила Лайзе в стакан. Она не забыла, как сама торопилась стать взрослой, веря, что от этого все переменится.

— Ты что будешь делать со своим наследством? — спросила Лайза, потягивая напиток, состоящий по преимуществу из воды.

— С долгами расплачусь. Может быть, полностью выкуплю книжную лавку и буду до конца разоряться уже самостоятельно. А на оставшееся — если что-то еще останется — накуплю себе шмоток из чистого кашемира! А ты?

— Истрачу на медицинское образование.

— Вот это, я понимаю, вертихвостка! — Бланка кончила складывать вещи. Одним глотком допила свой стакан и затянула «молнию» на дорожной сумке. — У Сэма остался сын. Это ему назначена третья доля. Пусть у тебя не будет впечатления, что существует некая зловещая тайна.

— Я Сэма почти не помню. Видела его раза два, по-моему, когда была совсем маленькая. Приятно знать, кому пойдут эти деньги.

— Наверно, я была паршивая сестра.

— Опустим это «наверно»!

Бланка присела на край кровати. Кто мог подумать, что у нее, выходит, есть столько общего с Джоном Муди…

— Ну что же, тогда прости.

— Ага, сейчас! Ты бросила нас с песиком одних. Подохни и я с ним вместе восемь лет назад, ты бы, скорей всего, и знать не знала!

На них напал почему-то безудержный хохот.

— По крайней мере, я знаю, как тебя звать! — проговорила сквозь смех Бланка.

— Да ну? Слабо́ сказать, какое у меня второе имя!

— А у меня какое — скажешь?

Они опять покатились со смеху.

— Сдаюсь, — сказала Бланка. — Готова признать свою вину.

— И признавай. Этого мне и надо. — Лайза подалась вперед, не вставая с кресла. — Я свою тоже признаю.

Она снесла вниз дорожную сумку; Бланка шла с дамской сумочкой и мешком для грязного белья со свернутым в нем, еще не высохшим после бассейна летним платьем. Номер в гостинице был оплачен до утра, но Бланка все равно съезжала.

В первую очередь она поехала отвозить домой Лайзу. Обе они катили в детстве на велосипеде по тому же проулку, но только с разницей во много лет.

— Здесь хорошо, когда стемнеет, — сказала Лайза, расплющив нос об оконное стекло.

— Вот и Сэму тоже нравились сумерки, — отозвалась Бланка.

— А я понравилась бы ему?

— Определенно. Уж Сэм-то дал бы тебе, конечно, выпить бутылку водки до дна!

На этот раз Бланка нашла дорогу без труда: направо, потом налево и дальше — прямо, вдоль кустов сирени. *От них пахнет нашей мамой,* говорил ей, бывало, Сэм. Она теперь узнала этот запах.

— Спасибо, что довезла, — сказала Лайза, когда они приехали к дому. — Знаешь, когда идешь в темноте, все время натыкаешься на паутину. Ужасно боюсь пауков.

— Боится пауков, — отметила Бланка. — Так и запишем.

— Ну а второе имя, чтоб ты знала, у меня — Сьюзен. По бабке с материнской стороны.

— А у меня второго имени нет. Мама, видно, забыла дать.

— Беатрис не подойдет? — сказала Лайза. — У меня так мышонка звали в детстве. Уменьшительно будет Би-Би.

— Меня Мередит называла «Би»…

— Вот видишь — значит, попала в точку!

— Синтия разрешала тебе держать в доме мышь?

— Да она не знала…

Они с улыбкой переглянулись.

— Ну ладно, буду в Лондоне — заскочу. — Лайза открыла дверцу, но задержалась на минуту. — У тебя сейчас какие планы? Учти, в Нью-Йорке, когда доедешь, будет полночь.

Не самое подходящее время, чтобы стучаться к чужим людям.

Я заблудилась. Откройте. Скажите, куда я попала.

— Хочешь, ночуй у нас, — предложила Лайза. — Беспокоить никто не станет.

Бланка была тронута. Лайза действительно всего лишь ребенок. Бывают и хуже.

— Пожалуй, просто побуду немного здесь. Прогуляюсь по старым местам.

— Ну, смотри. — Лайза вылезла из машины. — Тогда счастливо, Би-Би.

— Счастливо, Лайза Сью.

Бланка провожала Лайзу глазами, пока та, взбежав по ступенькам, не скрылась в доме. Вечер выдался на редкость темный. Ни звездочки на небе. Или, быть может, их затянуло облаками. Бланка вышла и побрела по дорожке на газон, ведущий к бассейну. Трава под ногами была такая мягкая, что она скинула шлепанцы и на минутку легла в эту траву. По темному небу проплывали серебристые облака. *Би-Би,* лениво думала Бланка. Мередит позабавило бы прозвище, которым ее наградила Лайза.

Бланка закрыла глаза. Всего на миг — и назад в машину. И тотчас, помимо воли, провалилась в глубокий сон, и опять ей приснилась птица лебедь. Появилась рядом на траве. Во сне Бланка открыла глаза. На этот раз птица сжимала в лапках яйца — лунного цвета и светящиеся, как луна. Бланка встретилась с ней глазами, и хоть одна была женщина, а другая — птица, они понимали друг друга. Не посредством слов, а чутьем, самым нутром.

Не улетай, сказала мысленно Бланка во сне.

Но птица лебедь, раскинув огромные крылья, взлетела вверх, к беззвездному небу. Яйца остались лежать на траве. Бланка понятия не имела, кому они принадлежат. Ее охватило смятение

— Что мне теперь с ними делать? Как обращаться? Но приглядевшись, она увидела, что это всего-навсего камни. Белые, идеальной формы. Камни — не более того…

Проснулась Бланка на рассвете, отлежав себе ноги и руки. Вся одежда на ней промокла от росы, в волосы забились травинки. Она встала. С земли поднимался пар. Цвет небес повторял собой жемчуга у нее на шее. Мысли ее возвращались к Джорджу Сноу, сидевшему в заднем ряду на каждом ее выступлении в школе танцев. К Джону Муди, написавшему ей письмо. К Джеймсу Бейлиссу, разнимавшему на улице незнакомых драчунов.

Катить по шоссе, свободному от движения в такую рань, не составляло труда, зато в самом Нью-Йорке Бланка изрядно поплутала. Обогнув площадь Юнион-сквер, поехала по Бродвею не в ту сторону и не сразу, кружным путем, выбралась на Двадцать третью улицу. Потом искала, где можно стать, и в конце концов нашла парковку на Десятой авеню, в нескольких кварталах от дома, указанного на обороте отцовского письма.

Она обдумывала, что скажет при встрече сыну Сэма. *Моей матерью была дочь паромного капитана. Моим отцом — незнакомый человек.*

Больше всех на свете я любила своего брата, но при этом всегда знала, что потеряю его.

Нужно было звонить в домофон, чтобы впустили, — но тут как раз кто-то вышел, и Бланка успела придержать парадную дверь. Подъезд был выложен черной и белой плиткой и отзывался на шаги звонким эхом. Лифт отсутствовал; Бланка стала подниматься по лестнице. Дойдя до четвертого этажа, нашла глазами квартиру 4Б, в которой жил сын Сэма, но, не останавливаясь, пошла дальше. Еще один этаж и еще — и так до самого верха. Она хотела увидеть, где это произошло. Дверь на крышу была заперта, но, когда Бланка налегла на нее, глазам все же открылся клочок синевы. Что ж, и того было достаточно. Это, в конце концов, и было то, что видел Сэм. То самое небо. Всю жизнь его не покидала мечта о племени людей из Коннектикута, которые — правда лишь при крайних обстоятельствах — умеют летать. В последний миг, когда нет уж ни выхода, ни надежды, взмывают ввысь с тонущего судна, с горящего здания. Отец их матери — который умер, когда ей было всего семнадцать — божился, что видел собственными глазами, как они летят над проливом Лонг-Айленд Саунд. Похожие на птиц, но на самом деле — вовсе не птицы. На

самом деле — что-то совсем другое.

Прыгнул ли он вниз от отчаяния или сорвался по неосторожности — в любом случае, возможно, он все-таки сохранял надежду. Однажды, неподалеку отсюда, кого-то, кто сбился с пути, нашли. Кто-то, кто падал все ниже и ниже, поднялся к облакам. Кто-то нашел любовь. И вместе с нею — спасение… Бланка спустилась обратно на четвертый этаж. Она не помнила, когда последний раз испытывала что-то похожее на счастье. И вот она здесь, одна, в это единственное, особенное утро. Все прочее, стоя тут, на неосвещенной площадке, она откинула от себя — смахнула прочь, как сажу с подоконника, как птицу, севшую на оконный карниз. Она думала об Икаре, о стеклянном доме, в котором они росли, о своей матери в летнем белом платьице. Влажный воздух становился все жарче; небо, еще сумеречное по краям, разгоралось слепящей синевой. Бланка не ведала сейчас ни где она, ни каким образом попадет домой — да и вернется ли вообще в Лондон и любит ли кого-то — не знала даже, есть ли в этой квартире кто-нибудь, кто ей откроет дверь.

Но все-таки она позвонила и стала ждать, что будет дальше.